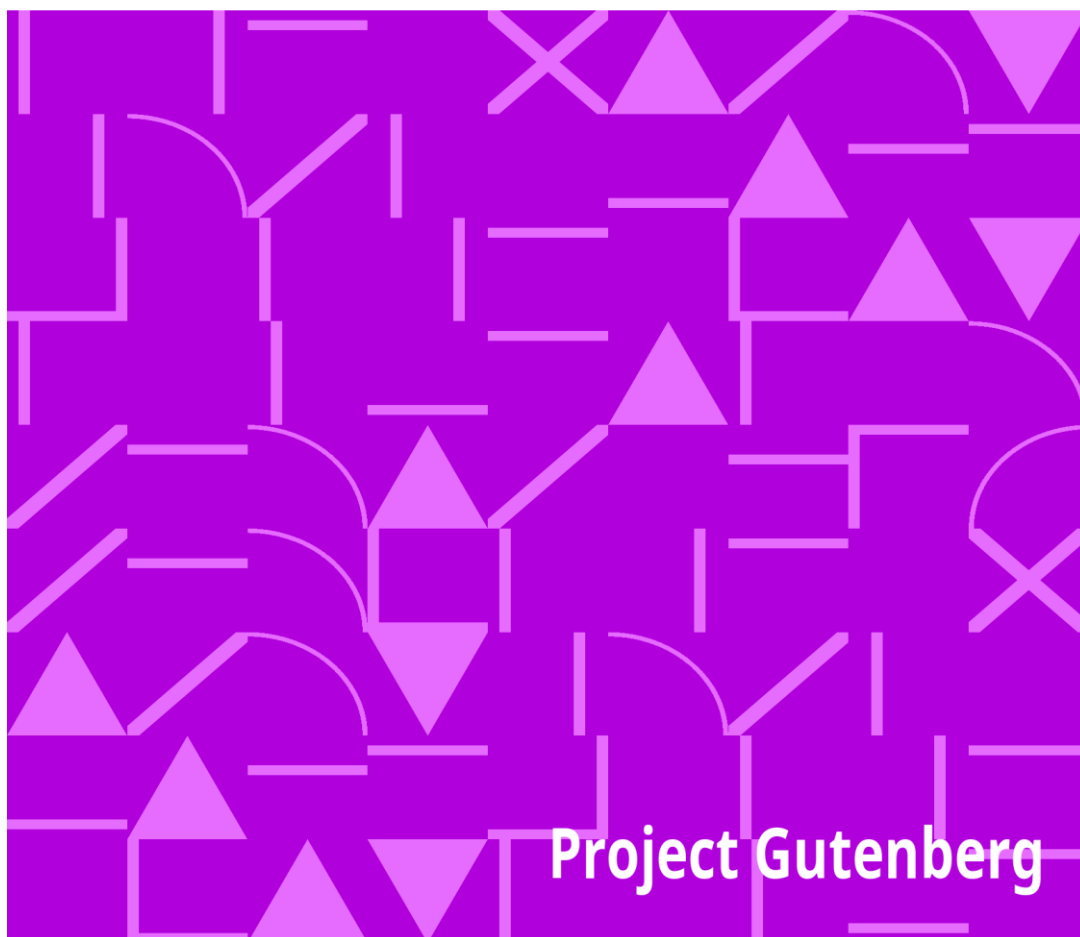

Исчезающая раса. Последний великий индейский совет

Джозеф К. Диксон

The Vanishing Race: The Last Great Indian Council

Joseph K. Dixon

Содержание

[Примечание составителя](#)

[Посвящение](#)

[Иллюстрации](#)

[Содержание](#)

[Концепция](#)

[Благодарность](#)

[ПЕРСОНАЖИ](#)

[ИНДИЙСКИЕ ОТПЕЧАТКИ ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ](#)

[ЕГО РЕЛИГИЯ](#)

[КНИГИ ИЗ ЕГО БИБЛИОТЕКИ](#)

[ЕГО УКРАШЕНИЯ](#)

[ЕГО ВОЙНЫ](#)

[ЕГО ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ](#)

[ИСТОРИЯ ВОЖДЕЙ](#)

[Вождь Пленти Купс](#)

[Вождь Красный Кнут 1](#)

[Вождь Тимбо](#)

[Вождь Апач Джон](#)

[Вождь Бегущая Птица](#)

[Вождь Храбрый Медведь](#)

[Вождь Умапине](#)

[Вождь Тин-Тин-Мит-Са](#)

[Вождь Бегущий-Враг](#)

[НАРОДНАЯ СКАЗКА](#)

[Вождь Красивый Голос Орла](#)

[Фольклорные сказки — су](#)

[Вождь Белая Лошадь](#)

[Фольклорные сказки — янкинские су](#)

[Вождь Медвежий Призрак](#)

[Вождь Бегущий Рыбак 2](#)

[Змея-бык](#)

[Горный вождь](#)

[Спортивные занятия вождя Горных в детстве](#)

[Вождь Красное Облако](#)

[Вождь Две Луны](#)

[ИСТОРИЯ ВЫЖИВШИХ СКАУТОВ КАСТЕРА](#)

[Белый Человек Бежит](#)

[Фольклорная сказка — Ворон](#)

[Волосатый мокасина](#)

[Кудрявый](#)

[Идет-вперед-Басук-Оре](#)

[ИНДЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ О СРАЖЕНИИ КАСТЕРА](#)

[ИСТОРИЯ О БЕЛОМ ЧЕЛОВЕКЕ, КОТОРЫЙ БЕЖАЛ — СКАУТ КАСТЕРА](#)

[ИСТОРИЯ КУРЛИ — СКАУТА КАСТЕРА](#)

[ИСТОРИЯ GOES-ANEAD — СКАУТ КАСТЕРА](#)

[ИСТОРИЯ ВОЖДЯ КРАСНОЕ ОБЛАКО — ОГОЛЛАЛА СИУ](#)

[ИСТОРИЯ ВОЖДЯ БЕГУЩЕГО ВРАГА — ЛИДЕРА СИУ](#)

[ИСТОРИЯ ВОЖДЯ ДВУХ ЛУН — ЛИДЕРА ЧЕЙЕННОВ, РАССКАЗАННАЯ ТАМ, ГДЕ ПАДЛ КАСТЕР](#)

[ЗАКЛЮЧЕНИЯ](#)

[ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ СОВЕТ ИНДЕЙЦЕВ](#)

[ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИНДЕЙЦЕВ О ПОСЛЕДНЕМ ВЕЛИКОМ СОВЕТЕ](#)

[ПРОЩАНИЕ ВОЖДЕЙ](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберга « » Исчезающая раса: Последний великий индейский совет

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Исчезающая раса: Последний великий индейский совет

Автор: Джозеф К. Диксон

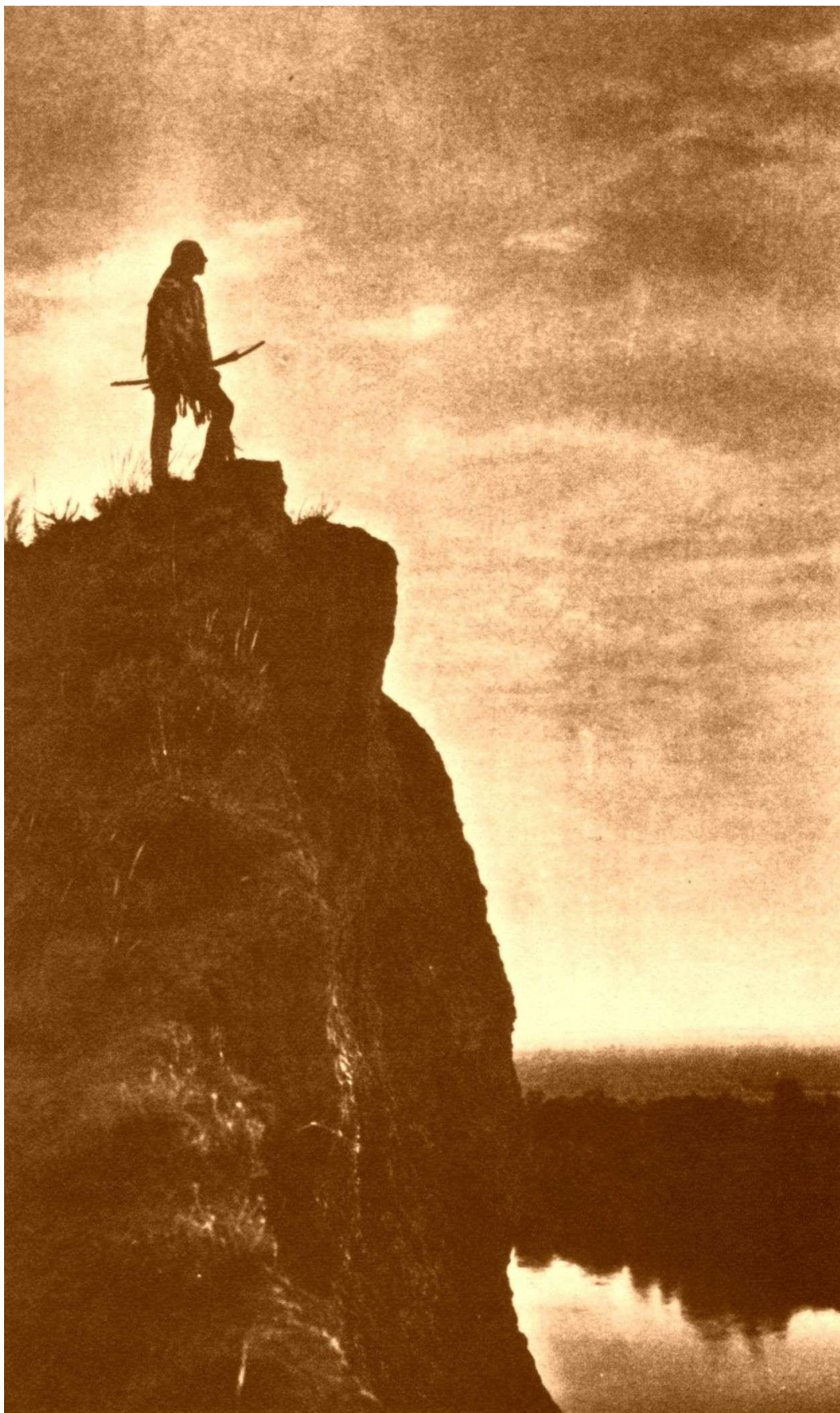
Дата выпуска: 25 декабря 2008 г. [электронная книга № 27616]

Язык: английский

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСЧЕЗАЮЩАЯ РАСА: ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ ИНДЕЙСКИЙ СОВЕТ» ***

Примечание составителя

Обращаем ваше внимание, что в этой книге содержится фотография погребальной платформы, которая может показаться некоторым читателям оскорбительной. Элегический тон, типичный для того времени, который преобладает в книге, также может раздражать современного читателя. Однако некоторые интервью с индейцами до сих пор цитируются, а некоторые фотографии по-прежнему воспроизводятся.

Последний форпост

Исчезающая раса

Последний великий совет индейцев — это запись в фотографиях и рассказах о последнем великом совете индейцев, в котором участвовали выдающиеся вожди индейцев почти из всех индейских резерваций США, а также рассказы об их жизни, рассказанные ими самими — их речи и фольклорные сказки — их торжественное прощание и рассказ индейцев о сражении с Кастером.

Д-р Джозеф К. Диксон

Гарден-Сити, Нью-Йорк
Doubleday, Page, and Company

1913

Посвящение

Человеку-загадке —

Земля — его мать,

Солнце его отец —

Ребенку гор и равнин —

Верному поклоннику в великом мировом соборе —

Теперь трагическая душа, блуждающая по берегам западного океана —

Мой брат индеец

Иллюстрации

[Последний форпост](#)

[Прибытие вождей](#)

[Взгляд назад](#)

[Таинство зимы](#)

[Одинокий вигвам](#)

[Песня духам](#)

[Голос водных духов](#)

[След духа смерти](#)

[Лист из книги индейца](#)

[Песня стрел](#)

[Имперский воин](#)

[Закат в лагере](#)

[Зажигание дымового сигнала](#)

[Ответ на дымовой сигнал](#)

[Нападение на лагерь](#)

[Буйволы грохотали по равнинам](#)

[Дом индейца](#)

[Индийский носильщик](#)

[Платье индейской женщины — миссис Вольф Плюм](#)

[Цветок вигвама](#)

[Маленькие друзья](#)

[Купание в реке Литл-Бигхорн](#)

[Корона из орлиных перьев](#)

[Воины других дней](#)

[Вождь Пленти Купс](#)

[Мирный лагерь](#)

[Вождь Красный Кнут](#)

[Пауза в путешествии](#)

[Вождь Тимбо](#)

[Спуск](#)

[Вождь Апач Джон](#)

[Восхождение на Великий водораздел](#)

[Вождь Бегущая Птица](#)

[Вожди переправляются через реку Литл-Бигхорн](#)

[Вождь Храбрый Медведь](#)

[Огибающая линию горизонта](#)

[Вождь Умапин](#)

[Вниз по западному склону](#)

[Последняя стрела](#)

[Вождь Тин-Тин-Мит-Са](#)

[Вождь преследует врага](#)

[Разведывательная группа на равнинах](#)

[Разведчики проходят под покровом ночи](#)

[Карта поля битвы при Кастере](#)

[Вождь Красивый Голос Орла](#)

[Военный совет](#)

[Военная группа](#)

[Вихрь воинов](#)

[Вождь Белая Лошадь](#)

[Вождь Медвежий Призрак](#)

[Вождь Бегущий Рыбак](#)

[Вождь Бык-Змея](#)

[Вождь Горы](#)

[Военные воспоминания](#)

[Вождь Красное Облако](#)

[Вождь Две Луны](#)

[Здесь пал Кастер](#)

[Разведчики Кастера](#)

[Белый человек бежит за ним — разведчик Кастера](#)

[Волосатый Мокасин — разведчик Кастера](#)

[Кудрявый — разведчик Кастера](#)

[Идет впереди — разведчик Кастера](#)

[На тропе войны](#)

[В боевой линии](#)

[Поле битвы Кастера](#)

[Разведчики в походе](#)

[Закат на поле битвы Кастера](#)

[Поле битвы при Рено](#)

[Две Луны, когда он сражался с Кастером](#)

[Трубка Совета](#)

[Вождь Пленти Купс выступает перед Советом](#)

[Вождь Кун-Ка-За-Чи выступает перед Советом](#)

[Вождь Две Луны выступает перед Советом](#)

[Индейское причастие](#)

[Последний путь](#)

[Угасающий закат](#)

[Исчезая в тумане](#)

[Встречая закат](#)

[Закат умирающей расы](#)

[Пустое седло](#)

Содержание

[Благодарность](#)

[ИНДИЙСКИЕ СЛЕДЫ ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ](#)

[ИСТОРИЯ ВОЖДЕЙ](#)

[Вождь Пленти Купс](#)

[Вождь Красный Кнут](#)

[Вождь Тимбо](#)

[Вождь Апач Джон](#)

[Вождь Бегущая Птица](#)

[Вождь Храбрый Медведь](#)

[Вождь Умапин](#)

[Вождь Тин-Тин-Мит-Са](#)

[Вождь Бегущий-Враг](#)

[Вождь Красивый Голос Орла](#)

[Фольклорные сказки — су](#)

[Вождь Белая Лошадь](#)

[Фольклорные сказки — янкинские су](#)

[Вождь Медвежий Призрак](#)

[Вождь Бегущий Рыбак](#)

[Змея-бык](#)

[Горный вождь](#)

[Спортивные занятия вождя Горного в детстве](#)

[Вождь Красное Облако](#)

[Вождь Две Луны](#)

[ИСТОРИЯ ВЫЖИВШИХ СКАУТОВ КАСТЕРА](#)

[Белый Человек Бежит](#)

[Фольклорная сказка — Ворон](#)

[Волосатый мокасина](#)

[Кудрявый](#)

[Идет-вперед-Басук-Оре](#)

[ИНДЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ О СРАЖЕНИИ КАСТЕРА](#)

[ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ СОВЕТ ИНДЕЙЦЕВ](#)

[ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИНДЕЙЦЕВ О ПОСЛЕДНЕМ ВЕЛИКОМ СОВЕТЕ](#)

[ПРОЩАНИЕ ВОЖДЕЙ](#)

Концепция

При организации этих экспедиций к североамериканским индейцам единственным желанием было увековечить историю жизни первых американцев и укрепить в их сердцах чувство верности и дружбы к своей стране.

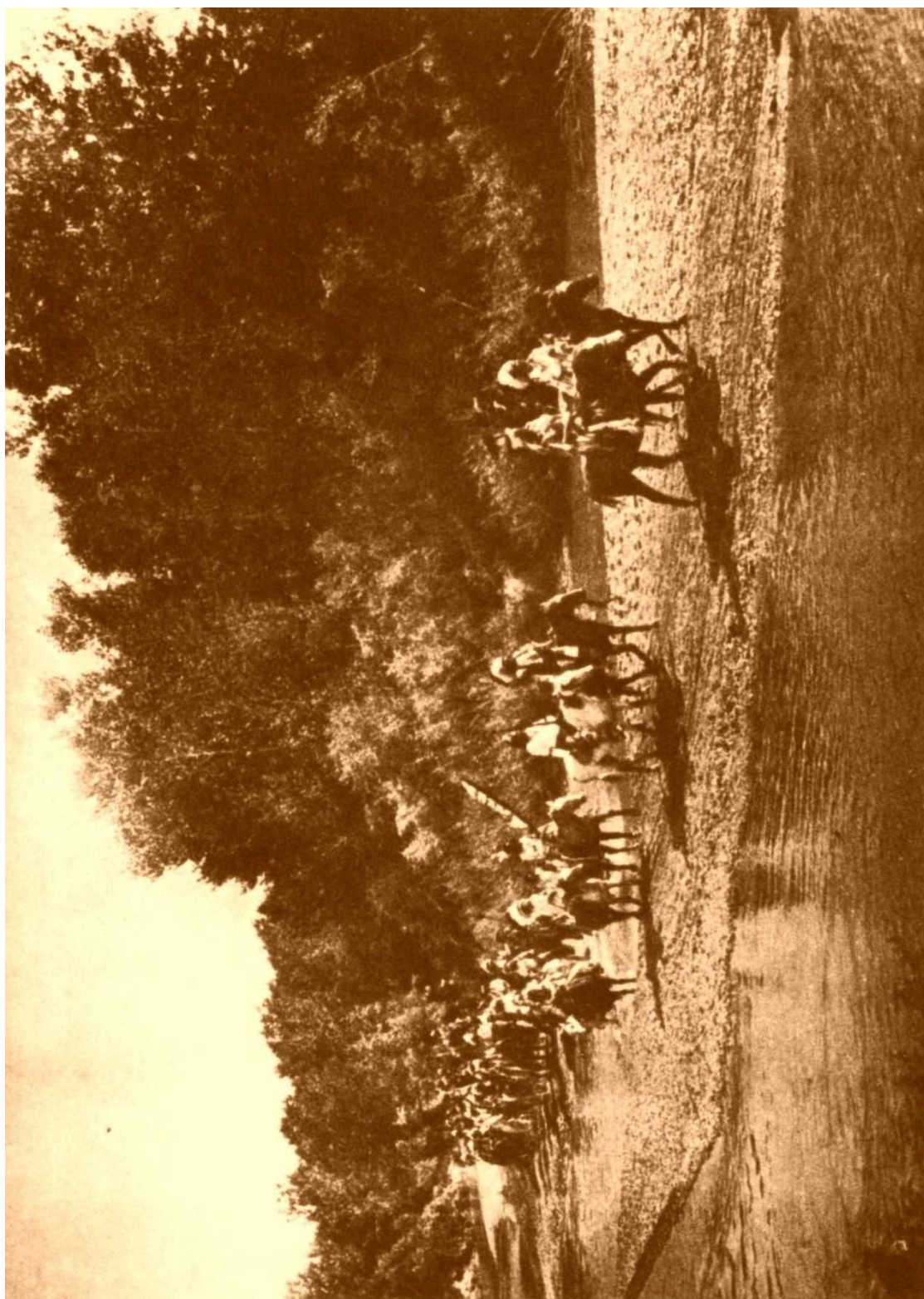
С этой целью были организованы две экспедиции для сбора исторических данных и создания фоторепортажей об их обычаях, традициях, спорте и играх, войнах, религии и стране, в которой они живут.

В результате, в день рождения Вашингтона в 1913 году тридцать два индейских вождя, представляющие одиннадцать племен, собрались вместе с президентом Соединенных Штатов, а также многими выдающимися гражданами и представителями армии и флота, чтобы открыть площадку для индейского мемориала, который по решению Конгресса должен был быть воздвигнут в гавани Нью-Йорка.

Собравшиеся вожди индейцев впервые в своей истории подняли американский флаг. Этот акт и флаг породили волну патриотизма. Эти воины прошлых дней заявили о своем праве на участие в судьбе нашей страны. Первые американцы были настолько глубоко проникнуты чувством лояльности к флагу, что по решению президента США была отправлена третья экспедиция ко всем индейским племенам. Цель этой экспедиции была двоякой: связать каждое племя в стране с Национальным индейским мемориалом и вдохновить в умах краснокожих идеал патриотизма — дух патриотизма, который привел бы к желанию получить гражданство, — чувство дружбы и верности, которое было бы вечно запечатлено в виде завета в Индейском мемориале.

Здесь, под благословением Бога, на берегах нашей любимой страны, где краснокожие впервые приветствовали белых людей, этот мемориал будет вечно стоять из бронзы в память о благородной, хотя и исчезающей расе, и как знак для всего мира единого и неделимого гражданства Соединенных Штатов.

РОДМАН ВАНАМАКЕР.

Прибытие вождей

Благодарность

В первую очередь, Уильям Говард Тафт, президент Соединенных Штатов, дал свое согласие на эту экспедицию, а distinguished Роберт Гросвенор Валентайн, комиссар по делам индейцев, дал разрешение собрать выдающихся вождей из крупных индейских резерваций Соединенных Штатов и дополнил свою любезность полезным интересом и сотрудничеством. Суперинтенданты различных индейских резерваций оказали спонтанную и добровольную помощь; майор С. Г. Рейнольдс, суперинтендант резервации Кроу, благодаря своему сочувствию и эффективной заинтересованности сделал возможным проведение Последнего великого индейского совета; distinguished Фредерик Уэбб Ходж, руководитель Бюро американской этнологии, подтвердил полученные данные. Справочник по американским индейцам позволил расширить рамки предложений по индейской одежде. Великие вожди, которые участвовали в Совете благородно и преданно, воплощали в жизнь историю и традиции своих племен. Всем им выражается искренняя благодарность.

С момента публикации первого издания «Исчезающая раса» была выражена дополнительная благодарность. Во время проведения общенациональной экспедиции по изучению гражданства североамериканских индейцев, охватившей 189 племен и простиравшейся на 26 000 миль, автор был принят в клан Волков племени могавков — Конфедерации ирокезов. Они сказали: «Ты проделал такой долгий путь, путешествовал так быстро и принес столько света и жизни индейцам, что мы называем тебя «Ка-ра-Кон-ти, Летучее Солнце»».

АВТОР.

ПЕРСОНАЖИ

Представители североамериканских индейских вождей, разведчиков и воинов, участвовавших в Последнем Великом Совете индейцев, состоявшемся в долине Литл-Хорн, Монтана, в сентябре 1909 года, с их английскими, племенными и индейскими именами.

Вождь Пленти Купс, вождь племени Кроу, носящий индейское имя Алек-Шеа-Ахус, что означает «Много достижений».

Вождь КРАСНЫЙ КНУТ, выдающийся вождь племени Грос-Вентре, носящий индейское имя Бейн-эс-Канах.

Вождь ТИМБО, или БЕЗВОЛОСЫЙ, верховный вождь племени команчи, носящий индейское имя Та-ча-чи.

Вождь АПАЧ ДЖОН, выдающийся вождь апачей, носящий индейское имя Кун-ка-за-чи, что означает «Защитник своего вигвама».

Вождь БЕГУЩАЯ ПТИЦА, выдающийся вождь племени киова, носящий индейское имя Та-не-хаддл.

Вождь ХРАБРЫЙ МЕДВЕДЬ, верховный вождь южных шайенов, носящий индейское имя Ни-го Хай-ез, Ни-го — медведь, Хай-ез — храбрый.

Вождь УМАПИН, верховный вождь племени каюсов, носящий индейское имя Ва-кон-кон-ве-ла-сон-ми.

Вождь ТИН-ТИН-МИТ-СА, вождь племени Уматилла, носящий индейское имя Вил-Лу-Скин.

Вождь РАНС-ЗЕ-ЭНЕМИ, вождь племени тетон-сиу, носящий индейское имя Ток-кахин-хпе-я.

Вождь ПРЕКРАСНЫЙ ГОЛОС ОРЛА, вождь племени янктон-сиу, носящий индейское имя Вамбли-хо-васте.

Вождь БЕЛАЯ ЛОШАДЬ, вождь южных янкитонских сиу, носящий индейское имя Сунг-ска.

Вождь МЕДВЕЖИЙ ПРИЗРАК, вождь племени Кроу-Крик, носящий индейское имя Мато-Ванаги, что означает «Призрак Медведя».

Вождь БЕГУЩИЙ РЫБАК, выдающийся вождь племени Грос-Вентре, носящий индейское имя Итн-ти-ваати.

Булл СНЕЙК, выдающийся воин и разведчик племени Кроу, носящий индейское имя Зар-Оус-Са-Чи-дупс, что означает «Мужская змея».

Горный вождь, вождь племени Блэкфут, носящий индейское имя Омак-кат-ца, что означает «Большой храбрец».

Вождь КРАСНОЕ ОБЛАКО, вождь племени огаллала-сиу, носящий индейское имя Марпия-Лута.

Вождь ДВЕ ЛУНЫ, верховный вождь северных шайенов, носящий индейское имя Иш-хайу-Нишус, что означает «Две Луны» или «Два Солнца».

БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК БЕЖИТ ЗА НИМ, вождь разведчиков Кастера, выдающийся воин из племени Кроу, носящий индейское имя Миас-тас-хеде-Карус, что означает «Белый Человек Бежит За Ним».

Волосатый МОКАСИН, известный разведчик Кастера из племени кроу, носящий индейское имя Эсуп-эуишес.

Кудрявый, известный разведчик Кастера из племени кроу, носящий индейское имя Шес-хис.

ИДЕТ ВПЕРЕДИ, известный разведчик Кастера из племени кроу, носящий индейское имя Басук-Осе, что означает «Идет первым».

Взгляд в прошлое

ИНДЕЙСКИЕ СЛЕДЫ ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Мы обмениваемся приветствиями с неисчислимыми веками краснокожих. Мы измеряем шаги в мокасинах, чьи следы ведут по отступающим пескам западного океана. Немного красного цвета, застывшего в незапамятные времена, теперь безмолвный страж, проливающий невыплаканные слезы, вглядываясь в безжалостную пустыню.

Жизнь без юмора невыносима. Жизнь индейца была чередой долгих и горьких трагедий. В его бронзовом лице есть что-то, что пугает нас, в его голосе есть что-то, что делает его непохожим на любой другой голос, который мы когда-либо слышали — голос, который будет эхом звучать в гробнице времени — спартанское мужество, которое будет царить еще тысячелетие после Фермопил его расы.

Настал день расплаты. Уничтожение — не веселое слово, но оно взято из алфавита индейской жизни и предвещает бесконечный пафос исчезающей расы. Мы находимся на конце исторических истоков. Впечатление глубокое.

Перед нами предстает видение прошлого и будущего. То, что мы видим, более удивительно, чем вид, точки которого можно легко определить ([стр. 4]). Мы видим мертвое море людей под пустым и безмолвным утром, пустое пространство, в которое устремились тысячи и тысячи — и, наконец, эхо детского плача. Дверь вчерашнего дня индейцев открывается в новый мир — мир, в котором нет краснокожих, но население которого заполняет небо, равнины, печальными и призрачными воспоминаниями — с трепетанием невидимых крыльев орла. Земля без высоких и мрачных фигур, поклоняющихся Великой Тайне; без солнца, снега и бурь — без шрамов сражений, размахивающих боевых дубин и сверкающих стрел — странный, причудливый мир, в котором живет непокоренная раса, побежденная безжалостным натиском превосходящих сил — мы называем их агентами цивилизации. Силы, которые жестоко давили на индейцев, пока те не были вынуждены отказаться от всего, что им принадлежало и что было им дорого, — измениться или умереть. Они не сдались. Они умерли. Они не хотели спасения через капитуляцию; они предпочли забвение, неизвестную тьму — пламя уничтожения. Трудно представить, что это мужественное, неукротимое творение было сметено, как спешащие листья, гневными осенними порывами через залитые солнцем равнины в ночь без звезд.

Белые — это завоевательная раса, но везде слышен крик сердца, желающего проникнуть в тайну этих древних предшественников [стр. 5] . Этот тип цвета привлекает взгляд, приковывает и поглощает интерес.

Люди быстро приходят к признанию высокой моральной обязанности изучать прошлое этой имперской и властной расы. Сохранение этой записи в неизменной форме тем более важно, что все серьезные исследователи жизни и традиций индейцев глубоко убеждены в том, что индейцы как раса быстро теряют свои типичные черты и вскоре обречены на полное исчезновение. Оставшиеся западные племена так быстро отказываются от своих родных обычаев и костюмов, своего образа жизни и обрядов, что мы принадлежим к последнему поколению, которому будет предоставлена высшая привилегия изучать индейцев в чем-то похожем на их родную среду. Буйволы исчезли с континента, и теперь индейцы следуют по их заброшенным следам. Все будущие студенты и историки, все этнологические исследования должны обращаться к снимкам, сделанным сейчас, и страницам, написанным сейчас, для изучения великой расы.

Это почти торжественная справедливость по отношению к исчезающим краснокожим, что студенты, исследователи, художники, поэты, литераторы, гении, щедрые и трудолюбивые

люди стремятся рассказать будущим поколениям, какими были эти мужчины и женщины, которых мы вытеснили и ограбили. [стр. 6] Неоспоримые цифры, полученные в результате более чем пятилетних кропотливых исследований Бюро этнологии в Вашингтоне, показывают, что со времени прихода белых людей численность индейского населения в Соединенных Штатах, к северу от Мексики, сократилась на 65 процентов. Они исчезли из лесов и равнин, с холмов и долин, по которым бродили и властвовали в течение бесчисленных веков. Мы отняли у них землю, уничтожили их веру и разграбили их философию. Это было полное исчезновение целого типа человечества. Завоевательный англосаксонский язык смел с лица земли более тысячи различных языков. Эти коренные американцы *заслуживают памятника*. Они величественно шли по пути веков, но он завершился мертвым маршем Саула.

История североамериканских индейцев не имеет ничего общего со статистическими таблицами, запыленными фолиантами отчетов о таможенных пошлинах, завоеваниями коммерции. Они никогда не подходили к воротам города и не просили впустить их, не участвовали в соревнованиях на арене финансов. Они не имели отношения ни к высоким идеалам государственного управления, ни к безупречной чести судебной власти. Они жили, двигались и существовали в святилище холмов, на высоких алтарных ступенях гор, в возвышенной тишине величественных сосен — там, где птицы пели свои утренние песнопения, а «звезды становились высокими свечами»; там, где зиткаданто — синяя птица — издавала свои чарующие звуки « » [стр. 7] « ». Он искал кат-и-мо — «зачарованную мезу» — как место молитвы, час, в который он мог бы зарегистрировать свою клятву. На широкой равнине, зеленой, как волны океана, он прислушивался к вана'гипи тахупахупи — «крыльям духов». В вана'ги та'канку — Млечном Пути — он видел следы ушедших воинов. Его ноги в мокасинах проникали в ва-кония — «место, где рождается вода» — источники, которые хлынули, чтобы дать жизнь и освежить всю землю. Канхотка ска — «белый иней» — стал одеждой жреца, когда он молился во время зимнего таинства. Вселенная стала для него резонатором всех эмоций, которые волновал его душу. В ее явлениях он нашел ответ на свои стремления и высокое выражение всей страсти своей души. Мы не можем этого понять, потому что индейцы гнались за эфирным, странным, возвышенным, таинственным, а мы гонимся за долларом. Он слышал голос природы, а мы слушаем кукушкины часы коммерции.

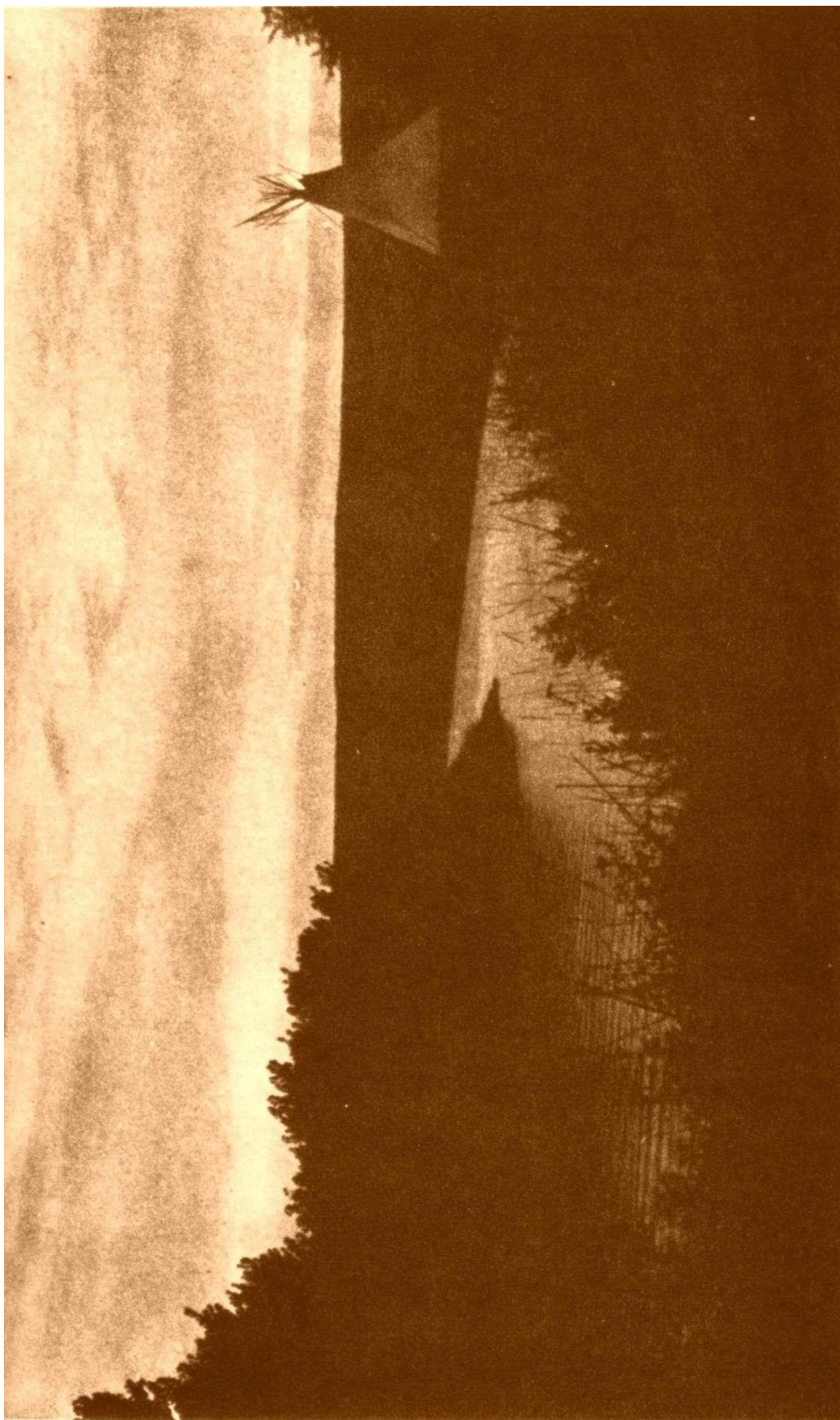

Зимний обряд

Камера, кисть и резчик познакомили нас с его пернатыми и волосатыми гребнями, но что насчет глубоких источников его внутренней жизни? О чем он думал? Что он чувствовал? Какие буйные порывы или общение с Великой Тайной высекли его бронзовое лицо? Ни один ученый, ни один первооткрыватель, ни один руководитель экспедиций никогда не проливал свет на это [стр. 8] . Никакие следы на тропе не могут объяснить нам его величественное поведение, его невозмутимое достоинство, его триумфальное мужество, его непостижимое самообладание, и все это окрашено кроваво-красной борьбой за выживание, которая не имеет себе равных в американской истории.

Чтобы понять индейский менталитет, его дружба и доверие не должны быть затмеваемы. Это чрезвычайно сложная задача, поскольку внутренний храм индейца доступен лишь избранным. Индейцы не любят, когда их фотографируют, потому что считают, что каждая сделанная с ними фотография сокращает их жизнь. Они смотрят на свой портрет, затем ощупывают свое тело; они понимают, что не потеряли ни руку, ни ногу, но глубоко чувствуют, что их душа станет намного меньше в будущем мире. Его медицина священна, и вы не можете прерывать его повседневную жизнь, не разрушив какую-то церемониальную цель. Поэтому значимо, что эти краснокожие люди позволили нам ежедневно общаться с ними. Эта история просто пронизана внутренним миром индейца: как мы сидели с ним в его вигваме, среди его родных мест, окруженные всеми элементами дикой жизни, которую мы должны были увековечить; как мы завоевали его доверие, и он был побужден отложить в сторону свою военную рубашку и орлиные перья, разорвать завесу своей суеверной и необъяснимой сдержанности и дать миру то, что мир так сильно [стр. 9] жаждет узнать — что думает и что чувствует индеец.

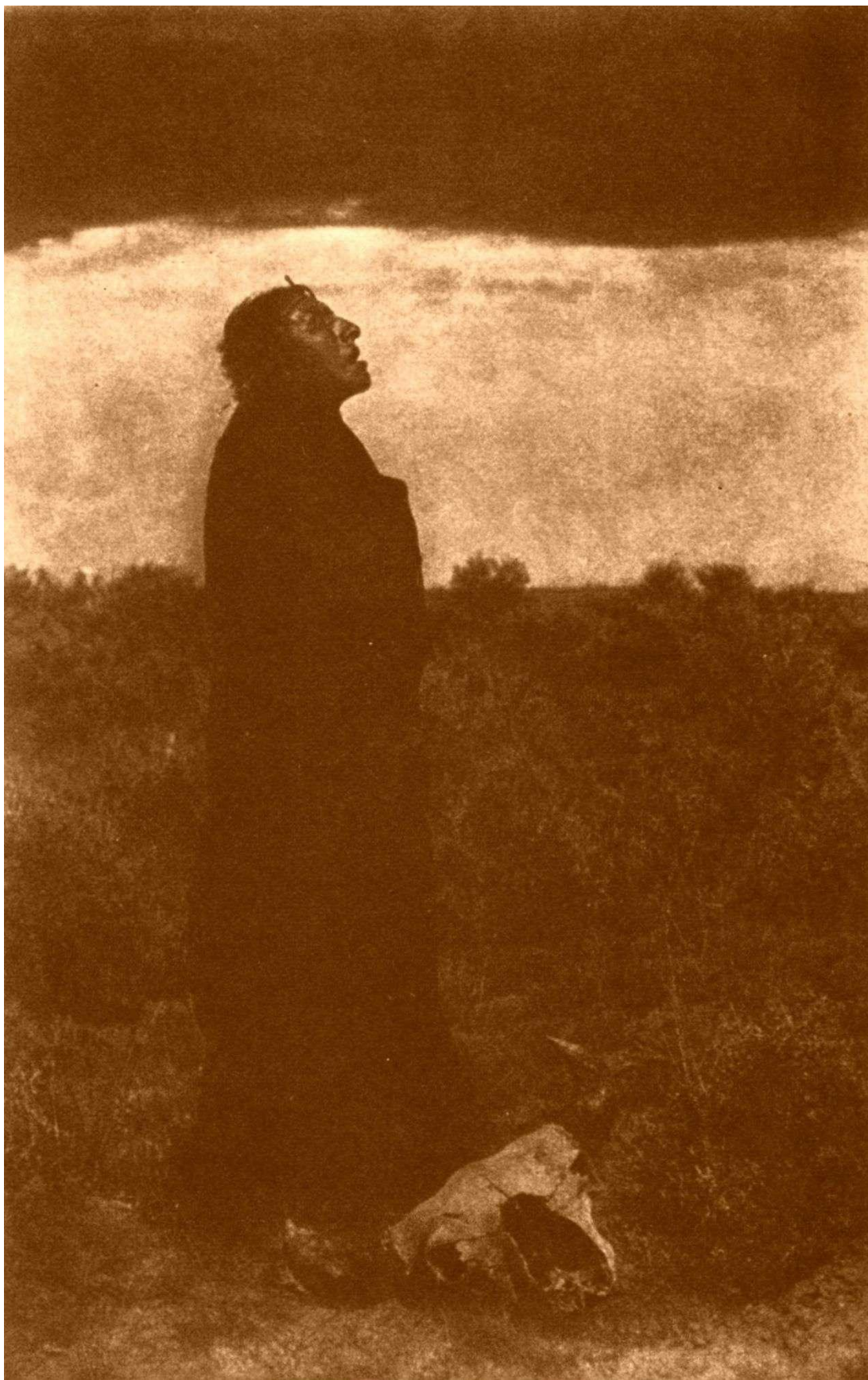
Это были незабываемые часы под чистым небом Монтаны или в полночь при тусклом свете костра, когда дождь барабанил по тепи над нашими головами, в окружении армии сияющих тепи, похожих на белых призраков равнин, в то время как эти трогательные фигуры рассказывали истории своей жизни. Воин былых дней отдался веселым рассказам, восторгам юности, достижениям мужества, дикой охоте, оружию и бедам дикой войны, священным сценам домашней жизни, примитивному управлению племенем и оживленной и увлекательной деятельности лагеря; и, наконец, о величии Великого Совета, когда вожди собирались на торжественном конклаве, чтобы провести общение и сказать долгое и последнее прощание.

Одинокий вигвам

Месяцы упорного труда были потрачены на то, чтобы создать исчерпывающий и постоянный отчет о старинном индейском совете. Для этой цели в долине Литл-Биг-Хорн в Монтане собрались выдающиеся индейские вожди почти из всех индейских племен Соединенных Штатов. Этот совет потребовал разрешения и неограниченной помощи со стороны Бюро по делам индейцев в Вашингтоне, сотрудничества индейских суперинтендантов во всех резервациях, а также отбора самых выдающихся вождей — вождей, прославившихся своими способностями [стр. 10] и почетными достижениями среди своих племен. Совет нуждался в переводчиках из каждого племени, поскольку они могли общаться только на языке жестов. Это потребовало постройки примитивного совета по образцу истории и традиций, а также воспроизведения примитивных обычаев и традиций, как в атрибутике, так и в костюмах и поведении.

Эти отпечатки — следы, оставленные этим Великим Советом вождей, последним Великим Советом индейцев, который когда-либо будет проведен на американской земле. История наиболее точно отражает идиомы, формулировки и атмосферу речи индейцев, как она звучала из их уст. Язык ландшафта, где индейцы обитали, где они сражались и жили, где проводился этот торжественный совет, проявлен в сопровождающих фотографиях. На индейском следе мы можем заметить несколько его отпечатков, как намек на многие другие.

Пение духам

ЕГО РЕЛИГИЯ

Жизнь индейца — это одна огромная и сверкающая мозаика обрядов и ритуалов. Его войны, его одежда, его медицина, его церемонии, его ухаживания и его смерть — все это выражает доминирующую идею, которая пронизывает его жизнь и контролирует его цели. Он живет постоянно и увлеченно в [стр. 11] мистической стране. Его манят невидимые руки и влекут в царство тайн голоса, неслышные для всех остальных. Его одежда украшена яркими цветами, символизирующими зеленую землю, голубое небо и крик его души, ищущей место в великом загробном мире. Как древний первосвященник, он носит на груди огненные нити своей веры.

Индеец сидит в скинии могучего леса или на вершине какой-нибудь пустынной и продуваемой ветрами мезы, бьет в свой там-там или напевает песню за песней, молится Великой Тайне, умоляет огни солнца дать ему силу, жизнь и здоровье и называет солнце своим отцом. Шепчущие ветры рассказывают его историю облакам. Он вглядывается в глубины звезд, наблюдает за полярным сиянием как за смертельным танцем духов, отвечает на высокий зов грома как на голос Великой Тайны, восклицает душой к молниям — стрелам таоизма — общается с реками и озерами, луне, легиону диких зверей, и все это с жалостным желанием, чтобы его дни поста и его заместительная преданность принесли его жизни и его племени благосклонность богов.

Эти первобытные люди не придают значения времени, деньгам и амбициям. Но сон, облако в небе, птица, летящая в неправильном направлении, или изменение [стр. 12] ветра могут вызвать у них глубокие размышления. Для индейцев все знаки являются символическими. Их церемонии так же сложны, как и древние еврейские или греческие традиции. Индеец стремится стать великим охотником, он ищет славы как благородный воин; он борется за орлиные перья отличия, но его величайшее желание — стать шаманом и познать Великую Тайну. Все знахари племен носят на шее или в мешочке на поясе какую-нибудь священную вещь, используемую в их магических обрядах — коготь медведя, змеиный шуршащий язычок, птичье крыло, зуб лося, немного табака. Каждый индеец носит с собой свое личное лекарство, и его лекарство является хорошим или плохим в зависимости от его успеха. Если он находит на своем пути перо, лежащее под неправильным углом, его лекарство на этот день является плохим. Индеец постится, танцует и поет, используя свой разум, дух и тело как гибкие инструменты для создания своей молитвы. В истинном истощении своего тела он находит духовный путь, открытый для его снов, пока сами звезды не кажутся ему глазами богов, а вздохи сосен не становятся для него шелестом крыльев орла, уносящего его дух в более возвышенные сферы. Вопреки распространенному мнению, что индейцы не имеют никакой религии, каждый их поступок несет в себе некую церемониальную функцию, а все их существо окружено сияющим сонмом церемониальных духов. Индейцы идут к воде с молитвенными мыслями « » [стр. 13] « ». Его купание — это таинство. Он срезает длинные гибкие ветки ивы, растущие на берегу ручья, втыкает заостренный конец в землю, наклоняется и связывает перистые верхушки в арку; над арками, сделанными таким образом, он набрасывает свои одеяла; тем временем собранные камни нагреваются в горящем огне. Эти камни, раскаленные до белого цвета, помещаются в небольшую яму под навесом этой хижины, которая теперь будет называться его потной баней. Сначала слуга кладет в яму один камень, а затем, досчитав до четырех, бросает на кучу горячий огонь. Индейцы входят в закрытое укрытие, курят церемониальную трубку, каждому подают тыкву с холодной водой; затем они раздеваются, а присутствующий священник опускает одеяло над входом. Затем на раскаленные камни льется холодная вода, наполняя

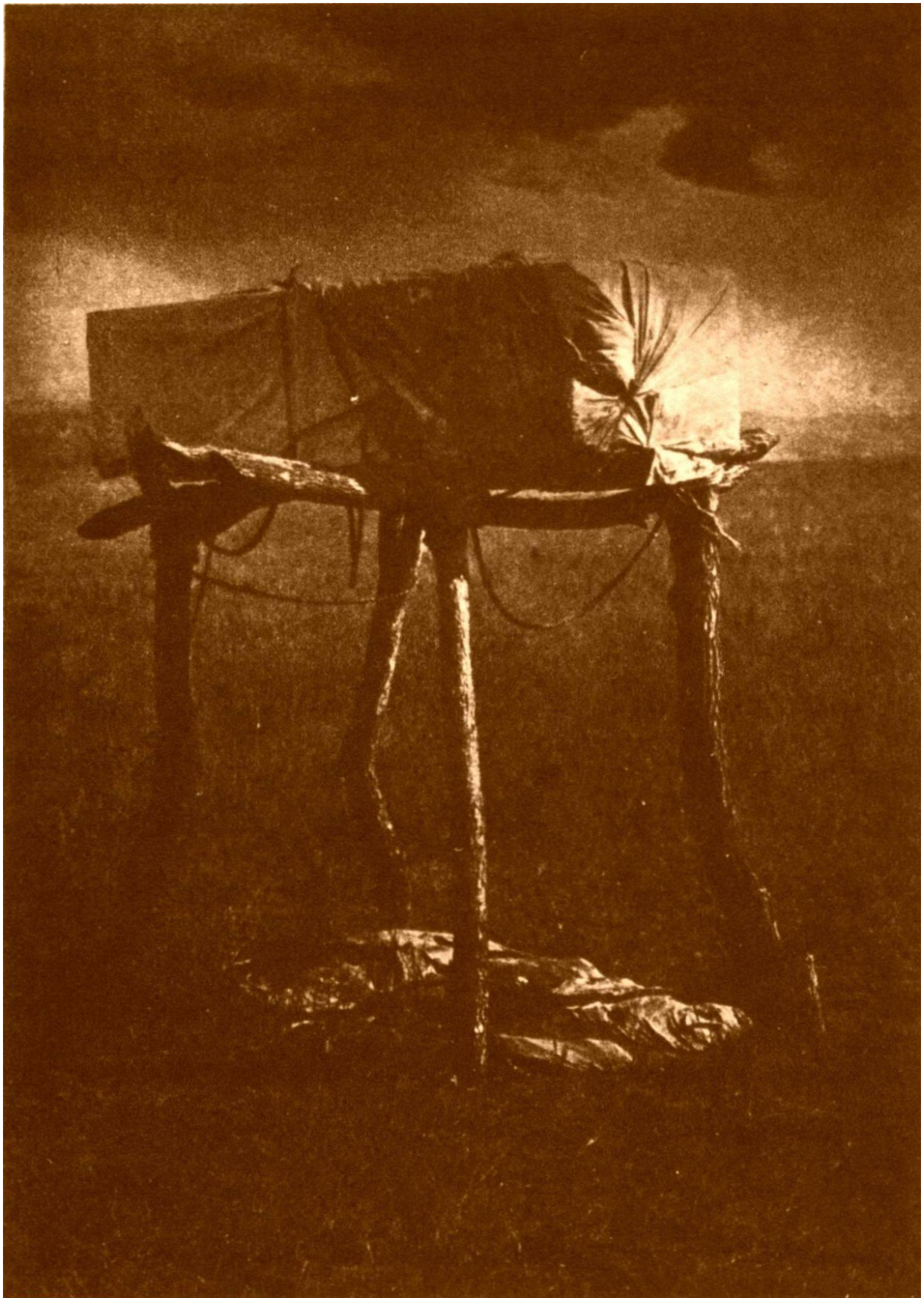
помещение паром. В тишине они общаются с Великой Тайной (Mystery), пока один из них не получает благословение в виде видения; затем раздается сигнал, и обслуживающий поднимает одеяло, почти сразу же опуская его снова. Это действие повторяется до тех пор, пока видение не будет даровано четыре раза, после чего все выходят и погружаются в реку. Эти потные бани всегда расположены на берегах протекающих рек. Индеец видит в каждой ряби сверкающей воды, которая встречает его, сияющий знак лекарства, которое он видел в своем видении. [стр. 14] Затем они возвращаются в вигвам и в торжественной тишине слушают песнопения индейца, которому было оказано благоволение.

Голос Духов Воды

Вьющийся дымок из трубки с длинным чубуком вдыхает дым войны или бледную тишину мира. Своей трубкой он умирляет стихии. По праздничным случаям или когда лагерь радуется радостям урожая, жрец курит свою трубку, выпуская дым сначала на землю, затем

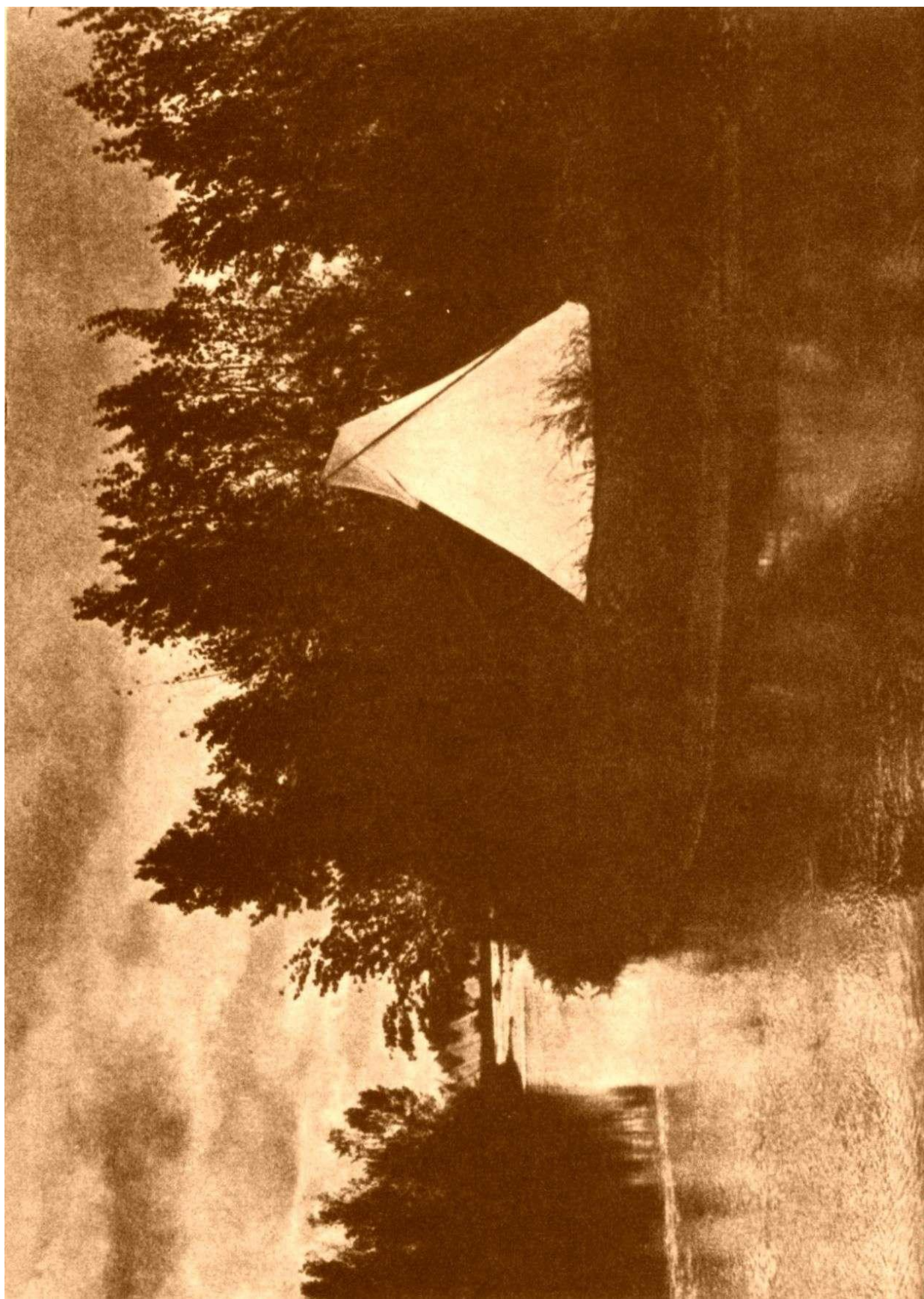
в небо, на север, юг, восток и запад, в знак благодарности за милость богов. Трубкой индеец также скрепляет свои советы.

След Духа Смерти

Индеец хоронит своих умерших на каком-нибудь возвышении, потому что это более близкий подход к миру духов. Их хоронят на эшафотах и на деревьях, чтобы каким-то немой, печальным образом они могли все еще поддерживать общение со своими любимыми и потерянными. У могилы они расходятся по четырем сторонам света и скорбят, все время распевая странную песнь. Они хоронят вместе со своими умершими все вещи умершего, игрушки индийского ребенка, потому что у индийских мальчика и девочки есть куклы, мячи и безделушки, как и у белого ребенка: вы можете увидеть все это подвешенным к столбам эшафота или к ветвям дерева. Когда умер великий Вождь Пятнистый Хвост, они убили двух его пони, повернув две головы на восток, а хвосты прикрепив к эшафоту к западу. Военные шляпы и рубашки складываются вместе с [стр. 15] безмолвными мертвецами; затем следуют безрадостные дни поста и траура. В некоторых случаях нанимаются плакальщики, и за вознаграждение они часто забирают все имущество покойного. Жилище, в котором происходит смерть, сжигается, и часто, когда смерть приближается, больного выносят, чтобы вигвам можно было занять после того, как близкий человек будет похоронен. Скорбь скорбящих реальна и глубочайша. Они не позволяют ни одному знаку ушедшего оставаться в пределах видимости или прикосновения. В их пароксизмах скорби лицо и конечности изранены, и часто отрублены кончики пальцев. До окончания дней траура, которые длятся более года, они не посещают ни одного публичного мероприятия. Скорбящие заворачиваются в белое одеяло, удаляются на какой-нибудь пустынный склон холма, откуда открывается вид на долину, лагерь и далекие жуткие леса, и сидят среди облаков, солнечного света и бури, склонив головы, в торжественном молчании. Скорбящие надевают белые одеяла, когда они проходят по лагерю, что символизирует белую звездную дорожку, куда, как чувствует индеец, ушли его близкие.

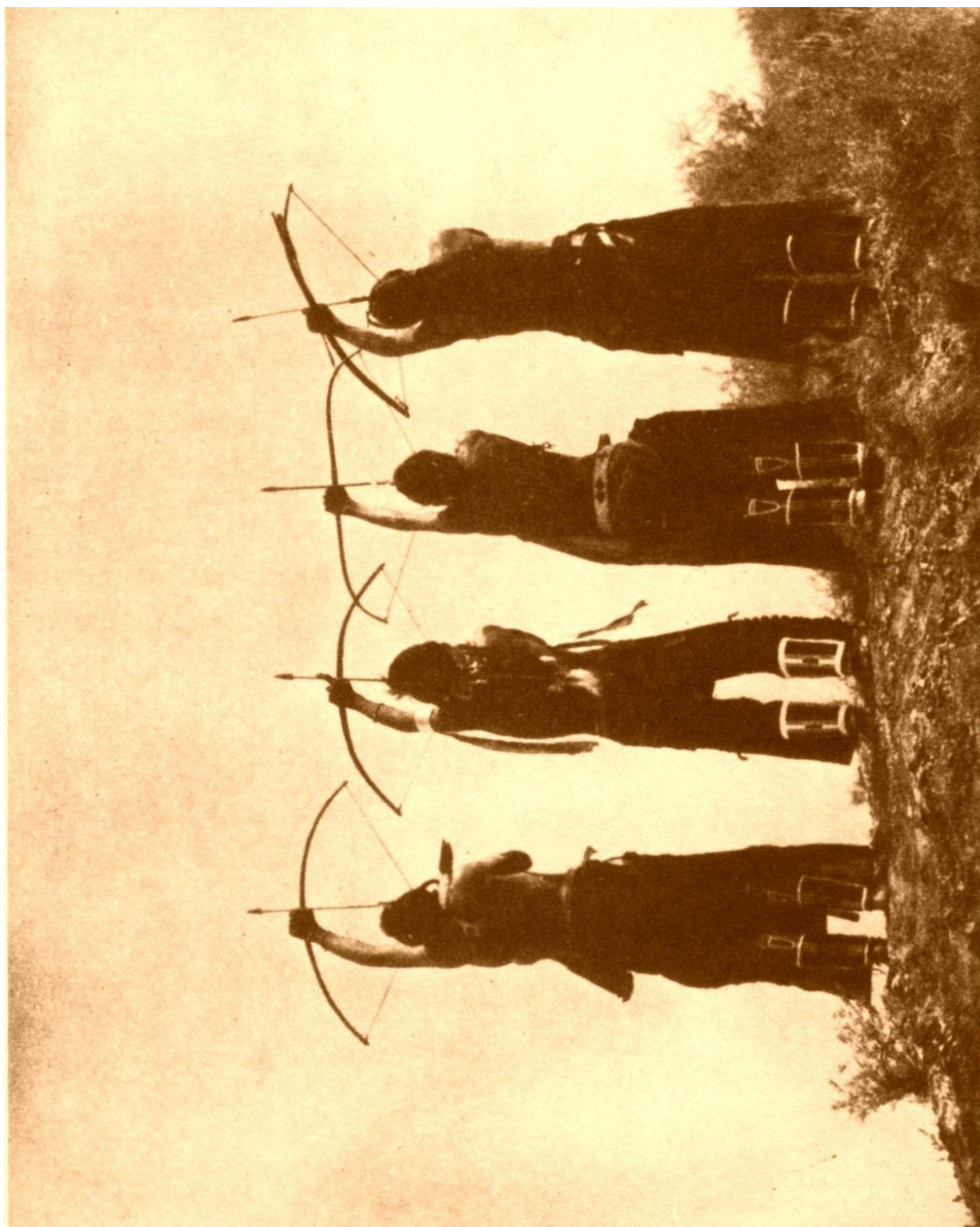
У индейца возвышенное представление о творении. Он любит коричневую землю и называет ее своей матерью, потому что она обладает созидательной силой и потому что она питает. И таким образом, мы могли бы собрать по тридцати двум сторонам света силы, действующие [стр. 16] на земле и в небе, и каждая из них стала бы провозвестницей жизни индейца в вере.

Лист из Книги индейца

КНИГИ ИЗ ЕГО БИБЛИОТЕКИ

Индийское дитя воспитывается на индийских песнях и сказках. Племенные традиции передаются из века в век, изображая в танце воинов и храбрецов, их доблестные подвиги на войне, их победы в погоне, их доблесть в борьбе со всеми врагами. Лесные знания - это постоянный учебник. Его учат наблюдать, с какой стороны дерева самая светлая кора, с какой стороны больше всего ветвей; почему дерево протягивает более длинные руки на опушке леса, чем в глубине леса, куда его глаз научен проникать. Белка, кролик и птицы - все они становятся его маленькими друзьями: где и как они добывают пищу, их образ жизни, их окрас, и как они зовут своих товарищей, кто их враги и как их можно защитить. Его ухо приучено слышать звуки, обычно неслышимые, его ноздри рано приучены различать запахи различных диких животных. Затем появилась его способность имитировать зов этой дикой фауны, иногда прямым озвучиванием или поднося к губам две тростинки так ловко, что робкий олененок оказывается у его ног. Эту литературу индийский ребенок изучает до тех пор, пока его руки не окрепнут настолько, чтобы натянуть лук и быстро пустить стрелу в цель [стр. 17]. Вскоре он примеряет на себя роль воина. Его изучение птиц позволяет ему понять всю жуткость орла, поскольку победа означает, что он может добавить орлиное перо к своему боевому шлему или трости для переворота. Его изучение холмов позволяет ему находить в их алых и золотистых швах цвета для своей боевой раскраски. В малиновых ягодах, украшающих берега ручья, раздавленных, он находит еще один элемент украшения. Белый человек создает книгу, листья которой говорят. Солнечный свет несет индейцу речь и свет. Он живет общением со звездами. Большую звездную медведицу называют великим животным холодной погоды. Когда в его сознании появляется тень, он наблюдает за облаками, которые касаются новой луны. Он читает по звездам, потому что они идут к нему знакомым путем по небу. Это светлые духи, посланные на землю Великой Тайной, и когда плотные миры собираются в скопления, появляется так много душ земных людей, что их след освещает белую дорогу неба. Крыло птицы - символ мыслей, которые летают очень высоко. У птицы, которая парит ближе всего к синеве, он срывает молитвенные перья. Их он красит и бережно хранит. Индеец обладает странной любовью к растениям: высоким травам с кружевными перьями, образующими решетку для темно-зеленых стройных кустов, на которых растут сочные гроздья малиновых ягод буйволицы. Он знает и любит дикие [стр. 18] цветы, которые свешивают свои золотистые головки вдоль берегов журчащего ручья или которые сверкающими красками покрывают широкие просторы равнины. В каждой книге тысячи листов, и с каждой книгой в библиотеке природы он знаком досконально.

Песнь стрел

ЕГО УКРАШЕНИЕ

Случайному наблюдателю костюм и характер индейца кажутся одинаковыми. Буйное и фантастическое проявление красок приводит в замешательство. Дело в том, что незначительные детали индийской одежды являются показателем характера индейца и часто рассказывают историю его положения в племени, и, несомненно, рассказывают историю его индивидуального представления о здешней жизни и о том, на что он надеется в загробной жизни, и подобно лавровому венку на челе греческого бегуна, они рассказывают нам о его подвигах и достижениях. Белому человеку все эти украшения кажутся несколькими глупыми украшениями, потаканием лихорадочному тщеславию, но они, как книга, раскрывают жизнь индейца. Его мотив в украшении - подчеркнуть индивидуальное, племенное или церемониальное отличие. Использование краски на лице, волосах и теле, как по цвету, так и по дизайну, обычно связано с индивидуальными или клановыми убеждениями, или это указывает на родство, или личную тяжелую утрату, или является актом вежливости. Он всегда используется на церемониях, [стр. 19] религиозных и светских, и является дополнением к праздничному наряду с целью чествования гостя или празднования какого-либо события. Лицо умершего часто раскрашивали в соответствии с племенной или религиозной символикой. Краска также использовалась на лицах детей и взрослых для защиты от ветра и солнца. Выщипывание волос с лица и тела является частью ежедневной программы. Мужчина-индеец никогда не бреется, а борода считается позором. Пинцет становится его бритвой. Душистые травы и семена служат в качестве духов. Украшения для ушей являются признаком семейной бережливости, богатства или отличия и указывают на честь, оказываемую владельцу его родственниками.

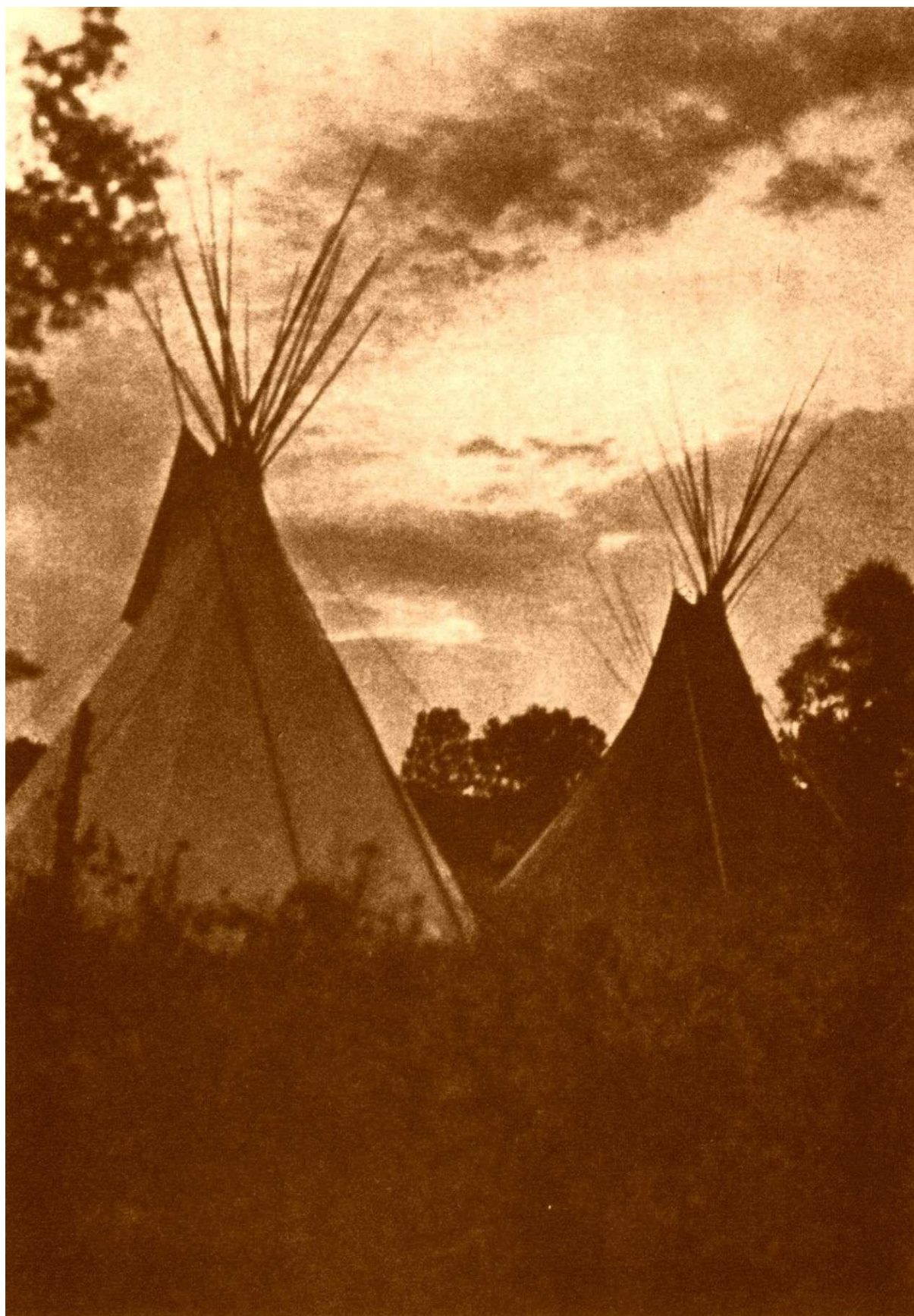
У индейцев равнин молочные зубы лося были самым дорогим украшением. Они были прикреплены рядами к женской тунике и представляли собой кульминацию индийской моды, предмет одежды стоил несколько сотен долларов. Постоянно использовались головные повязки, нарукавники, браслеты, пояса, ожерелья и подвязки из металла, семян и вышитой оленьей кожи. Они были не только декоративными, но часто и символическими. Археологические свидетельства свидетельствуют о почти повсеместном использовании морских раковин в качестве украшений для ожерелий, которые попали в интерьер путем обмена или в качестве церемониальных подарков. Вожди племени любили носить диск, вырезанный из раковины, и они также играли важную роль в религиозных обрядах, занимая среди современных племен такое же место, как бирюза среди [стр. 20] народов Юго-Запада. Ожерелье из медвежьих когтей отличало знатного человека, и иногда его носили как браслет. В стране бизонов женщины редко украшали свои собственные одежды, но вышивали те, что носили мужчины. Иногда человек раскрашивал свою одежду в соответствии со сном или изображал на ней ежегодный отчет о своих собственных деяниях или выдающихся событиях племени. У южных племен молитвенный коврик изготавливался из оленьей шкуры, причем шкуры как буйвола, так и оленя были выделаны и смягчены с использованием мозгов, взятых из черепа животного. Кожа была разрисована замысловатым орнаментом, символами и молитвенными мыслями, украшавшими кожу в церемониальных тонах; белые облака и белые цветы, бог солнца и изгиб луны с зародышем жизни, утренняя звезда, а также символ посланников богов. Над всем этим зигзагообразные линии пересекали синеву неба, обозначая молнию, с помощью которой дети наверху посылали свои указы детям земли, которые бродили по равнинам.

Имперский Воин

Обувь часто свидетельствовала о родственных связях, своеобразный покрой и отделка мокасин указывали на принадлежность мужчины к племени. Боевая рубашка часто украшалась орнаментом, представляющим историю жизни человека, который ее носил. На

груди была молитва о защите, а на спине можно было найти вытканые бисером символы победы. Он преодолел [стр. 21] тропу позади себя. Рубашку часто украшали бахромой из человеческих волос, в более воинственном стиле дополняя скальпы убитых. На войне не было столь внушительных регалий, как его боевой колпак с короной из золотых орлиных перьев. До появления лошади отворот на спине редко опускался ниже пояса, но когда воины садились на коней, пучок перьев удлинялся настолько, что, когда индеец спешил, он волочился по земле. Изготовление военного убора сопровождалось песнями и церемонией. Каждое перо, прежде чем его водрузили на место, держали в руке и рассказывали над ним историю какой-либо военной чести. Шляпа не могла быть изготовлена без согласия всех воинов, и она служила свидетельством племенной доблести и особым знаком отличия, даруемым мужчине его племенем. Каждый индеец получает огромное удовольствие от создания своей цветовой гаммы. Это становится мозаикой художественного таланта. Перья собираются в полете орлов. Шкуры снимаются с диких зверей. Кости, бусины, сверкающие металлы, мягко окрашенные морские раковины - и все это смешано с разноцветными красками, которые он смешал в природной ступке. Женщина подходит к работе с разумным энтузиазмом, и когда она завершена, вся палитра смешанных цветов выходит за рамки критики the tribe. Задняя сторона военного капора и рубашки индейца всегда более безвкусна и роскошна, чем вид спереди, и это потому, что, когда индейцы проходят мимо друг друга, их приветствие короткое и формальное. Они едут дальше. Но после встречи они поворачиваются в седле и оглядываются назад, чтобы произвести инвентаризацию. Богатство индейца, его положение в племени, его церемониальные достижения - все это передается и оценивается. Эта цветовая гамма присутствует во всем индийском гардеробе, включая сумки-трубки, трости-перевороты и мокасины. Индеец не мог получить свое предложение о цветовой гамме от окрашенных осенних листьев, потому что по сравнению с ними они выглядят тусклыми. Возможно, он уловил намек в сияющих закатах, которые в этой западной стране наполняют землю и небо столь трансцендентным великолепием, что простая риторика является профанацией. Более вероятно, что когда он свободно и безудержно бродил по равнинам и холмам, его душа была очарована ослепительным разнообразием красок, превосходящим гений самой гордой палитры, которую можно найти в чудесных образованиях, окружающих великие гейзеры Йеллоустоуна, красками более утонченными, чем самое утонченное искусство. Повсюду по конусообразным холмикам текут крошечные, нагретые паром ручейки, переплетающиеся друг с другом, окаймленные золотом, киноварью, бирюзой, оранжевым и опалом. Также были обнаружены индейские тропы, переплетающиеся друг с другом по всей этой стране чудес. Глубокие борозды на травянистых склонах этих древних следов все еще отчетливо видны. [стр. 23]Мы можем полагать, что именно туда пришел краснокожий человек, проникнутый духом благоговения перед всем этим величием и красотой, и из этой неисчерпаемой лаборатории извлек яркие краски для выражения своей жизни веры.

Закат в лагере

Зажигание дымового сигнала

ЕГО ВОЙНА

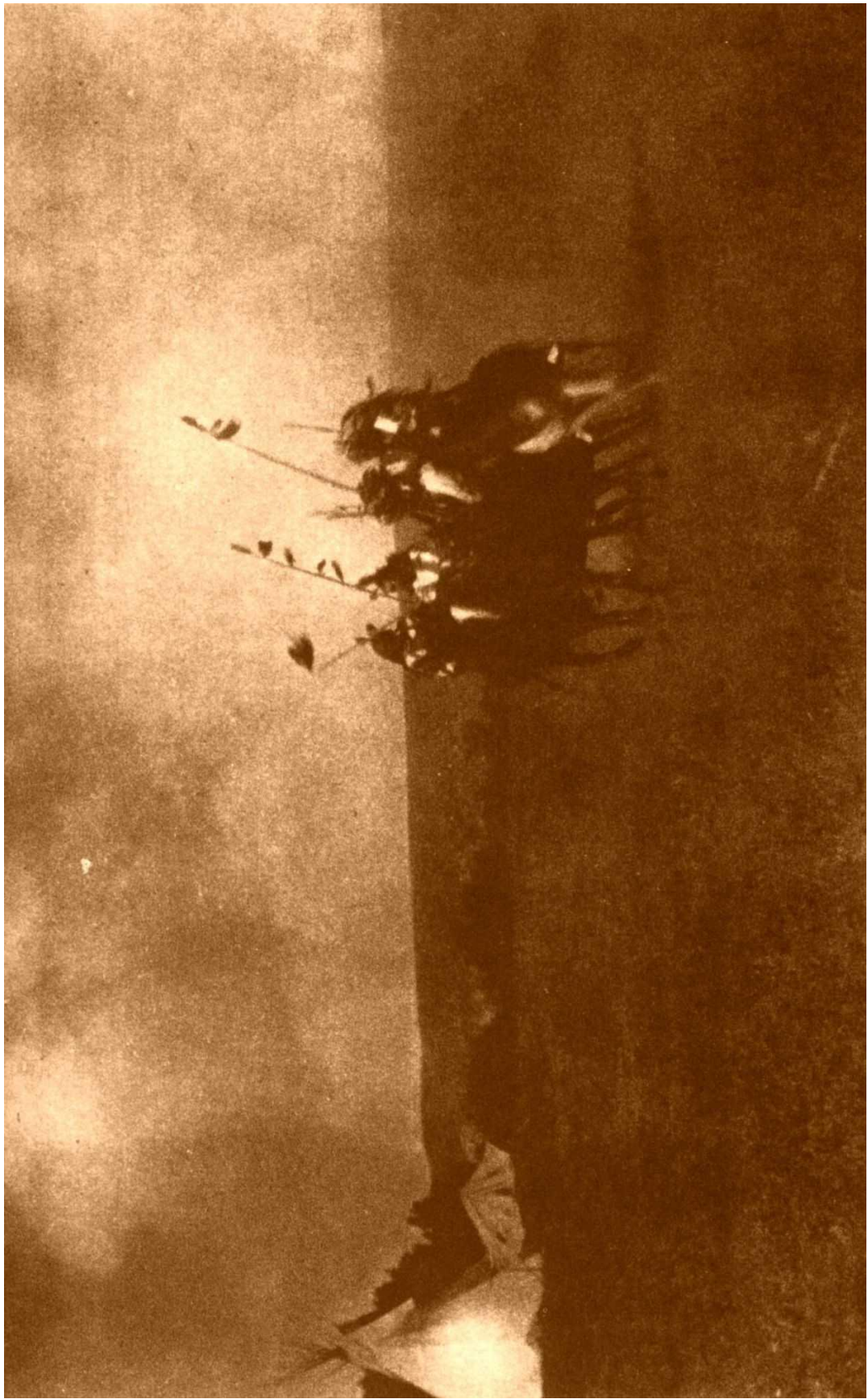
На протяжении долгих веков индеец жил жизнью, полной опасностей, и это воспитало в нем первый мощный инстинкт - желание сражаться. У них на небе горит звезда войны, и когда она движется, для них наступает тяжелое время развязывать войну. Существует множество убедительных причин полагать, что до прихода белого человека среди индейцев не было всеобщих или длительных войн. Мотивов для войны не было. Ссоры возникали, когда хищные племена пытались украсть женщин или лошадей. Раздоры возникали из-за распределения бизонов, но эти беспорядки нельзя было назвать войной. Страна была большой, а племена находились далеко друг от друга. Их боевые орудия были самого грубого вида. Щит остановил бы стрелу с каменным наконечником, и это потребовало рукопашного боя для использования копья с кремневым наконечником и тяжелой боевой дубинки. Пришел белый человек, и на протяжении сотен лет их борьба велась с превосходящими силами. Они оспаривали каждую милю территории, которая была у них отвоєвана. За все это время они не смогли изготовить ни ножа, ни винтовки, ни патронов. [стр. 24] Их способ общения ограничивался дымовыми сигналами, сигнальными кострами и разведчиками. У них не было ни телеграфа, ни гелиографа, ни арсенала. Современные орудия войны они смогли получить только в последние годы, да и то в мизерных количествах, да и то только путем захвата или по непомерно высоким расценкам. Индеец показал себя грозным и искусным противником. Более трехсот лет миллионы цивилизованных белых людей вели ожесточенную битву с тремя сотнями тысяч краснокожих. В течение всех этих трагических лет народы мира двигались к открытиям, порабощению и завоеваниям. Нация подняла оружие против нации. Англия, Франция и Испания окружили земной шар кольцом колоний. Наша собственная великая гражданская борьба вписана на страницы истории кровавыми буквами. Англия, Франция, Испания и Соединенные Штаты в течение этого периода испытывали свою доблесть с этими менее чем тремя сотнями тысяч храбрецов, и только сейчас уничтожение стало полным. В анналах времени не было зафиксировано такого поразительного примера выносливости, силы сопротивления и непревзойденного полководческого мастерства. Сидящий Бык, Красное Облако, Зеркало, Вождь Джозеф, Две Луны, Трава, Дождь в лицо, Американская лошадь, Пятнистый хвост и Вождь Галл - имена, которые добавили бы блеска любой военной странице мировой истории. Если бы они были лидерами в какой-либо из великих армий [стр. 25] нации, они занимали бы видное место в качестве главных капитанов. Индеец, лишенный эффективных припасов и современного вооружения, нашел свое самое сильное оружие в ораторском искусстве логи совета. Здесь, без какого-либо письменного или устоявшегося кодекса законов, без власти прессы и поддержки общественных настроений, абсолютно лишенные всякого общения с цивилизованными ресурсами, без посторонней помощи и в одиночку, их ораторы излагали собравшемуся племени актуальные дела, побуждая умы и волю своих собратьев к согласованным и героическим действиям. Чудесные образы индийского оратора — образы, рожденные его крещением в духе природы, — его любовь к себе подобным и бессмертное сознание справедливости своего дела сделали его ораторское искусство более непреодолимым, чем грохот пушек Гатлинга, а также сформировали образец цивилизованной речи. Это было ораторское искусство, которое позволило нескольким рассеянными племенами противостоять агрессии четырех великих наций мира в течение нескольких столетий и успешно противостоять наступающим колоннам цивилизации. На изучение науки и искусства ведения войны в Индии ушли бы тома. Его стратегия и государственная мудрость привели к победе. Он почти всегда был уверен в победе перед тем, как приступить к битве. Он не знал страха. Тысяча жизней были

бы небольшим подарком, если бы у него хватило сил возложить их на алтарь своего дела. Он противопоставлял совершенство деталей [стр. 26] хитроумной стратегии своего цвета кожи и напыщенному превосходству тактики белого человека. На тропе были приняты меры к тому, чтобы замести или стереть его следы. Когда возникала необходимость в разведении костра, он поджигал тонкие сухие веточки, чтобы горение зеленых сучьев не разносило по ветру запаха огня и не несло за собой шлейфа дыма. Он задумал и осуществил замечательный обман в одежде. Зимой отряд воинов перекрашивался в белый цвет. Они ехали на белых лошадях, и все их боевое облачение было сшито из самого простого белого материала, так что группа воинов, расположившихся на вершине холма, казалась издали похожей на статный валун, покрытый снегом. Эта маскировка также позволяла им незаметно подкрадываться к дикой дичи. Осенью их лошади были выкрашены в желтый цвет, и они были одеты в желтую одежду, так что на опушке леса их нельзя было отличить от листьев уходящего года. Сине-зеленая полынь, столь заметная в прериях, служила индейцу еще одним полезным средством маскировки. Он почти полностью раздевался и раскрашивал свое лицо, руки и волосы, а также туловище своей лошади в точь в цвет полыни; и когда они вели разведку, пригнувшись, среди зарослей полыни или ехали вдалеке вдоль поросших зеленью берегов ручья, маскировка была настолько полной, что обнаружение [стр. 27] становилось трудной задачей. Это было остроумное и художественное проявление военного таланта.

Отвечаю на дымовой сигнал

Нас часто заставляют задуматься о страсти индейца к своей переворотной палке (произносится соо). Этот жезл, украшенный орлиными перьями в его собственной цветовой гамме, является символом империи индейца. Это "Крест Виктории" за его доблестные поступки. В битве он бросается на своих врагов, касается врага своей дубинкой для переворота — этот человек его пленник, и он засчитал переворот. Он убивает врага, затем подбегает и касается его палкой, снимает с него скальп; засчитывается еще один удар. Заслугой победы считались три храбрых поступка: убийство врага, снятие скальпа с врага или то, что ты первым нанес удар врагу, живому или мертвому; любой из них дает человеку право называться воином и публично рассказывать о своем подвиге; но первым прикоснуться к врагу считается самым храбрым поступком из всех, поскольку это подразумевает близкое приближение в бою. На последнем Великом индийском совете и по пути домой внимание писателя было привлечено к тому значению, которое придается трости для переворота. Они присутствуют на всех церемониальных мероприятиях и присутствуют на всех церемониальных парадах. Воин, который может поразить вигвам врага в атаке на родной лагерь, таким образом, рассчитывает на успех и имеет право воспроизвести его особый дизайн в следующем новом вигваме, который он сделал для собственного использования, и увековечить образец в своей семье. Орлиные [стр. 28] Перья на палке могут быть помещены туда только после того, как воин подсчитает свой удар, расскажет о нем публично и поступок получит одобрение всех воинов. Орел, самая гордая и победоносная из птиц, затем подарил перо, которое ловко прикрепляется кружочком из блестящих бусин к палке, и гордый победитель выставляет напоказ еще одну эмблему своей храбрости.

Нападение на лагерь

Буйвол, некогда царь прерий, был практически истреблен. Возможно, в жизни индейца никогда не было большего горя, чем это умышленное расточительство и невосполнимая потеря. По сей день индеец оплакивает уход бизонов. Он не может примириться. Все радостные и прибыльные события в своей жизни он относит ко временам буйвола. На собрании вождей на последнем Великом Совете буйвол был бременем всех воспоминаний. Эти вожди-ветераны с грустью изучали старые бизоньи тропы и, вспоминая дни охоты, говорили, оглядываясь назад: "Мое сердце одиноко, и душа моя плачет". Индейские дети так сильно любили буйволов, что играли в охоту на них. Животное давало пищу и одежду, а многие части крепкого тела они считали священными. Истребление этих огромных стад пробудило самые темные страсти в сердце индейца и много раз пробуждало его боевой дух и посылало его на битву с агрессорами. За девять [стр. 29] лет между 1874 и 1883 годами было безжалостно убито более восьми миллионов буйволов. Но военный занавес над индейцами был опущен, и обширная территория, на которой двести лет назад паслись эти огромные стада дикой дичи, сегодня покрыта домашними животными и изобилует сельскохозяйственной жизнью, обеспечивая продовольствием миллионы и миллионы людей по всему цивилизованному миру.

Буйволы с грохотом Неслись По равнинам

ЕГО СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Далекие просторы прерий, извилистые ручьи, лиги белой пустыни, где только облака в небе и тени облаков на вздувающемся песке, армия холмов и утесов, иссеченных штормами, леса, первозданная тишина которых насмехается над календарем человека, логова орлов, антилоп, оленей и буйволов — и край занавеса приподнимается над землей, по которой бродил индеец и где он устроил свой дом.

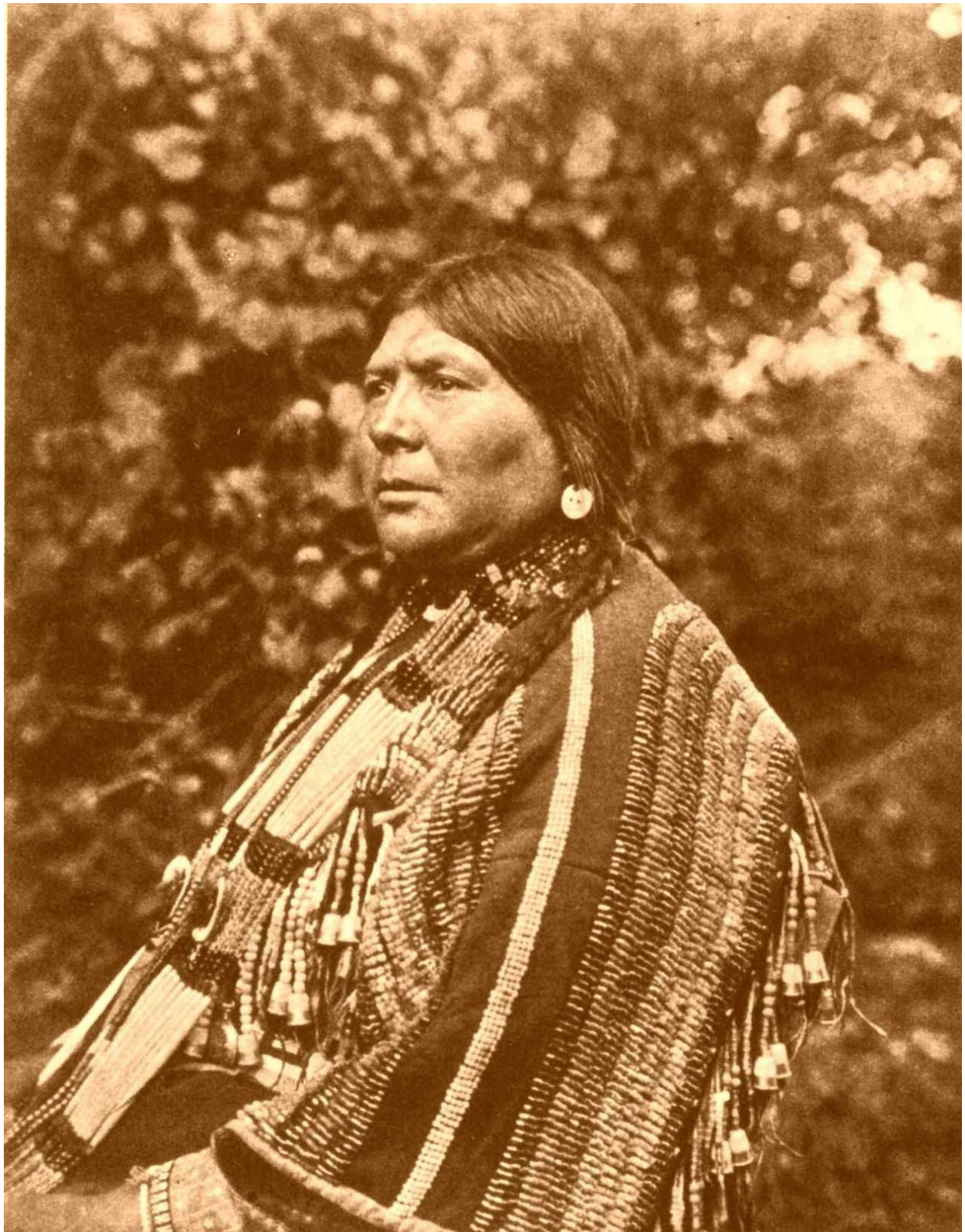
Найдена дичь, зеленые равнины усеяны полукругом конусообразных вигвамов; рядом с лагерем, окаймленным деревьями, течет ручей, только что с гор, - лагерь, который в прежние времена был разбит на каком-нибудь плоскогорье для наблюдения за врагом, белым или красным. Лошади пасутся поблизости или далеко в поле; старые воины и знахари сидят в тени, курят трубки из красного песчаника с длинным черенком и рассказывают о былых временах. Пестро одетые фигуры снуют туда-сюда, пока [стр. 30] женщины заняты своими делами. Огромные охапки дров привозятся в лагерь на спине индианки. Она носит воду из реки, печет пирог, перевернутый к огню, варит кофе, а затем все садятся на землю и угощаются вяленой говядиной, кофе, хлебом и ягодами. Руки лучше ножей и вилок, одной чашки хватит на многих, а полоска вяленой говядины передается по кругу, чтобы каждый мог отрезать себе желаемую порцию. Шумная, ликующая группа детей играет со своими куклами и собаками — собаками, которые созданы для того, чтобы служить вьючными животными и орудиями пыток. На ночь постели устраиваются на земле по внутреннему кругу вигвама, и морозный холод прогоняется костром в самом центре — это самое прекрасно вентилируемое сооружение в мире — воздух проходит под краем вигвама в петле, которой он привязан у основания шестов, затем выходит через отверстие наверху, унося с собой всю пыль и дым. Индеец никогда ничего не знал о туберкулезе, пока белый человек не заточил его в бревенчатых хижинах, где в одной комнате жило по двадцать человек, щели и замочные скважины были полностью забиты, и где они дышали друг на друга бесчисленное количество раз. В вигваме вождю отведено почетное место. Подставка сделана из подставок, похожих на мольберт. Спереди проходит решетка из тонких ивовых прутьев, которая покрыта длинной полосой [стр. 31] шкуры буйвола. Против этого возражает вождь. У каждого члена семьи есть отведенное ему место внутри вигвама, и он может украсить свою секцию в соответствии со способностями или фантазией. Здесь воин вешает свой боевой колпак и иногда записывает свои достижения в погоне или на тропе войны. По всему кругу разбросано множество ярко раскрашенных сумочек от *parflesche*, содержащих мелкие детали одежды или какие-либо личные вещи. Многие вигвамы в индийской деревне украшены индийскими картинами, повествующими о героических подвигах воинов, которые живут в вигваме. Фигуры часто гротескны и не имеют аналогов в области искусства. Лекарству отведено видное место в сторожке. Никто не садится и не ложится с той стороны вигвама, куда они положили домашние лекарства, и когда они проходят мимо него при входе или выходе из вигвама, все головы склонены. Медицинский вигвам отличается от всех остальных. Он окрашен в темно-бордовый цвет с зеленой луной, окруженной желтым кругом. Лекарство обычной индийской семьи вывешивается над входом в дом или подвешивается на шесте и может состоять из волчьей шкуры или темного одеяла, свернутого продолговатым образом, содержащего священные знаки семьи. Каждая индийская семья гордится тем, что у нее есть стая собак. Они богаты

собаками. В нашем лагере, состоящем примерно из тридцати вигвамов, надежный индеец подсчитал, что в нем было более трехсот [стр. 32] собак. Эти собаки свободно разгуливают по домику, а ночью они забираются под край брезента и спят рядом со своим хозяином-индейцем. Стоит незваному гостю проникнуть в лагерь в темное время суток, и они одновременно выбегают, воя, как стая волков, пока можно не подумать, что из недр земли вырвалась стая собак. Индийский воин делает из своей собаки компаньона, и он не может проявить большего гостеприимства по отношению к гостю, чем убить своего любимого друга и угостить гостя собачьим супом. Отказ от этой диеты - самое жестокое оскорбление.

Индейский Носильщик

Индианка является мастером ложки. Она носит кошелек. Любые деньги, которые попадают в руки мужа, немедленно передаются ему. Подневольные работы в лагере выполняют женщины. Здесь мы имеем выражение закона равенства. Муж должен выполнять изнуряющую и опасную работу по охоте на дикую дичь ради пропитания и шкур для одежды. Он должен был защищать лагерь от нападений врагов, и женщина чувствовала, что ее задача по сравнению с этим легка. Индийский ребенок правит семьей. Его редко, если вообще когда-либо, поправляют. Известно, что ни одна индийская мать никогда не била своего ребенка. Если они чего-то хотят, они плачут, пока не получают это - и они знают, как плакать. В игре они такие же веселые и неистовые, как любой белый ребенок. Они катаются на муляжах лошадей и играют в мяч из грязи. Мальчик-индеец [стр. 33] готовит ивовые палочки, сдирает кору, затем скатывает из влажной глины шарики и, насадив шарик на конец прутика, бросает его в цель с большой скоростью и точностью. Пожалуй, самым популярным видом спорта среди детей является то, что они называют игрой с палками. Снова используются ивовые прутья без коры, только на этот раз их обрезают достаточно коротко, чтобы они были жесткими, и с большой скоростью вбивают их вверх по наклонной доске. Когда клюшка отрывается от доски, она летит, как стрела, далеко вдаль. У каждого индийского мальчика и девочки есть пони, с которым они почти неразлучны и на котором они бесстрашно катаются верхом.

Платье индианки—миссис Волчий плюмаж

Пока мужчины отправляются на поиски дичи, женщины самым очаровательным образом вышивают бисером, одновременно наблюдая за папрусом, полностью закрепленным в своей деревянной, покрытой бисером колыбели, высовывается только голова. Колыбель подвешена к столбу вигвама или к суку дерева, погремушки и колокольчики позвякивают

на ветру. Другие женщины собираются в тени и играют в азартную игру "Сливовая косточка". Они используют косточки дикой сливы, которые раскрашивают причудливыми узорами, и бросают их в деревянную миску.

Цветок вигвама

Ухаживания индийских влюбленных различаются в зависимости от племен. Одна пара влюбленных скрепляет свои клятвы, стоя немного поодаль от родительского ложа и накрыв голову одеялом. В другом племени переговоры ведутся исключительно через [стр. 34] родителей, когда сделка сводится к бартеру - столько-то пони за невесту; в то время как в еще одном племени, когда юношу поражает любовная прихоть, он договаривается встретиться с приглянувшейся ему молодой женщиной, когда она идет к реке за водой. Они проходят мимо друг друга, не узнавая. Это происходит два или три раза. Наконец, если молодая девушка приветствует эти знаки внимания, она смотрит на него, когда они проходят. Той ночью он приходит в домик ее родителей, остается снаружи, бьет в тамтамб и поет песню о любви. Затем молодая девушка выходит ему навстречу, и они сидят снаружи и разговаривают. На следующее утро мать расспрашивает свою дочь об этом романе, а затем приглашает молодого человека поужинать с ними и посидеть у костра. Таким образом, ухаживание продолжается до тех пор, пока он наконец не говорит: "Я возьму эту девушку себе в жены", - и они вдвоем расходятся по своим домикам. У индейца есть неписанный кодекс семейной морали, которого он придерживается наиболее жестко. В некоторых племенах ни один индеец не переступит порог другого, если жена этого мужчины одна, а в других ни один брат не войдет в дом, где живет его сестра, если у нее нет компаньонки. Это древний закон, который существует у многих племен. У воронов есть эксцентричный обычай, согласно которому сестре после замужества не разрешается появляться на людях со своим братом. Если индеец оттолкнет чувства жены другого индуса или украдет его лошадь, то пострадавший [стр. 35] будет оправдан, если возьмет его винтовку и убьет обидчика. Весь лагерь одобрил бы эту акцию на том основании, что это избавило бы лагерь от вражды.

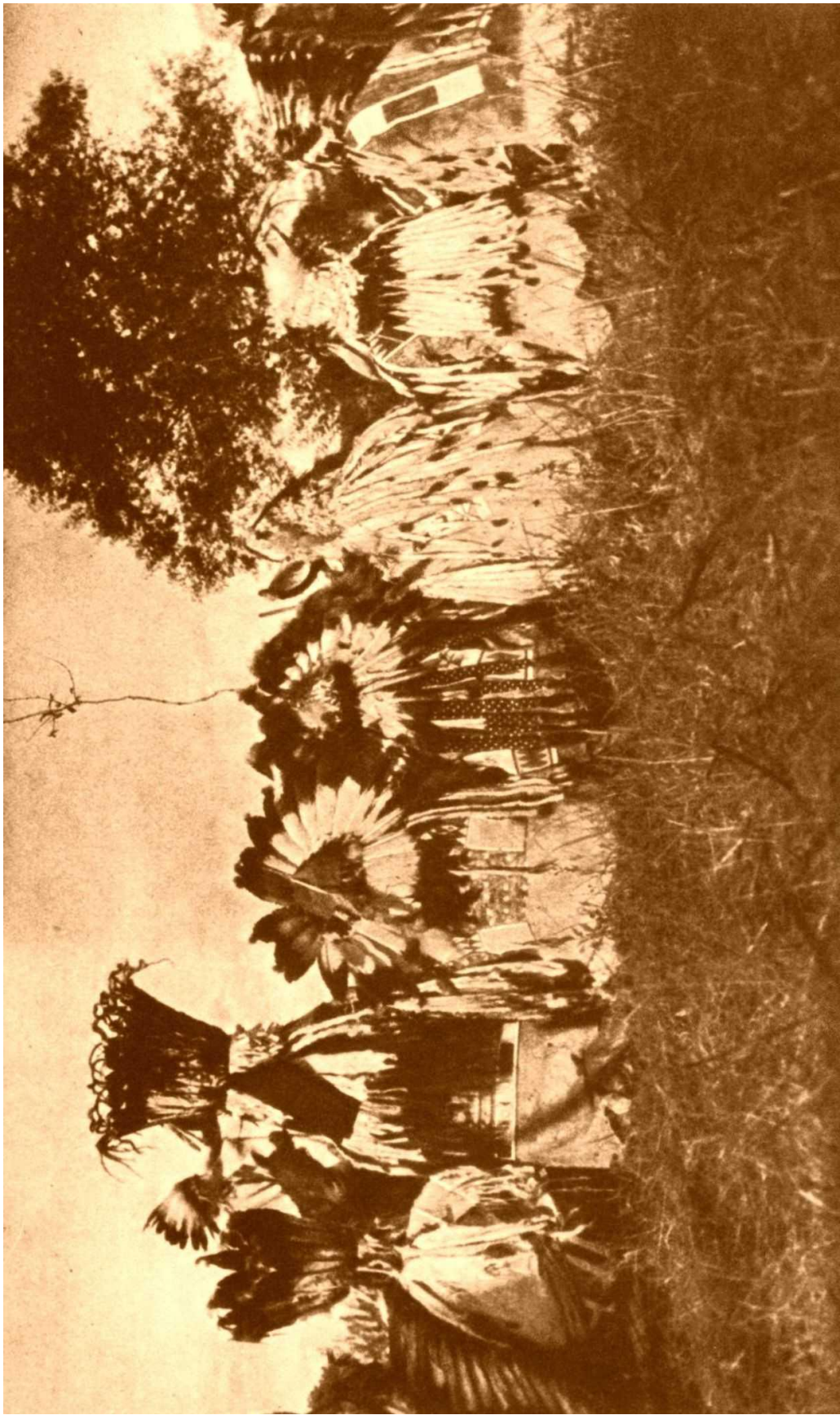
Маленькие Друзья

Вежливость и гостеприимство индейца, как по отношению к себе подобным, так и к незнакомцам, были характерной чертой его характера со времен прихода белого человека и по сей день. Когда Колумб достиг берегов Нового Света, дружелюбные карибы оказали ему сердечный прием. Правая рука сердца товарищества была протянута в знак приветствия и гостеприимства, когда исследователи и поселенцы высадились на американской земле. Достоинство, великодушие и вежливость отличали отношение индейца к этим новым белым пришельцам. Характер, обычно приписываемый индейцу, - это характер дикаря, но этот недостаток появился у него в результате контакта с белым человеком. Их простодушная и доверчивая натура быстро деградировала, когда они были порабощены, преданы и убиты. Их невежеством и добротой воспользовались. Затем началась расовая война, не имеющая себе равных по жестокости и варварству. Неумолимое шествие цивилизации, независимо от этики, продолжалось до тех пор, пока мы не услышали боевой клич индейцев и не смогли увидеть божественную благодать дружбы. Индеец возвращал с лихвой за каждую травму и лишения, за каждое жестокое нападение и злобную агрессию. Он полностью расплатился по всем счетам монетой безжалостной мести. Эти тени стирают наше представление о нем как о придворном и [стр. 36] гостеприимном хозяине. Индеец разделит свою последнюю корку, а потом сам останется голодным, чтобы вы могли съесть его половину корки. Если бы не щедрость индейцев в поставках продовольствия, первые поселенцы как в Новой Англии, так и в Виргинии, должно быть, погибли бы от голода. Каждого гостя, входящего в индейский вигвам, встречают всеми прелестями гостеприимства - сердечным приветствием - в великолепной домашней обстановке.

Ванна в Литл- Биг-Хорне

Индейские тропы больше не протоптаны глубоко в дерне прерий, они становятся все более тусклыми и расплывчатыми. Сегодня это "тонкая красная линия", быстрое собирание всего, что осталось, в сумерках, после захода солнца.

Корона из Орлиных перьев

ИСТОРИЯ ВОЖДЕЙ

Американский разум мог представить себе республику, но не индейцев. Америка могла завоевать Старый Свет и подняться искупленной и победоносной, когда ее раздирает ужасный вихрь внутренней борьбы. Но краснокожий бросил ей вызов. Его зов разнесся по равнине, как осенняя буря по лесам, и его собратья краснокожие откликнулись, как опавшие листья. История содрогается от этого рассказа. Теперь посмотри через плечо. Когда пламенный язык Революции превратился в бессмертную речь свободы, Мэдисон, Мейсон, Патрик Генри и Эдмунд Рэндольф произнесли свое заявление, которое подобно солнечному лучу было начертано на каждой странице истории страны: “Все люди по природе одинаково свободны и имеют неотъемлемые права, а именно: наслаждение жизнью и свободой, а также средства приобретения собственности и владения ею, стремление к счастью и безопасности и обретение их”. Опираясь на незыблемость этой возвышенной доктрины, первые колонисты боролись за свободу, и нация выстроила линию фронта длиной более двух тысяч миль и задействовала более двух миллионов человек с оружием в руках, чтобы обеспечить свободу другой расе. Еще раз сопоставьте каждое яркое слово в этой декларации с характером [стр. 38] и судьбой, которую мы навязали североамериканским индейцам. А затем представьте этих знаменитых индейских вождей, собранных из многих широко разбросанных вигвамов; послушайте снова и в последний раз историю жизни, которая завершается скорбным эпосом; прислушайтесь к тяжелым шагам уходящего величия; понаблюдайте за мрачными лицами, сурово обращенными к западному краю неба, все еще поднятыми головами, орлиными перьями, эмблемами победы, гордо уходящими в сумерки, и долгим, одиноким раскатом далекого грома, присоединяющимся к припеву души — и наступит ночь.

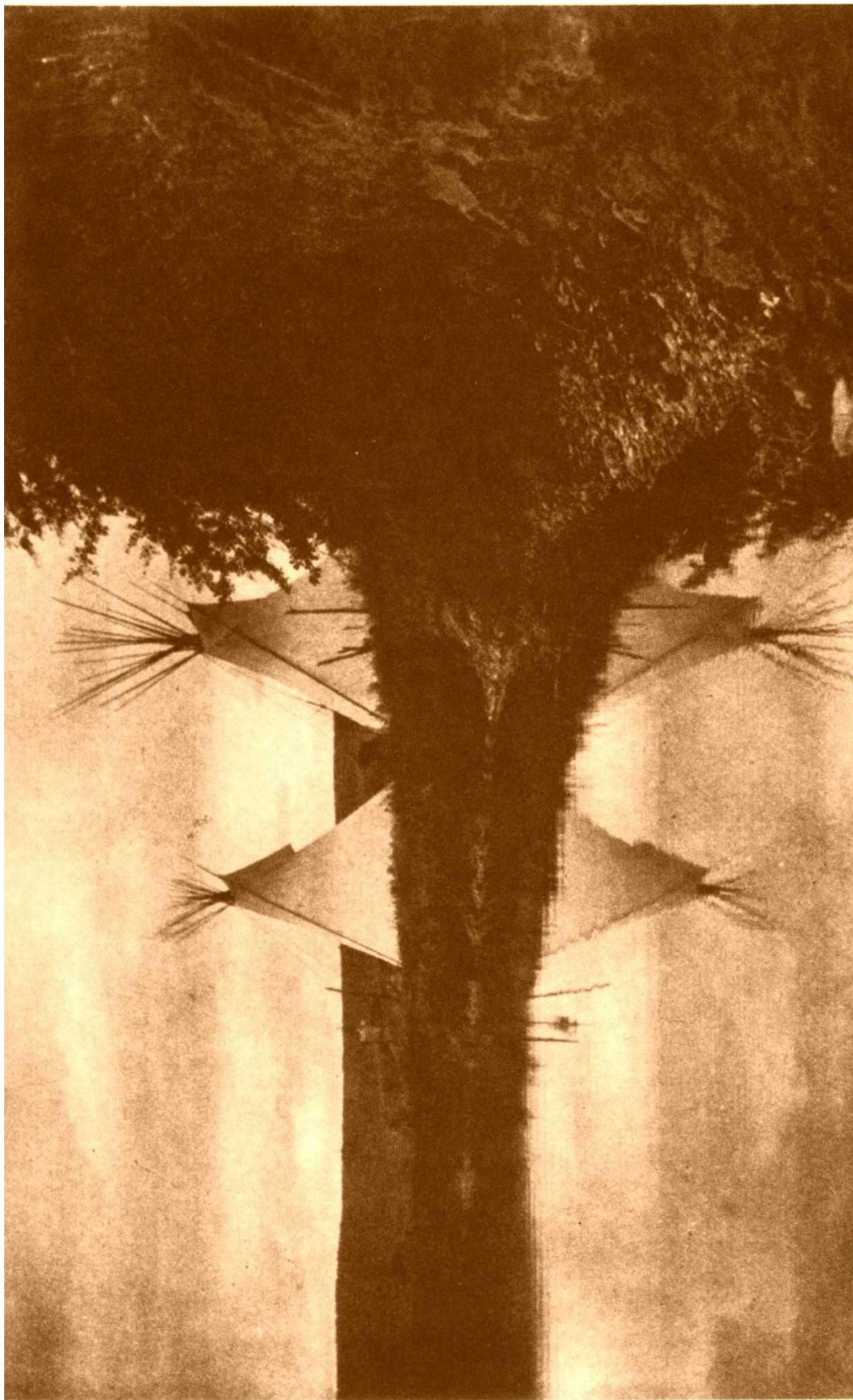

Воины других дней

Главные Перевороты Изобилия

Вождь племени Ворон Изобилие Переворотов был возведен в ранг главы всех Ворон из-за своей незапятнанной доблести на поле битвы, из-за превосходства своей государственной мудрости и верности интересам своего племени. Он получил свое название “много переворотов” из-за того факта, что мог добавлять орлиное перо за орлиным пером к своей трости для переворотов, считая перевороты победными. Когда юноше было шестнадцать, его брат был убит индейцами сиу. Мальчик, обезумевший от горя, карабкался в течение двух дней, изо всех сил пытаясь достичь вершины какого-нибудь высокого пика в Сумасшедших горах, чтобы там дать выход своему горю и молить о мести. Молясь солнцу, он изуродовал свое тело. На этих пустынных высотах, которые никогда прежде не осквернялись человеческими шагами, он посвятил свою жизнь битве. Еще до того, как ему исполнилось двадцать шесть, он насчитал по одному государственному перевороту каждого рода, был назначен вождем и назван “Многими достижениями”. В свои шестьдесят три года он стоит так же прямо, как одинокая сосна на вершине одинокого холма. У него осанка и достоинство принца королевской крови, и он носит свои почести и боевую форму со всей гордостью и учтивостью патриция. Он гордится тем фактом, что с самых ранних дней своей жизни никогда не сражался с белыми людьми, но его жизнь была длинной чередой конфликтов с другими индейскими народами. До того, как белый человек ступил на индейскую землю, его дни были наполнены борьбой за отражение ударов враждебных племен, которые охотились за женщинами и лошадьми его собственного народа. Затем, используя его собственное выражение: “Великий Отец приказал, чтобы мы прекратили воевать и жили в мире, и с тех пор у нас были наделы земли, были построены школы для обучения наших детей, и в качестве иллюстрации чувств моего сердца сегодня я нахожусь в мире со всеми племенами, все они мои братья, и я встречаю их всех как одного человека. Я буду жить для своей страны и пребуду в мире, поскольку я чувствую мир по отношению к своей стране”. Правление этого великого вождя над своим племенем - это правление добра и благодеяний. В свои последние дни он очень озабочен воспитанием молодых людей, которые будут знать права и возможности своего народа [стр. 40] и которые, таким образом, будут иметь влияние в Вашингтоне, который он много раз посещал и где ему всегда рады. Ради того, чтобы увидеть улыбку вождя переворотов Изобилия, стоит пересечь многие мили прерий. Было в высшей степени уместно, что этот великий вождь на территории своего собственного индейского племени принимал вождей, присутствовавших на последнем Великом индейском совете.

Мирный лагерь

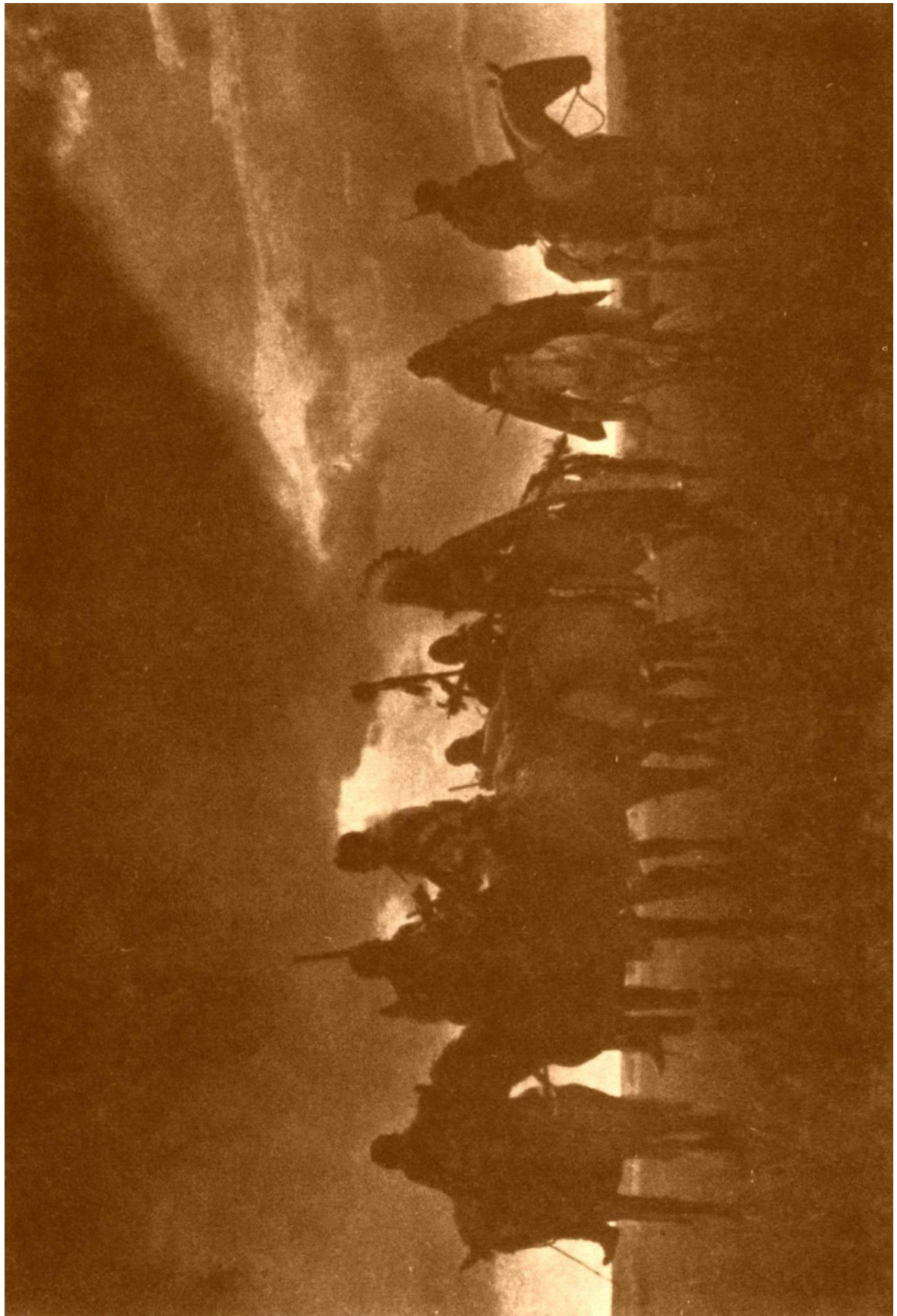

Главный Красный Хлыст ¹

Вождь Красный Кнут считается в своем племени одним из величайших старых охотников и воинов. Переменчивая судьба Гро-Вентре, напряженная военная карьера этого знаменитого вождя проложили глубокие борозды и прочертили серьезные морщины на его лице. В свои пятьдесят пять он слишком стар, но раны, шрамы и сражения старят любого мужчину.

Вождь Красный Кнут сказал мне: “Величайшим событием в моей жизни была моя битва с сиу в Малых Скалистых горах. В нашем отряде было одиннадцать Ворон и три Гро Вентре; нашим вожаком был Ворон. Было около ста тридцати сиу. Мы совершали восхождение на Малые Скалистые горы, и мои друзья спустились в ущелье, чтобы подстрелить бизонов. Пока они там стреляли в бизонов и разделявали их, вожак отправил меня на разведку. Когда я был на холмах, я увидел, как сиу подкрадываются к тому месту, где мы убили бизона. Я сразу же побежал вниз к своим друзьям и рассказал им. Мы отошли немного назад, построили крепость и приготовились сражаться. Я был выкрашен в желтый и красный цвета и был голый. Когда форт был закончен, я отправился сам, взяв с собой еще двоих, чтобы выяснить местонахождение сиу. Мы дошли прямо до того места, где я видел их в последний раз. По их следам я мог сказать, что их было очень много. Я поднялся на небольшой гребень, отделявший наш отряд от племени сиу, и как только я высунул голову из травы, все они выстрелили в меня, около сотни ружей, но в меня не попали. Когда мои друзья услышали стрельбу, они пришли туда, где был я, и мы бросились прямо на сиу, а сиу набросились на нас, и несколько минут у нас был бой в упор. После короткого боя мы бросились прямо на сиу, и они отступили. Сиу пришлось подняться на холм, и мы ранили одних и убили других. После того, как сиу поднялись на холм, я был первым, кто добрался до убитого человека. Я снял с него скальп и забрал все, что у него было. После того, как сиу узнали, что мы всего лишь небольшая группа, они бросились на нас, и мы отступили туда, где построили форт. Внутри этого форта одной пулей были убиты две вороны. Лидером племени сиу был вождь Летающее Облако. Позже я узнал, кто он такой. Это было Летающее Облако, которого мы убили, поднимаясь на холм; он пытался защитить свою группу. Когда мы были в форте, нас окружили индейцы сиу. После того, как [стр. 42] были убиты две Вороны, лидер нашей группы испугался. Я выскочил из форта и повел свой отряд вперед. Мы загнали сиу обратно в Малые Скалистые горы, а затем я сказал своим друзьям спастись бегством. Когда мы отступали, сиу преследовали нас. Один сиу был впереди и крикнул мне остановиться, и когда я остановился, он выстрелил в меня, но промахнулся, и тогда я выстрелил и убил его. Затем сиу набросились на меня, чтобы я не смог снять скальпы с убитых мною сиу. Мы побежали в горы и укрылись в другом форте. В этом последнем форте был застрелен один из Гро-Вентре. После того, как мы немного отдохнули, сиу снова окружили нас, и я бросился на сиу, чтобы мои друзья могли снова убежать. Когда мы снова отступали, сиу прострелили ногу одному из гро Вентре, и ему пришлось ползти на четвереньках. Я остался с этим раненым, а остальные спаслись бегством. Я взвалил этого человека себе на спину и отнес его к воде в начале ущелья. Этот Гро Вентре сказал мне идти дальше, спастись бегством и оставить его умирать в одиночестве. Пока мы отдыхали в сорняках у промоины, сиу снова окружили нас и ждали, когда мы покажемся. Пока мы ждали, мой раненый друг дал мне свой нож и краску и велел передать его матери, что она

может забрать всех его лошадей; затем я выскочил и побежал догонять своих друзей. Отойдя от моего раненого друга примерно на четверть мили, я оглянулся, чтобы посмотреть, как сиу будут с ним обращаться. Раздался один выстрел, и они все прыгнули в промоину, а потом я сбежал. Это дало мне громкое имя в моем племени, а также среди сиу и воронов”.

The Pause in the Journey

“Once on Tongue River there was a white soldier of the United States troops whom the Indians called Bear Shirt; he wore long hair like Custer. I was with him scouting for him. We called him Bear Shirt because he used to wear a bear coat. We came upon a band of Sioux, and there was a fight. This was a long fight, and there were many killed on both sides. In this fight when the Sioux got the best of the soldiers and the soldiers retreated, I stayed behind to protect them. The soldiers were so tired they could not run, and the Sioux killed off those who were too tired to run. I remained in the rear to protect them until they came to the main body of troops. When we were rested we went back to the main body of the Sioux and had another long fight and fought until sundown. There were a great many killed on both sides. We camped right where we quit fighting. The next morning we started to fight again and fought all day; again many were killed on both sides. The next day we went over the two battlefields and gathered up the dead soldiers and buried them. These battles were on Tongue River. After we had buried the soldiers I came back with the rest [pg 44] of the troops as far as the Yellowstone, and then went home.” And yet such heroisms wrought out in lonely mountain fastnesses or on sun-parched plains will go unhonoured and unsung.

Chief Timbo

Chief Timbo

Chief Timbo, known as Tah-cha-chi, or Hairless, ranks as one of the leading chiefs of the Comanche Indians. With his stature of more than six feet, he is a commanding figure among any Indians. The portrait of Timbo reveals the striking difference to be found in the physiognomy of the southern tribes as compared with the northern tribes of the Plains Indians. In the photogravure presented Chief Timbo holds a long steel-headed spear, girdled with varicoloured beads, ornamented with great tufts of eagle feathers, and at the end of its ten feet of length bearing a picturesque plume. This staff descended to Timbo from Quanah Parker, once the leading chief of the Comanches. Chief Timbo brought this insignia of office from the southland to the council of the chiefs. In his own tribe the possession of such a mace answers among the Indians for the sceptre of a monarch. It is a coup stick with manifold emphasis. Chief Timbo accompanied the Kiowa, Cheyenne, and Apache chiefs to the council. They came as brothers, but no fierce fighting among these warlike tribes found a stronger or more [pg 45] fearless foe in the days gone by than this stalwart chief. In the assembly of the chiefs he moved among his fellows with a solemn and ponderous dignity, always silent and full of commanding reserve. In the battles that raged over the southern plains even far to the north, between the Comanches and the fierce Kiowas, Chief Timbo led his fighting bands to certain victory. Fierce blood runs in the veins of this masterful man, and only within recent years, and then not easily, has he submitted to Government rule.

The Downward Trail

Chief Apache John

The very name Apache means enemy and stands on the pages of all Indian history as a synonym for terror. Since our knowledge of them, the Apaches have been hostile and in every conflict they were favoured with rare and gifted leadership. It required the skill, strategy, and profoundest generalship of two of the greatest generals of the Civil War to subdue and capture the daring and reckless Geronimo, whose recent death closed the final chapter of a long line of unspeakable Apache atrocities. Koon-kah-za-chy, familiarly known as Apache John, because of his surrender to civilization, visited the last Great Indian Council as a representative of one of the many groups of this great body of Indians scattered through the southwest. There is an indefinable [pg 46] air of stoicism in the demeanour of all of these great chieftains. The subject of this text is not lacking in this prominent Indian element. A keen and piercing eye, a sadly kind face, a tall and erect figure, Apache John bears his sixty years of life with broad and unbending shoulders. He was fond of becoming reminiscent and said: "The first thing I can remember is my father telling me about war. We then lived in tepees like the one in which we are now sitting. We were then moving from place to place, and the old people were constantly talking about war. That was the school in which I was brought up—a war school. We kept on moving from place to place until I grew to manhood. Then I came to see a real battle. The first time I was in a battle I thought of what my father had told me. He told me to be a brave man and fight and never run away. I think this was good fighting, because I know what fighting meant from what my father had told me. At that time if an Indian wanted to win distinction he must be a good man as well as a good fighter. I was in a good many battles, until finally I had to give up fighting. About seven years ago the Government gave me advice, and with that advice they gave me different thoughts, and to-day I am one of the head men among the Apaches. I am head chief among the Kiowa-Apaches and I counsel peace among them. I used to think that my [pg 47] greatest honour was to be won in fighting, but when I visited the Commissioner in Washington he gave me other thoughts and other ways of thinking and doing until I felt that the new kind of life was the better. When the Commissioner told me these things I wrote them down in my mind and I thought that it was good. One of the greatest events in my life was when I found myself surrounded by two tribes of my enemies. This fight was by the El Paso River, and the bands of our enemies wore yellow headgear; the fight continued all day long until about five o'clock, when the Apaches were victorious."

By long and stubborn tutelage both from his father and the members of his tribe, this boy was taught the war spirit and in manhood he exemplified it. The principles of peace taught him in one short hour at Washington changed the whole tenor of his life: a pathetic commentary on what civilization might have accomplished with the Indian.

Climbing the Great Divide

Главная Бегущая Птица

Та-не-хэддл, Главная Бегущая птица, - выдающийся вождь племени кайова, ныне проживающего в Оклахоме. Его массивное телосложение, львиная голова и величественная осанка мало что говорят о более чем шестидесяти годах его жизни. Сама его походка свидетельствует о превосходстве, а его постоянное [стр. 48] поведение предполагает дух полководчества. Его большая голова посажена прямо на плечи, что, кажется, не создает изгиба шеи для его голоса, который звучит резкими и гортанными тонами.

“В старые времена, когда индейцы жили в таких вигвамах, - сказал он, - когда мне было около восемнадцати лет, я начал ходить с военными отрядами. Я участвовал во многих войнах, жил в палатках и вигвамах, переезжал с одного места на другое и все это время сохранял доброе здоровье. Я помню нашу битву, в которой тридцать восемь индейцев сражались против четырех племен. Битва началась поздно вечером, и пока битва была яростной, я думал, что мне никогда не спастись. Враг яростно наседал на нас, и в конце концов мы убили одного из вождей, а затем индейцы повернулись и ушли, и это спасло нам жизни”.

Строительство нашего индейского лагеря на берегу Литл-Хорна пробудило в этом человеке, как и во всех индейцах, желание вернуться к первобытным условиям. Бегущая птица сказала: “Я была очень рада приехать сюда и увидеть старинные вигвамы, похожие на те, в которых жили наши отцы. Я сам вырос в таком вигваме, и у меня было хорошее здоровье, а теперь, когда нам дали дом для проживания, я совсем не здоров. Причина, по которой мы не можем быть здоровы в доме, заключается в том, что Великий Отец дал нам [стр. 49] вигвамы, чтобы жить в них, где у нас много воздуха; в доме мы чувствуем себя задыхающимися. Когда я выхожу на улицу и сплю в вигваме, я могу спать намного лучше. Сейчас я старею, и все, чего я хочу в настоящее время, - это чтобы мои дети выросли трудолюбивыми и работали, потому что они не могут добиться почестей на войне, как раньше добивался я. Они могут добиться почестей, только усердно работая. Я не могу учить своих детей так, как учил меня мой отец, что способ добиться чести - это пойти на войну, но я могу научить своих детей, что способ добиться чести - это идти на работу и быть хорошими мужчинами и женщинами. Я пойду домой и расскажу о тебе другим индейцам и нашему агенту”.

И таким образом из его грубоватой, аскетичной личности, похожей на солдата, вышли слова простой, домашней философии, которая указывает путь к успеху для всех людей. “Способ добиться чести - это идти на работу и быть хорошими мужчинами и женщинами”.

Вожди , переходящие вброд Литтл - Бигхорн

Главный Храбрый Медведь

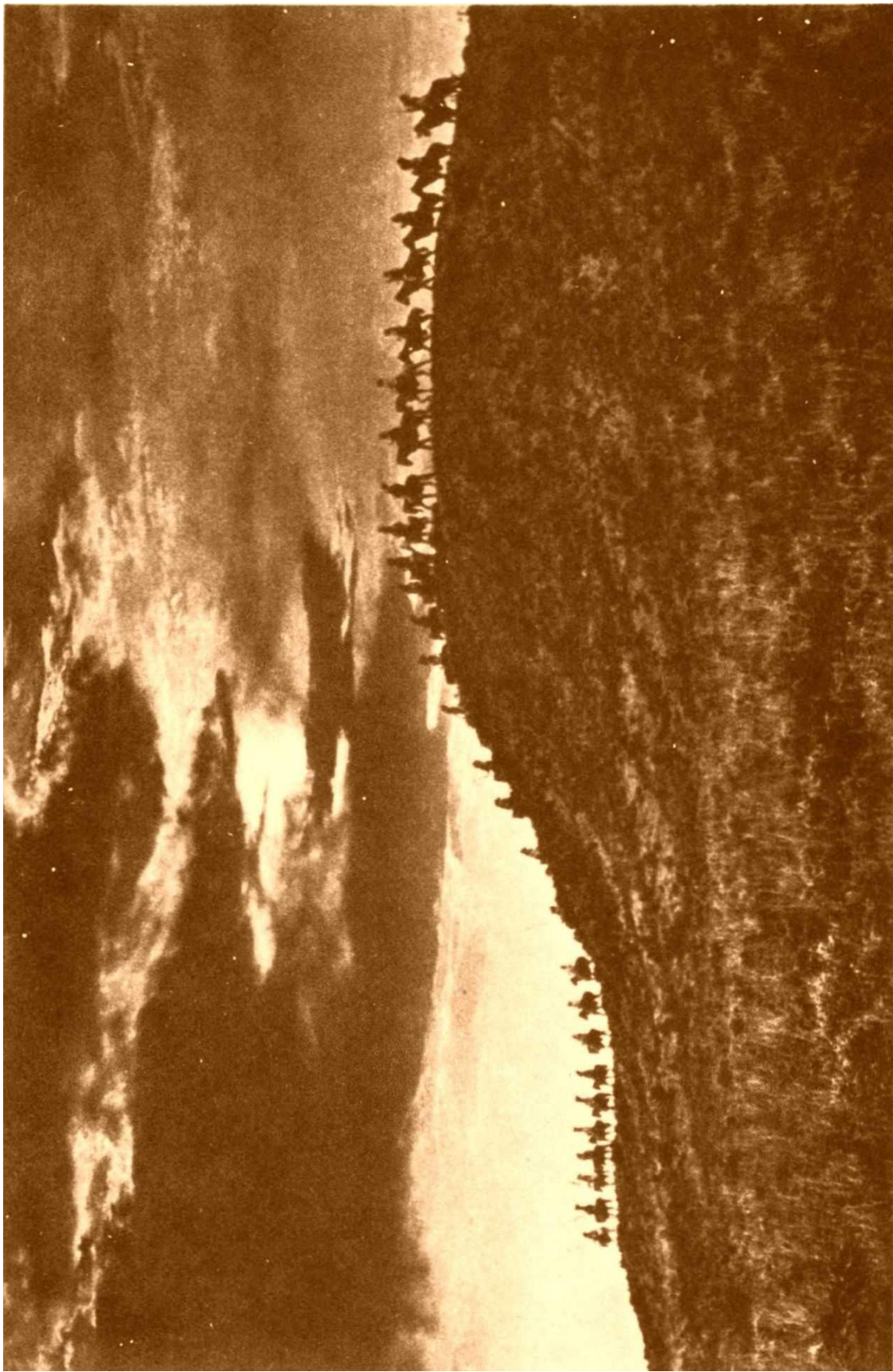
Храбрый медведь на языке шайенов, главным вождем которых он является, звучит как Ни-го Хай-эз, Ни-го означает медведь, а Хай-эз - храбрый. Это имя он сохранил за собой на многих полях сражений и помогал своему племени перестроиться на пути цивилизации. Он тактичен и обходителен, и его улыбка напоминает солнечный луч, прокладывающий дорожку через потемневшую водную гладь; это самое обаятельное выражение, которое я видел за многие годы на лице любого мужчины.

Демонстрируя давнее отвращение индейца к любым высказываниям, касающимся битвы при Кастере, Храбрый Медведь сказал: “Я участвовал в битве при Литл-Биг-Хорне. Индейцы называли генерала ‘Длинноволосый’. Это бой, о котором я не люблю говорить”.

Именно здесь, возможно, стоит помнить о различии между Северными и Южными шайеннами. Когда племя было компактным целым, враждебно настроенные сиу постоянно теснили их все дальше на равнины, и они обосновались в верховьях реки Платт. В результате строительства Бентс-Форда в верховьях Арканзаса в Колорадо большая часть племени решила двинуться на юг, другая часть двинулась на север, к Желтому камню. Две части единого племени с тех пор официально известны как Северные и Южные шайенны. Время от времени южная ветвь племени приходила на крайний север, чтобы помочь своим братьям в конфликте. Это может объяснить присутствие Храброго Медведя вместе с северными шайеннами в битве при Кастере. Затем последовал рассказ Храброго Медведя об одном из сражений на юге. “Есть,” сказал он, “шайенн по имени ‘Высокий Медведь’; он был главным в то время, когда мы начали сражаться на реке Платт. После той тяжелой битвы мы возвращались домой. В [стр. 51] перед нами разбило лагерь много солдат, и несколько скаутов пауни были с солдатами. Мы подумали, что это палатки пауни, но когда мы подошли достаточно близко, то увидели, что это лагерь солдат, и они открыли по нам огонь и преследовали нас. В тот день мы продолжали сражаться, и они убили троих из нас. Это был отличный бой, и он до сих пор остается со мной, когда я думаю об этом”.

“Мне больше нравится образ жизни белого человека в наши дни, потому что я чувствую, что когда наступает новый день, все остальное становится новым, и вещи белого человека становятся новыми с каждым днем. Я стараюсь поступать так, как указывает наш агент. У меня никогда не было с ним никаких проблем”.

В этих высоких, грациозных мужчинах в перинах есть что-то человеческое, они охотно берут на себя роль детей, чтобы научиться лучшим обычаям белого человека. Все суровые идеалы, присущие тропе войны, объединены в стремлении к миру.

Огибающая линию Неба

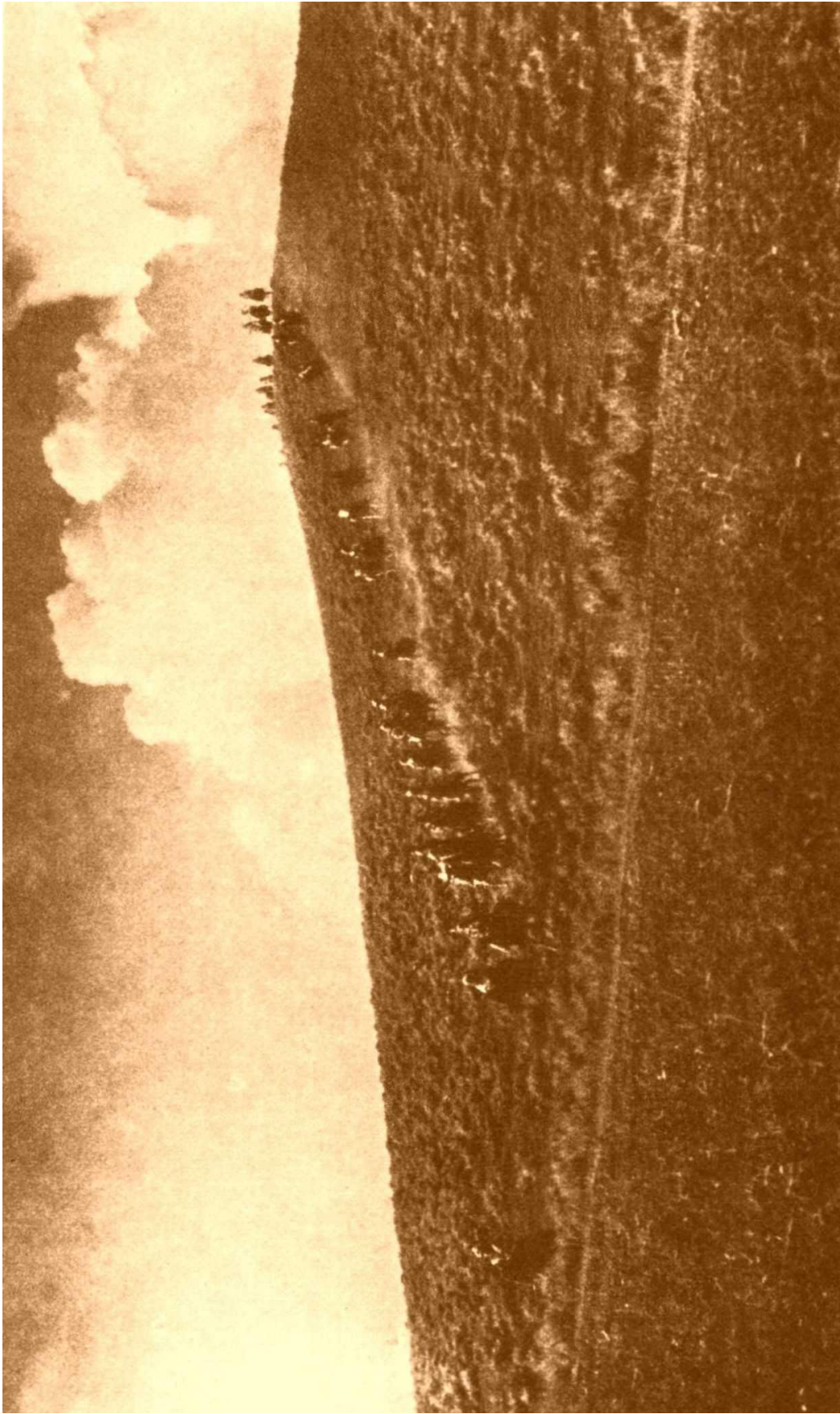
Главный Умапин

Этот выдающийся вождь племени кайусе индейцев уматилла, расположенного в северном Орегоне, напоминает ростом изящные очертания лесной сосны. Властная фигура, рост шесть футов два дюйма, благородная осанка, спокойные и сдержанные манеры, он создает атмосферу [стр. 52] интеллектуальности. Его речь искрометна и красноречива. Его лицо несет на себе печать душевного спокойствия и триумфа. Когда он стоял на фоне живой зелени леса, одетый в богатую индейскую одежду своего племени, волчью шкуру, серую с оттенком прерий, шкуру выдры, гладкую и темную, как бархат мха, мириады горностаевых хвостов, сверкающих белизной на солнце, сверкающие бусины от ожерелья до мокасин, щеголяющие орлиные перья с оранжевыми и малиновыми кисточками на концах, которые, должно быть, парили во многих небесах, - все это придавало этому человеку вид какого-то лесного бога, только что вышедшего из его первозданных глубин. Принеся с собой древесные лавры, горные утесы и небо, какой-то король, стоя на опушке леса, поражался ровности и безмятежности долины и равнин. Умапине стоял там воплощением и прославлением индийских манер, костюмов и традиций, яркой картиной индийской жизни и истории. Характерные черты такой жизни всегда полны интереса: они становятся еще интереснее, когда он указывает на них сам. Мы позволим ему рассказать свою собственную историю:

“У моего народа был обычай рассказывать своим детям историю прошлого, и они рассказали мне, что мое племя научилось делать одежду из мехов животных, и эта одежда была удобной как зимой, так и летом. [стр. 53] Кое-что из этой одежды до сих пор сохранилось у пожилых индейцев моего племени. Насколько я понимаю, все индейцы в этой части страны использовали для одежды меха и шкуры животных. В те дни древние индейцы верили, что у них самая лучшая одежда, но они не считают, что в настоящее время было бы правильно одеваться таким образом, поскольку современные индейцы более цивилизованны. Тем не менее, одежда, которая у нас есть сейчас, сделана из животных. Мы получаем мех от животных, и наши одеяла и одежда сделаны из животных. С этой точки зрения я не могу сказать, что мне нравится больше. Насколько я могу судить, мне нравится одежда цивилизованных людей. Одежда белого человека подходит для мужчин. Мне очень нравится носить его одежду, но мне также нравится носить одежду, которую мой народ носил в старину, но сейчас мне не нравится носить ее из-за моих друзей, белых людей, которые живут со мной. Помню, когда я был маленьким мальчиком, я часто видел множество фургонов, идущих на запад. Я знал, что это белые люди, но в то время я не знал, куда они направляются. Я видел, как эти фургоны проезжали почти все лето, и мои родители сказали мне, что эти люди едут на запад и будут там жить, и что я ни в коем случае не должен причинять им вреда, и что я должен уважать их, потому что они всегда были добры к моим родителям. Позже меня проинструктировали уважать этих людей, что я и сделал. Более того, мой [стр. 54] дедушка жил на реке под названием Валла-Валла. Многие белые люди приезжали в это место, ставили свои палатки и жили там, а также были какие-то другие люди, которые, как мы выяснили, были французами. Мой дедушка с большим уважением относился к этим белым людям, а также к своему собственному племени, он очень много думал о них и старался помочь им поладить. Как только другие племена узнали,

что рядом с домом моего дедушки живут какие-то белые люди, было большое собрание племен, чтобы встретиться с этими белыми людьми, которые жили на реке. В моем сердце живет желание всегда помнить то, что говорили мне мои родители, и когда я стал достаточно взрослым, чтобы понять, что уважаю этих белых людей так же, как и свое собственное племя, и сегодня мое сердце точно такое же, каким оно было в те дни. Более того, я уважаю любых людей; для меня не имеет никакого значения, из какой части страны они родом. Не имеет никакого значения, понимаю ли я их язык, но я всегда испытываю уважение к любым людям, которые приезжают в эту страну, и сегодня я сижу здесь, в чужой стране, и беспокоюсь о своей собственности в своей собственной стране, но в то же время я радуюсь работе, которую здесь выполняет мистер Диксон, и я высоко поздравляю его с этой работой. Работа, которую он делает здесь сегодня, - это работа, которая, возможно, никогда больше не будет выполнена после этого, и я испытываю к нему большое уважение в этот день, потому что он делает [стр. 55] эти фотографии моих друзей, которых я встречаю здесь, в этом месте, и которых я больше никогда не увижу. Я рад встретить людей своего класса, которые сейчас приезжают сюда. Все они приезжают из разных частей Соединенных Штатов. Я не могу говорить на их языке и не могу понять их всех, но я делаю все, что в моих силах, чтобы поговорить с ними; и вы тоже, мистер Валентайн, я думаю о вас, когда я здесь разговариваю с мистером Диксоном, и в то же время я радуюсь, потому что он открыл мне глаза, и я надеюсь, что мы хорошо поладим. Я собираюсь сказать, что с уважением отношусь к людям, которых вы отправляете в эту страну. Я вижу, что у них два глаза, у них два уха, две конечности, две ступни и пальцы, как у меня, но у всех нас одна голова и одно сердце; мы все дышим одним воздухом и стоим на земле как братья. Единственная разница между мной и белым человеком в том, что у него цвет лица светлее, чем у меня”.

“Я очень люблю вас, президент Тафт, хотя я никогда не видел вашего лица и не слушал ничего из ваших выступлений, но я знаю, чего вы хотите, и я нахожу, что вы очень интересуетесь индейцами, и поэтому я сижу здесь и рассказываю историю индийской жизни, которая принесет большую пользу вам, а также людям, которые приедут сюда в последующие годы. Этим вечером я радуюсь здесь, и я чувствую себя так же, как если бы вы присутствовали рядом с этим джентльменом, и я чувствую себя так же, как если бы я собирался поговорить с вами”.

Вниз по Западному склону

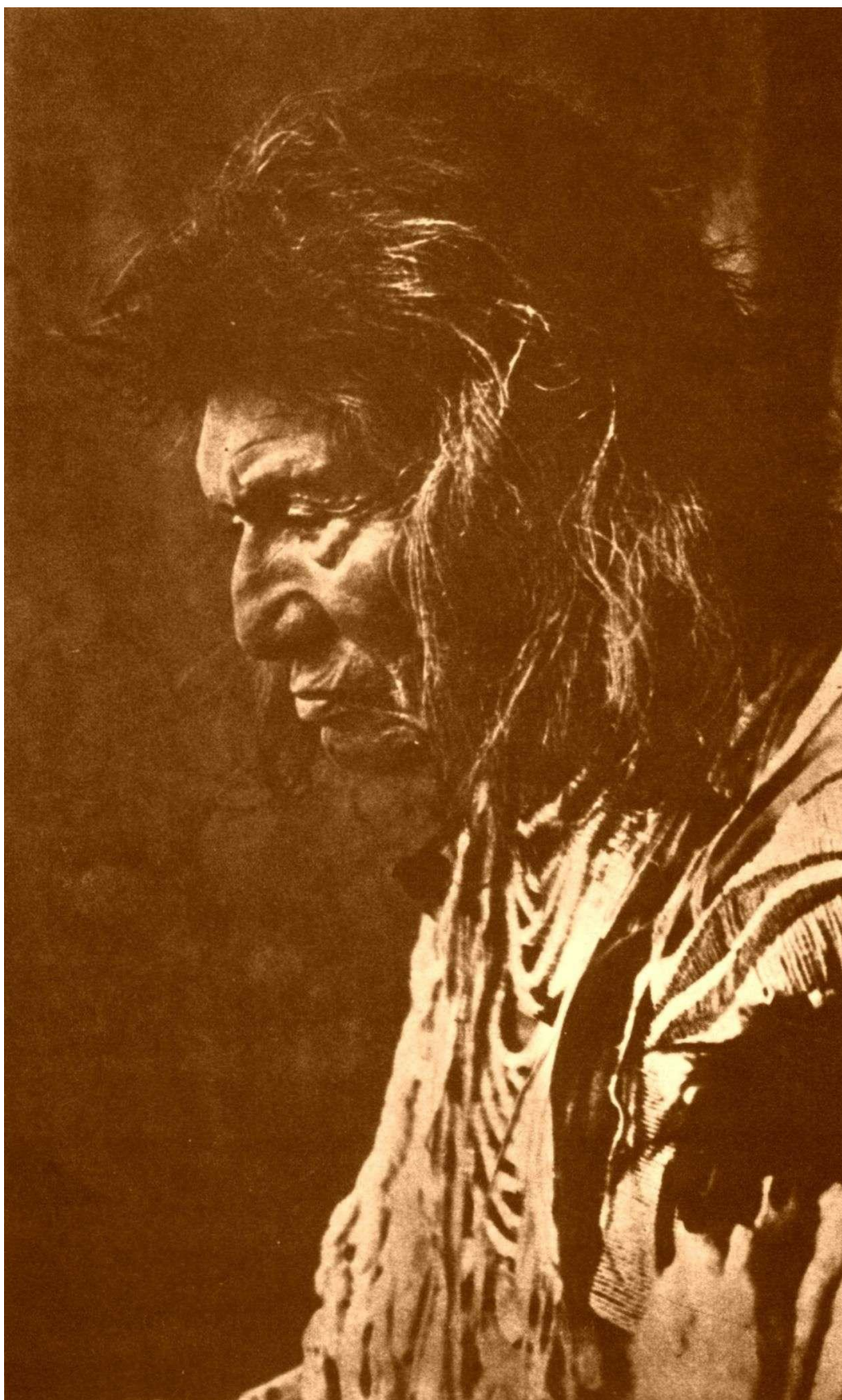
Теперь мы можем перейти к некоторым событиям из жизни Umapine. И снова он должен говорить сам за себя: “Когда я стал достаточно взрослым, чтобы что-то понимать, я увидел, как мои предки копают картошку и лук и собирают кукурузу; все это они получили от белых людей прошлым летом. Индейцы сажали их каждый год, и когда приезжали эмигранты и просили немного, мои предки давали им все, что могли. Наступило время, когда между индейцами и белыми людьми началась война. Мне не хотелось вмешиваться или пытаться создавать какие-либо проблемы, поэтому в то время я не пошел на войну. Несколько лет спустя индейцы подрались между собой, и я участвовал в той войне. Индейцы сиу разъезжали по всей этой стране, и они крали лошадей у моего племени. Когда мои люди узнали, что их лошадей украли, они вступили на тропу войны. Мы обогнали сиу вместе с лошадьми примерно в 3 часа дня, насколько я помню; в те дни у нас не было часовых, и я думаю, что это было примерно в то время. Мы убили четырех индейцев сиу и вернули наших лошадей, сиу убили только одного Нез Персе, который был с нами. Я помню другую войну, которая произошла не так давно. Это были индейцы из южной части штата Орегон. Они были на тропе войны и двинулись на север, и убили многих пастухов овец и фермеров, и убили их детей, и разрушили их дома — сожгли [стр. 57] дотла. Они пришли в нашу страну и начали сжигать дома белых фермеров. Эти индейцы пришли в наше агентство. Майор Коньер, человек дяди Сэма, был агентом в то время. Я думаю, он умер в апреле прошлого года. Затем индейцы встретили людей дяди Сэма примерно в полутора милях к югу от агентства, и мы, индейцы, наблюдали, не отгонят ли эти индейцы солдат; мы были готовы помочь людям дяди Сэма. Враждебно настроенные индейцы направились к нашему лагерю, и когда мы увидели, что они приближаются к нашему лагерю, мы сразу поняли, что они хотели, чтобы мы ввязались в переплет, чтобы мы оказались на тропе войны так же, как и они сами, но все наши люди взяли свое оружие, и мы встретили этих индейцев Бэннок и прогнали их обратно к холмам. В то время там было несколько кавалеристов, а остальные были пехотинцами. Все индейцы были верхом, и пехота не очень хорошо поспевала за ними. Мы охотились за этими индейцами, но убили не многих из них, так как у большинства из них было хорошее начало. В тот же вечер нас попросили отправиться с людьми дяди Сэма, чтобы мы могли догнать этих индейцев и, если возможно, захватить их в плен. На следующее утро мы обнаружили, что опередили врага, и как только взошло солнце, два индейца верхом на лошадях подъехали прямо к тому месту, где мы были. Мы немедленно приготовили оружие и встретили этих двух индейцев; один из них был так взволнован, что спрыгнул с лошади и побежал [стр. 58] к лесу, оставив свою лошадь позади себя. Когда он скрылся в густых зарослях, мы открыли по нему огонь. У меня была быстрая лошадь, и я ехал за ним по пятам. Я спрыгнул с лошади и побежал за ним пешком. Я нашел его лежащим раненым, понаблюдав за ним немного, и он умер. У него был очень красивый пояс, который я взял и обмотал вокруг талии. Тем временем остальные люди взяли в плен другого индейца; он тоже был ранен. Позже мы увидели группу этих индейцев, направлявшихся прямо к тому месту, где мы были. С ними были вьючные животные. Мы погнались за ними и попытались поймать каждого из них, но они уже заметили нас и ускакали в каньон, где рос густой кустарник. Я увидел одну старуху — я подумал, что это старуха, — но я ошибся, потому что, когда я догнал индейца, мужчина спрыгнул с лошади и спрятался за деревом. Когда я понял свою ошибку, было слишком поздно останавливать лошадь. В тот момент я был всего в нескольких футах от него. Он выстрелил в меня один раз и промахнулся. В тот раз мне повезло, иначе я бы не рассказывал сейчас эту историю, если бы он был лучшим стрелком. Моя лошадь сильно подпрыгнула как раз в тот момент, когда он выстрелил в меня, а я продолжал скакать, так как знал, что за мной следуют еще несколько индейцев, которые схватят старика, и я поехал дальше вслед за остальными индейцами. Как только я подошел к небольшому проходу, я увидел двух индейцев верхом на лошадях и одного

индейца, лежащего на земле; он был [стр. 59] ранен. Когда я добрался туда, то узнал, что этот индеец был нашим хорошим другом. Я просто оставил его там раненым. После того, как мы ушли, я сказал двум другим индейцам: 'Этот человек был на тропе войны, и если бы у него был шанс убить нас, он бы это сделал'. Поэтому я вернулся, прикончил его и снял скальп. Мое племя захватило в плен многих из этих людей, и мне подарили прекрасное животное, на котором ехал один из враждебных индейцев. Это был единственный раз, когда я участвовал в разведке для дяди Сэма ”.

С возвышенным пафосом Умапин упомянул старые времена бизонов. Он сказал: “Я много раз охотился на бизонов в этой стране. Я чувствую себя одиноким с тех пор, как прогнали буйволов. В старину индейцы убивали буйволов с помощью луков и стрел; у них не было такого оружия, как сейчас, и им нужна была быстрая лошадь, чтобы догнать этих животных. Человек может подумать, что они не умеют быстро бегать, но он обнаружит, что не сможет обогнать их на обычной лошади. Мой народ раньше охотился на бизонов в этой части страны, и по пути сюда я увидел следы этих крупных животных, теперь глубоко истоптанные многолетними штормами, и я заплакал в своем сердце ”.

Последняя Стрела

Шеф Тин-Тин-Мет-Са

Шеф Тин-Тин-Мет-Са

Была полночь. Тусклый свет костра подчеркивал одиночество. Мерцающие тени рисовали причудливые линии на [стр. 60] конусообразных стенах вигвама. Дождь не переставал барабанить своей мягкой дробью по хрупкой крыше над нашими головами. Старый Тин-Тин-Мет-Са, сгорбленный и пошатывающийся за свои более чем восемьдесят лет жизни, с благородным старческим лицом, все еще хранящим большое достоинство, с почти незрячими глазами, ищущими последний отблеск заката жизни, представлял собой трогательную картину, когда он стоял лицом к костру и рассказывал о своем одиночестве, проходя по пустынным бизоньим тропам.

Тин-Тин-Мет-Са, или Виллоускин, - один из известных вождей племени уматилла. Он оказал ценные услуги правительству в качестве разведчика во время индейских войн 1855 и 1856 годов. Героические подвиги тех далеких дней не были записаны в истории и, без сомнения, будут забыты будущими поколениями, но они были крупно написаны на чертах характера этого гиганта с лицом Савонаролы — поэта, мечтателя, воина и вождя.

Лучше позволить Тин-Тин-Мет-Са самому открыть дверь в это могучее прошлое: “Мои дни много солнц прошли вдоль великих рек и высоких гор Орегона. Много лет назад наш агент выбрал меня главой моего племени. В те дни я был очень активным человеком, но с тех пор, как я стал таким старым, хотя они смотрят на меня как на главу племени, я должен [стр. 61] оставить эту работу другим. В молодости у меня было большое стадо крупного рогатого скота и лошадей, но с годами я уже не в состоянии присматривать за своим скотом. Я считаю величайшим событием в своей жизни помощь, которую я оказал в поимке и убийстве вождя Игана, военного вождя пиутов, во время войны Банноков, или Пожирателей овец. Эти индейцы Бэннок устраивали большие разрушения, куда бы они ни пошли; они сожгли мой вигвам и убили более семидесяти голов моего скота. В то время я не знал, сколько у меня было скота, потому что поблизости не было никого, кто мог бы его украсть. Это побудило меня выйти на тропу войны против Бэнноков”.

“Вся эта страна кажется мне знакомой, потому что в молодости я путешествовал по этим прериям, сражаясь с индейцами сиу, которые украли лошадей у моего племени. Опять же, я много раз путешествовал по этой стране, много лет назад, когда мы приезжали сюда поохотиться на бизонов. У меня было несколько быстрых лошадей, с помощью которых я мог легко убить столько бизонов, сколько хотел, но я убил только столько, сколько мне было нужно, чтобы продержаться несколько дней. Когда я приехал сюда на днях, чтобы встретиться со всеми этими вождями, и я посмотрел на эту страну в последний раз, я почувствовал себя одиноким, когда увидел, как все изменилось, и все буйволы ушли из страны, потому что я все еще мог видеть следы этих крупных животных. Старому охотнику легко обнаружить эти тропы бизонов, потому что все они проходили по [pg 62]..... Я почти ничего не вижу, но мои глаза смогли найти старую тропу. Бизон ушел, и я скоро уйду”.

Вождь Управляет врагом

Вождь Управляет врагом

Представьте римского воина с четким выражением лица и горящими глазами, его лицо испещрено линиями сражений, в его голосе слышится вся гамма от ярости до веселья, и вы представите себе вождя, Побеждающего Врага, высокого, жилистого тетона сиу, за более чем шестьдесят четыре года жизни прошедшего множество полей сражений и одержавшего множество триумфов. С детских лет звенящий вызов на битву, казалось, всегда витал в воздухе, которым он дышал. Когда я попросил его позволить мне испытать из какого-нибудь тайного источника его жизни, в его самом первом предложении прозвучал призыв к битве!

“Первое, что я помню, это то, что мой отец сделал мне лук и стрелы; это были маленькие лук и стрелы, сделанные пропорционально моему размеру, по сравнению с луками и стрелами, используемыми для убийства бизонов. Я видел мясо буйвола, которое они приносили, и дичь. Мой отец научил меня обращаться с луком и стрелами, а также ездить верхом, и вскоре верховая езда стала для меня естественным занятием. Вскоре я научился пользоваться луком и стрелами, которыми пользовался мой отец; с их помощью [стр. 63] Я убил бизона. Мой отец также научил меня свежевать буйвола, так что, когда я убивал буйвола, я знал, как освежевать его и принести мясо буйвола домой. Мой отец учил меня жалеть стариков и женщин, а когда я выходил на тропу войны, быть храбрым и даже пытаться умереть на поле боя. Мой отец также учил меня, что лучше выйти на поле битвы, чтобы мое тело было утыкано вражескими стрелами, и умереть на поле боя, и позволить волкам прийти и съесть мою плоть и кости, чем быть завернутым и похороненным на каком-нибудь высоком дереве, и в этом духе я участвовал во всех своих битвах. Я помню, когда я был совсем маленьким, я вышел на тропу войны и нес узлы с мокасинами и провизией для военного отряда. Когда мне было пятнадцать лет, я отправился со своим первым военным отрядом. Снег был очень глубоким и твердым, так что лошади скользили по нему. Мы атаковали ассинабойнов. Я помню, когда мы атаковали лагерь, то обнаружили одного индейца, который ловил лис в ручье. Мы не знали, что он там. Как только он увидел нас, он побежал к своему лагерю, а я прищпорил лошадь и помчался за ним. Враг выступил с ружьями, луками и стрелами. Я загнал этого человека прямо в гущу дыма; я вернулся, не причинив вреда ни себе, ни своей лошади. Так я получил свое имя "Бегущий-Враг". Мне тогда было пятнадцать лет. Когда мы вернулись в лагерь, народ сиу [стр. 64] сказал, что я не знаю, что делаю, и я ответил, что знаю, что этому научил меня мой отец. Я совершил этот подвиг перед лицом множества храбрых воинов, и именно поэтому мое имя прославлено среди сиу. Между сиу и ассинабойнами была пожизненная вражда. Мой отец был ранен ассинабойнами, и я решил, что собираюсь что-нибудь сделать с этим племенем. Всего я участвовал примерно в сорока битвах, некоторые из них были довольно незначительными, но примерно в десяти великих битвах. Когда мне было около восемнадцати, группа сиу, включая меня, отправилась к Черным Ризам. Они значительно превосходили нас числом. Мы атаковали их, но никого из них не убили. Они долго преследовали нас, убив пятерых из нашего числа. В мою лошадь попала стрела, и я спрыгнул, и пока я бежал, мне прострелили лодыжку стрелой. Враг окружил меня; мои собственные друзья ушли дальше. Я перекинул раненую лодыжку через другую ногу и защищался, как мог. Я посмотрел на землю и небо и решил, что это мой последний день. Как раз в этот момент, когда я был окружен своими врагами, один из моих друзей набрался храбрости вернуться; он въехал в гущу наших врагов и посадил меня на спину своей лошади, и мы уехали в безопасности. Позвольте мне рассказать вам о другой ране, которую я получил. В одном из последних сражений, которые у нас были с [стр. 65]

племенем Черных риз, в 1874 году, я был ранен в бедро, пуля также прошла через предплечье и сломала кость”.

Разведывательный отряд на равнинах

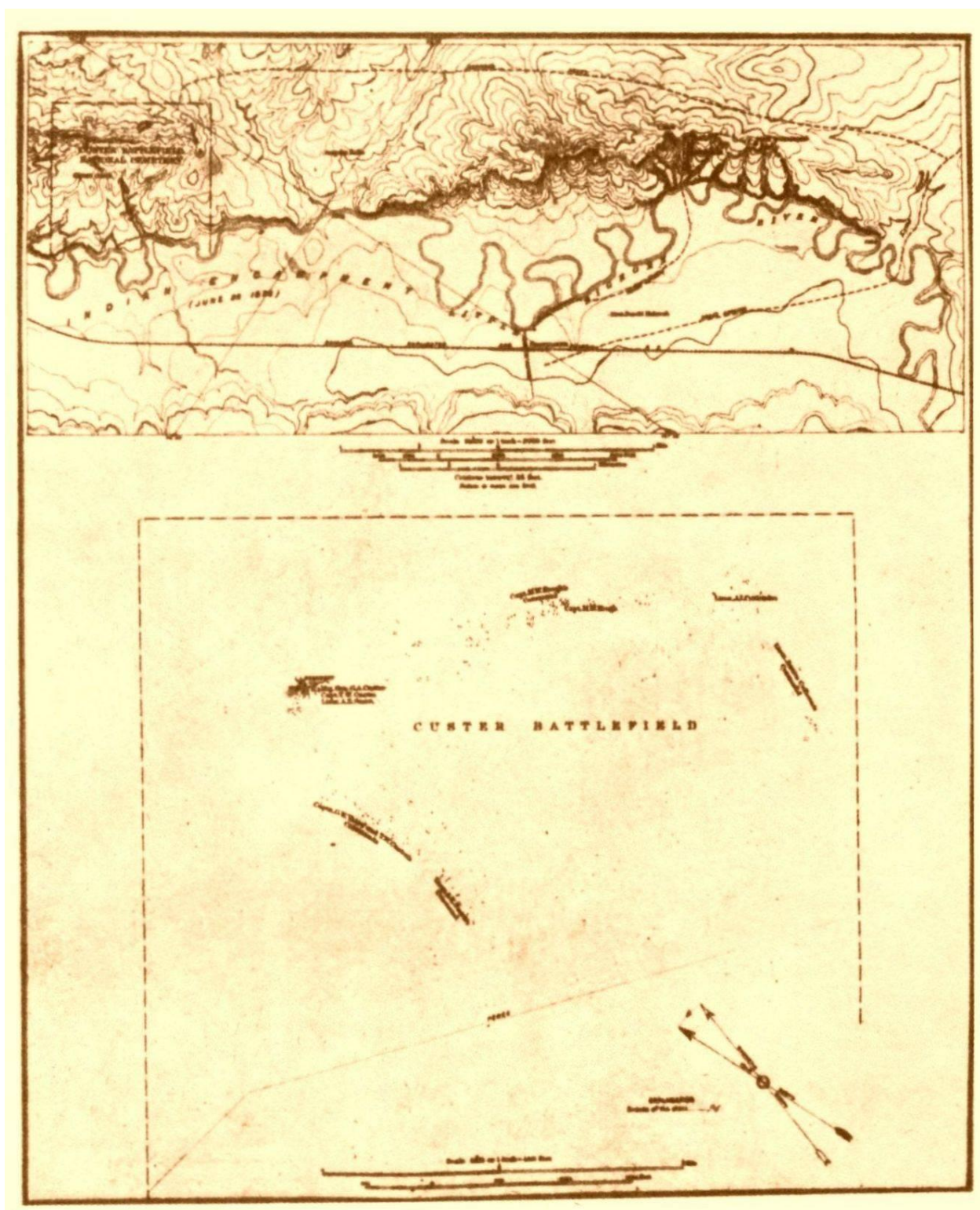
Позвольте мне рассказать вам о моей связи с битвой при Литтл-Роузбад. Со своим военным отрядом я присоединился к лагерю сиу на реке Роузбад. Сначала мы разбили лагерь в Хромом Олене. Когда я прибыл в лагерь сиу в Хромом Олене, мы были недалеко от лагеря шайенов, и шайены развели большой костер. Они пели и танцевали вокруг костра. Мне сказали, что несколько шайенов добрались до лагеря в тот или позапрошлый день с Черных Холмов, и они принесли весть о приближении солдат. Причина разведения костра и танцев заключалась в том, чтобы отобрать самых храбрых из шайенов и отправить их обратно, чтобы выяснить расположение войск и принести весть. Костер в лагере был таким большим и ярким, а танцы и стрельба - такими шумными, что я отправился в лагерь шайенов, чтобы увидеть все своими глазами. И я видел, как они отбирали храбрецов для этой разведки. Разведчиков было, должно быть, человек десять. Они сразу же приступили к выполнению своей миссии. На следующее утро мы свернули лагерь и перешли через холмы. Мы разбили лагерь примерно в половине дня пути от поля битвы при Кастере. Той ночью, после того как мы разбили лагерь, новостей не было, и я лег в постель и заснул. На следующее утро меня разбудила стрельба, и до меня дошло донесение, что [стр. 66] будут неприятности, потому что приближаются войска. Почти сразу же все, кто умел ездить верхом или держать в руках оружие, вскочили на коней и поскакали навстречу войскам. Впереди шли разведчики-шайенны. Прошло не очень много времени, прежде чем я услышал ружейный выстрел в овраге. После выстрела мы слышали крик с вершины холма; индеец, находившийся на холме, кричал изо всех сил, приказывая нам немедленно идти в атаку. Затем один из них был убит на месте. Причиной выстрелов было то, что четверо или пятеро наших сиу обошли нас, проникли в лагерь солдат и украли несколько лошадей, а солдаты стреляли в конокрадов; четверо из них сбежали, один был убит. Это был крик, который мы слышали. Как только мы слышали его, мы бросились бежать. Я не могу сказать вам, сколько наших индейцев. Там были разные группы сиу и все племя шайенов. Предпринятого нами нападения было достаточно, чтобы напугать кого угодно. Когда мы поднялись на вершину холма, солдаты, которые уже преследовали конокрадов, зная, что мы превосходим их численностью, все бросились назад. Кавалерия, поддержанная колонной пехоты, остановилась, и мы тоже остановились, и там было большое сражение. Мы просто окружили их и не дали им шанса атаковать, так как мы значительно превосходили их численностью. Мы убили великое множество солдат, подстрелили немало их лошадей, потому что многие из них лежали на земле, раненые и [стр. 67] мертвые. Это сражение индейцы называли Битвой у Волчьих гор, известной солдатам и Воронам под этим названием, а сиу - битвой у Вершины Розового Бутона. Общее мнение было таково, что мы одержали победу в том сражении, поскольку солдаты не напали на нас, а отступили обратно в Вайоминг. Мы поняли, что генерал Крук командовал войсками Соединенных Штатов, возглавляемыми скаутами Кроу. Они называли генерала Крука "Три звезды". Когда наши индейцы атаковали войска Соединенных Штатов, мы обнаружили, что скауты Кроу стояли между нами и войсками. Если бы не скауты Кроу, мы бы прорвались прямо к солдатам. Скауты "Кроу" были между нами и получили огонь с обеих сторон. После того, как битва закончилась и солдаты вернулись, мы без всякого страха вернулись домой в наш лагерь. Весь следующий день мы провели в лагере у Маленького Розового Бутона, а на следующий день вышли на равнины у поля битвы Кастеров".

Разведчики , проходящие под покровом ночи

Наиболее яркую индийскую историю о битве при Кастере рассказывает Бегущий-от-врага в главе "История индейцев о битве при Кастере". Вождь, Управляющий Врагом, продолжил:

"Великое событие, изменившее мою жизнь, произошло, когда я вернулся в резервацию, и правительство забрало у нас наших лошадей и ружья и сказала нам, что мы должны жить в этом [стр. 68] месте в мире со всеми. Правительство отобрало лучших воинов из числа племени, заставило их вознести руки к Богу и поклясться, что они будут верны правительству; и они сделали из этих людей полицейских, которые должны были охранять правительство и поддерживать порядок среди индейцев. Когда правительство сделало из меня полицейского, они сковали мне руки цепями, и я должен был им повиноваться. Они дали мне орудия труда, с помощью которых я мог обрабатывать землю, разводить скот и строить дом, и мне казалось, что я должен повиноваться каждому их слову. Они сказали мне, что дикая дичь, которая сейчас бродит по холмам, скоро вымрет, и что если я буду возделывать землю и выращивать скот и зерно, я смогу получать за это деньги, а деньги - это то, что заставляет все двигаться вперед. Как я уже говорил вам, я делал все, что они мне говорили. Они сказали мне отправить моих детей в школу, что я и сделал. Я отправил всех своих детей в школу, они вернулись домой, и все они умерли. Они сказали мне, что если я отправлю детей в школу и дам им образование, с ними все будет в порядке. Вместо этого я отправил их в школу, и все они вернулись домой с чахоткой и умерли, всего семеро. Если бы я держал их дома, некоторые из них могли бы жить и по сей день. Теперь что касается меня: я старею с каждым днем; я не могу заботиться о своем скоте. Мои конечности слабы, и мои колени слабеют; пройдет совсем немного времени, и я уйду под землю. Когда ты смотришь на меня сейчас, я стар. Как [стр. 69] Я уже сказал, я скоро умру, но я не боюсь смерти. У меня двое живых детей, и я забочусь о них. Хотя я сделал все, что мог, для своего народа, я также помогал правительству и делал все, что они мне говорили".

Карта поля битвы при Кастере

Мы слушали минор в гимне, который всегда является основным в индийской жизни, но мы сильно ошибаемся, если не слышим более ликующих нот в гамме. Когда Бегущего-от-Врага попросили рассказать историю его детства, вся яростная воинственность, выраженная в жестах, голосе и пронзительном взгляде, уступила место нежному спокойствию. Воин превратился в ребенка, снова зажившего жизнью ребенка со всем присущим ему

непосредственным ликованием. Возможно, теперь у нас есть одна из его фольклорных сказок.

ФОЛЬКЛОРНАЯ СКАЗКА

Вон идет паук. Путешествуя, он наткнулся на человека — в наших легендах эти люди способны на все; они уничтожают целое сообщество людей - и встретился с ним лицом к лицу. Людоед стоял на тропинке, паук - перед ним. Здоровяк продолжал выдыхать и втягивать воздух сильными порывами, и когда он втягивал воздух, он притягивал паука к себе, а когда он выдыхал, он сдувал его прочь от себя. И паук [стр. 70] был так напуган, что не знал, что делать. Но в конце концов он сказал: “Теперь, мой юный брат, сделай вдох, выдохни и притяни меня к себе; и если бы я сделал то же самое, ты бы скоро ушел, потому что я старше тебя”. Большой человек сказал пауку: “Теперь, мой старший брат, держись”. Паук сказал большому человеку: “Я иду сюда, где находится огромный лагерь людей, и я собираюсь проглотить всех этих людей. Однако, поскольку ты голоден, я дам тебе половину. А теперь оставайся здесь. Я пойду посмотрю на большой лагерь. Я собираюсь выяснить, дам я тебе что-нибудь из них или нет, и тогда я тебе скажу”. С этими словами паук немного опередил человека, а затем снова вернулся к великану и сказал: “Мой юный брат, я боюсь некоторых определенных вещей, и я собираюсь рассказать тебе об этом. Ты такой же? Большой человек сказал: “Да, мой маленький брат, я очень боюсь некоторых вещей”. Затем паук спросил его: “Чего ты боишься?” Затем большой человек сказал пауку, что он боится боя барабанов, что он боится старых тамбуринов, которые раньше были у индейцев, и он также боится криков. Тогда паук сказал ему: “Ты точно мой брат; это как раз то, чего я боюсь”. Как только он сказал это большому человеку, [стр. 71] паук очень сильно испугался его, опасаясь, что он не сможет держаться уверенно, стоя перед большим человеком. Паук сказал большому человеку: “Ты просто сиди здесь тихо. Я иду посмотреть на этот большой лагерь и скоро вернусь”. Паук перевалил через холм так быстро, как только мог, время от времени оглядываясь на большого человека. Он направился прямо к большому лагерю. Он сказал всем вокруг, чтобы они забрали все свои барабаны и бубны, что у него там был огромный мужчина, и это были те вещи, которых он боялся. “Я возвращаюсь к нему и хочу, чтобы вы взяли все свои барабаны и бубны и кричали, потому что он боится этих вещей”. Затем паук вернулся к большому человеку и сказал ему, что лагерь достаточно велик для них обоих. Затем он отметил место, разделяющее их пополам, и сказал: “Ты получишь одну половину, а я - другую половину; но если ты продолжишь и съешь свою половину и съешь половину моей половины, я проглочу и тебя”. Когда они шли к лагерю, паук сказал великану: “Я старше и пойду немного впереди тебя”. Тем временем он сказал тем, кто был в лагере, что они все должны собраться в одном месте, куда он поведет этого большого человека. По мере того как большой человек шел вперед, он уставал и переводил дыхание, делая большой вдох, и каждый раз паук прижимался к нему. Паук сказал ему, что если он сделает это еще раз, то задержит дыхание, и большой человек вскоре окажется у него в животе. Когда паук направился к месту, где собрались все люди, они начали бить в свои барабаны, кричать, визжать и выть. Паук упал, как мертвый, и брыкался и извивался. Большой человек был по-настоящему напуган и упал замертво. Когда они добрались до большого человека и нашли его мертвым, паук рассказал им, как он обработал большого человека и спас им жизни. И на этом история заканчивается.

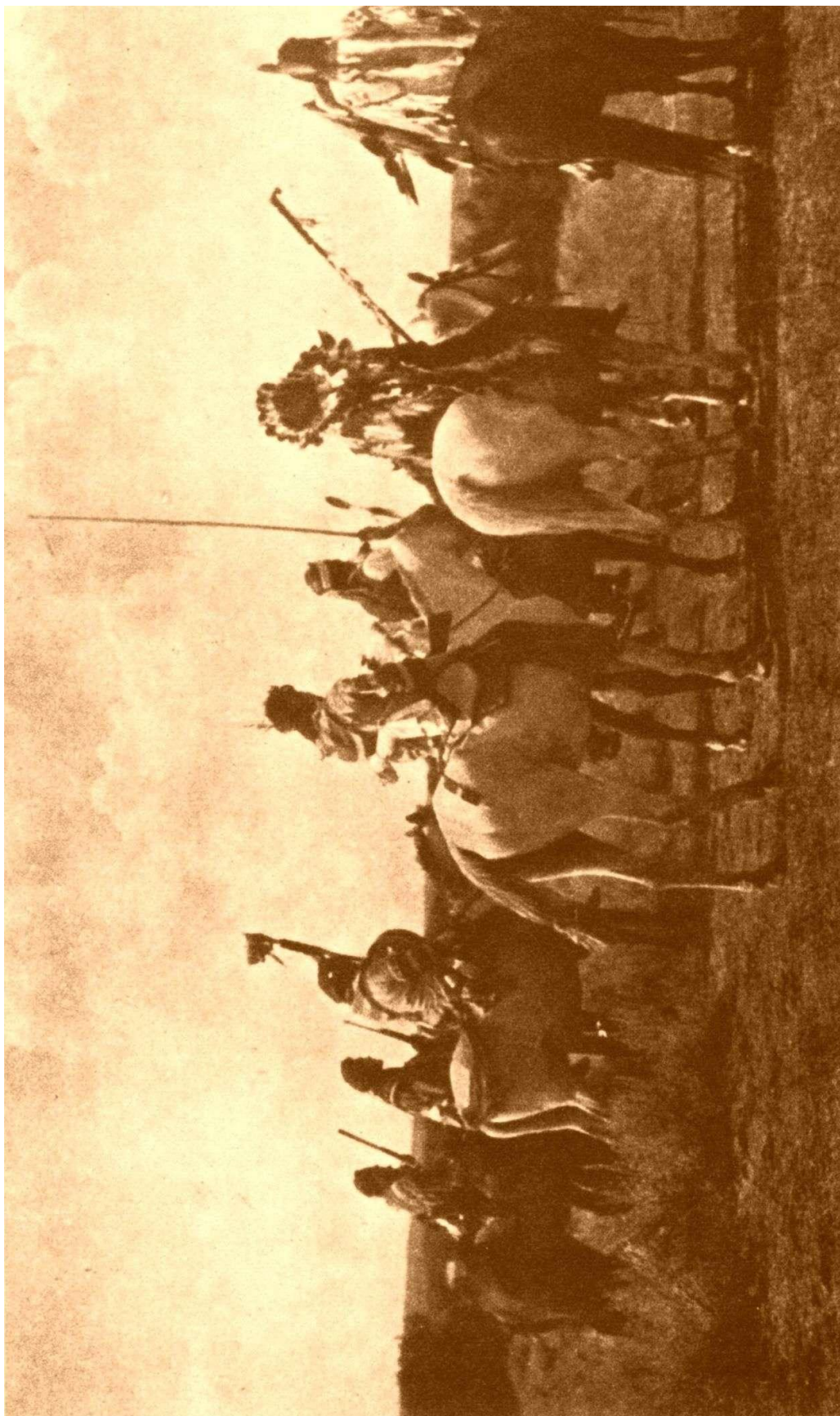

Главный Красивый Орел с Голосом

Главный Красивый Орел с Голосом

Шестьдесят восемь лет - это большой срок для того, чтобы быть индейцем. За этот промежуток жизни Орел с Прекрасным Голосом быстрыми ногами прошел тропу войны и сильной рукой держал боевое копье. Хорошо переноса груз прожитых лет и еще более тяжелое бремя борьбы, он двигается прямо и гибко. Он стал неистовым и громогласным, рассказывая свою историю о нарушенных договорах, о том, как белый человек причинил зло индейцу и как жизненные бури изуродовали его жизнь. Затем на него снизошло спокойствие старости и безмятежная радость детских воспоминаний, когда его попросили рассказать фольклорную сказку. Рассказывая о его боевом опыте, мы имели дело с равноденственным штормом индийской жизни, а затем с мягкой дымкой бабьего лета. Вспоминая дни своего детства, Красавчик Игл сказал мне, что [стр. 73] его племя кочевало вдоль реки, в основном реки Миссури. Тогда в этой стране не было белых людей. "Мне было около десяти лет, когда я увидел большие лодки, перевозившие белых людей через реку Миссури. Я видел великое множество белых людей, убитых сиу, когда они поднимались вверх по реке на маленьких лодках. Только когда мне исполнилось около двадцати лет, они начали строить железную дорогу вдоль реки Платт, идущую на запад, а также появились фургоны с эмигрантами, которые ехали на запад с большими стадами крупного рогатого скота. Индейцы убивали белых людей, когда они поднимались вверх по реке, потому что мы чувствовали, что они отгоняют нашу дичь; у них были ружья, порох и ножи, которых у нас не было. Мы также хотели иметь то, что у них было в лодках, и нам не нравилось видеть, как они проезжают через нашу страну. Когда я впервые увидел людей, эмигрирующих через нашу страну, а затем привозящих туда железных коней, я начал бояться. Мне было около двадцати пяти или тридцати лет, когда они начали гонять "железного коня" по стране, и я также слышал, что они собираются переселить индейцев в какую-то жаркую страну, и что белые люди заполнят всю землю к северу, западу и югу от нас; мы почувствовали, что должны сражаться с белыми людьми, и мы начали убивать людей, которые строили железную дорогу. Белые люди начали убивать дичь, когда пришли в страну. В то время на восточном берегу реки Миссури было много бизонов; вскоре они переплыли на западный берег, и тогда мы поняли, что президент дал им привилегию убивать всю дичь, и вскоре все бизоны исчезли. Затем белый человек отправился в Черные холмы и убил дичь. Убийство дичи привело к изменению в нашей пище. Мы привыкли есть мясо буйволов и другую дичь; нам это нравилось, и все мы были полны здоровья, пока оно у нас было. Изменение рациона вынудило нас есть хлеб вместо дикого мяса, и именно по этой причине все индейцы вымирают. Когда я думаю о тех старых днях, мое сердце наполняется печалью. Президент Соединенных Штатов послал за моим отцом, который в то время был вождем, и когда он вернулся, то сказал, что индейцы должны перенять образ жизни белого человека и что мы должны отправить наших детей в школу. Новость, которую принес мой отец, была воспринята некоторыми благосклонно, другие наотрез отказались отправлять своих детей в школу и сказали, что они скорее будут драться, чем позволят своим детям ходить в школу. И все выглядело так, как будто должно было начаться всеобщее восстание. Я помню первую группу, которая отправилась в школу, и это вызвало большие проблемы. С тех пор у нас были проблемы с солдатами Соединенных Штатов. Пока мы обдумывали эту проблему со школами, через Блэк-Хиллз проходил поезд с эмигрантами. У них была с собой корова, которая [стр. 75] захромала, и они оставили ее. Индейцы подумали, что выбросили ее, и убили. Мы убили эту корову не для пропитания, а потому, что она была хромой и нам было жаль ее. Только год спустя люди, которым принадлежала эта корова, обратились к правительству с заявлением о возмещении ущерба, и правительство направило туда солдат

Соединенных Штатов, чтобы выяснить, кто убил корову. У двух мужчин, убивших корову, были припудренные лица и заостренные лбы. Они просили нас выдать этих людей, чтобы они могли доставить их в форт Ларами, но мы отказались их выдать. Затем они попросили нашего главного вождя, Медведя Топора, выдать их, а когда он этого не сделал, его отвезли в форт Ларами. Часть народа сиу находилась в форте Ларами, и они хотели знать, почему солдаты забрали туда этого главного вождя. Это была ошибка переводчика, поскольку он сказал командующим офицерам, что индейцы сиу были там, чтобы убить солдат, если они не выдадут этого главного вождя. Один из солдат вместо того, чтобы отпустить вождя, проткнул его штыком и хладнокровно убил. Как только они убили этого вождя, индейцы тут же вступили в бой. После этого началась непрерывная битва, пока они, наконец, не захватили Пятнистохвоста с его бандой, скво и детьми. Много мужчин Пятнистохвоста было убито. Позже они выдали женщин и детей. Это не [стр. 76] удовлетворило индейцев; они хотели отомстить солдатам и устроили битву к западу от Черных холмов. После той большой битвы индейцев загнали прямо на территорию, где расположен нынешний лагерь великих вождей. После этого произошло еще одно большое сражение на восточном берегу реки Миссури. Все женщины и дети были взяты в плен. После этого с Соединенными Штатами был подписан договор о прекращении боевых действий. Договор был подписан недалеко от форта Ларами. Неприятности все еще продолжались, договор был нарушен, и у нас было еще одно крупное сражение близ Скалистых гор, где погибло сто солдат. После этого было несколько боев, включая бой с Кастером, а затем все группы разделились, некоторые из них отправились в Канаду, а некоторые вернулись в резервации, где они сейчас находятся. Затем в Вашингтон была отправлена делегация, и когда они вернулись к людям из Департамента по делам индейцев, мы отправили наших детей в школу. Индейцы, которые позже уехали в Канаду, вернулись. Очень много сиу оставалось в резервации во время битвы при Кастере; сам я в битве не участвовал. Я видел генерала Кастера, когда он покидал Форт Линкольн перед битвой при Кастере. Кастер произвел на меня впечатление очень приятного и хорошего человека; он носил длинные волосы. Когда он собирался покинуть форт Линкольн, делегация индейцев сиу, включая меня, отправилась к нему и попросила его [стр. 77] не сражаться с индейцами сиу, а пойти к ним по-дружески. Я был главой делегации. Мы умоляли его пообещать нам, что он не будет воевать с сиу. Он пообещал нам, и мы попросили его поднять руку к Богу, что он не будет сражаться с сиу, и он поднял руку. После того, как он вознес руку к Богу, что не будет сражаться с сиу, он попросил меня отправиться на запад со своей делегацией, чтобы увидеть кочующих сиу и сказать им, чтобы они возвращались в резервацию, что он даст им еду, лошадей и одежду. После того, как мы закончили разговор, он вскоре покинул агентство, и вскоре мы слышали, что он сражался с индейцами и что он и все его люди были убиты. Если бы Кастер дал нам время, мы бы опередили его, но он не дал нам времени. Если бы мы опередили Кастера, он бы не заблудился и его люди не были бы убиты. Я сделал все, что мог, чтобы убедить скаутов Ри не идти с Кастером. Я дал им лошадей и седла, чтобы они не шли, но по какой-то причине они пошли”.

Военный совет

“По договору, который правительство заключило со мной в форте Ларами, они должны были кормить меня пятьдесят пять лет, но не выполнили его. Вы, должно быть, влиятельный человек, раз послали за нами со всех концов страны, и я хочу, чтобы вы помогли нам всем, чем сможете. По договору в Форт-Райсе правительство обещало предоставить нам хороших лошадей и хорошие повозки”.

[стр. 78]

“После заключения договора 1868 года в Форт-Райсе мы продали всю местность к востоку от реки Миссури и вскоре продали Блэк-Хиллз правительству, и в этом договоре правительство пообещало нам, что об индейцах сиу будут заботиться до тех пор, пока в племени сиу будет жить ребенок; и это не было выполнено. Вскоре после этого мы заключили договор с генералом Круком. В этом договоре нам было обещано очень много вещей, которые правительство, похоже, не хотело делать. Сейчас наши средства почти исчерпаны, и многие из нас бедны и не в состоянии позаботиться о себе, и я хочу, чтобы, когда вы вернетесь, вы сказали все, что в ваших силах. Это обещания правительства, и они так и не выполнили их”.

“Историю, которую я собираюсь вам рассказать, я не боюсь ни опубликовать где-либо, ни передать ее обратно в мое собственное агентство, ни позволить другим воинам увидеть и услышать ее. За свою жизнь я совершил около семидесяти рейдов против разных племен. Из этих рейдов было, должно быть, сорок пять или пятьдесят сражений. Позвольте мне рассказать вам историю об одном из таких сражений, в котором я участвовал: я был молодым человеком, не помню точно, какого возраста. Сиу разбили лагерь в устье реки Роузбад. Мы собрали военный отряд численностью около двухсот человек. В этом отряде были две группы - племена двурогого скота и племена мник-Ок-джу. Это было [стр. 79] в середине зимы, когда снег был глубоким. Мы отправились через страну недалеко от этого лагеря и спустились вниз по реке Йеллоустоун, а затем повернули на север и направились к Верхним Скалистым горам. Тогда мы были на территории врага. Нас было четверо, выбранных из двух отрядов, чтобы отправиться вперед и произвести разведку в поисках врага; мы никого не увидели и вернулись. Один человек из нашей группы охотился на оленей, и он был прямо за нами. Мы добрались домой, ничего не увидев, но он сообщил, что в поле зрения появились враги. Врагов, которых он видел, было двое, и мы сели на наших лошадей и отправились туда, где он видел этих двух мужчин. Они были хорошо вооружены и делали все возможное, чтобы защититься, и наш отряд не приближался к ним слишком близко. Я пришпорил свою лошадь и ринулся прямо на двух мужчин. Они были пешими, выстроились в шеренгу и направили на меня оружие, когда я двинулся на них. Я ударил одного из них копьем, которое у меня было. Я сбил его с ног; он выстрелил в меня, но промахнулся. Второй мужчина тоже выстрелил в меня, но промахнулся. Я не смог попасть в него, так как увернулся после того, как ударил первого мужчину. Когда я проходил мимо них, они выстрелили в меня снова. Это дало моим воинам шанс подойти к ним, прежде чем они успели перезарядить ружья, и они убили их. Я был первым, кто ударил одного и почти задел другого. Мои воины не спешили [стр. 80] подходить, и я был первым, кто напал на них. После того, как мы убили этих двоих, мы вернулись домой с их скальпами. Мы возвращались домой через реку Паудер и шли вверх по реке, пока не добрались до слияния рек Паудер и

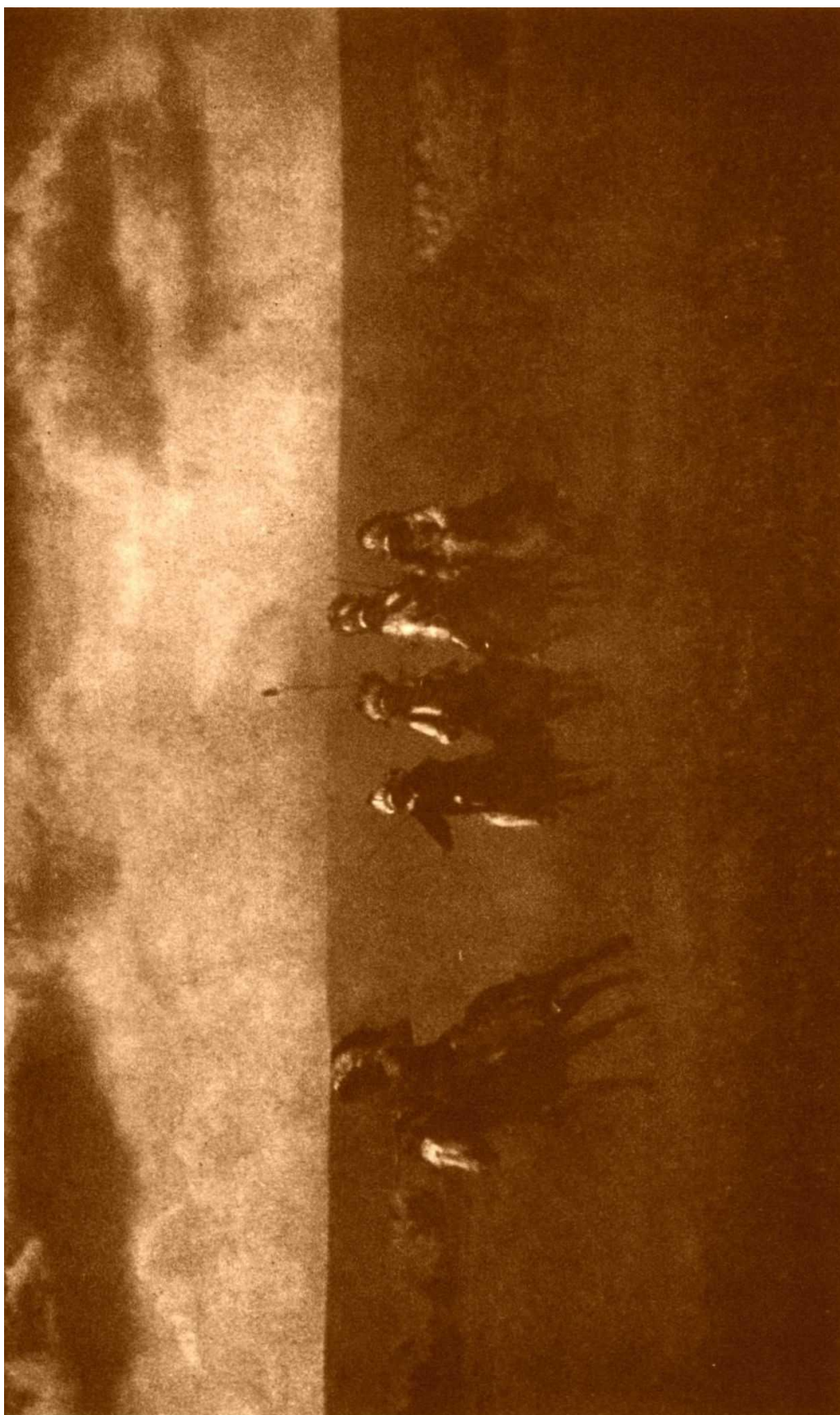
Роузбад. Когда мы добрались туда, один из нашей группы отправился домой впереди нас. Он примчался к нам на своей почти выбившейся из сил лошади с сообщением, что пока нас не было, лагерь подвергся нападению врага, они украли наших лошадей и теперь приближаются по дороге, по которой мы ехали. Мы спрятались, поджидая их, но каким-то образом они узнали о нашем присутствии, обошли нас стороной и, прежде чем мы успели опомниться, сбежали. Хотя они были на большом расстоянии от нас, наша группа атаковала этих всадников. Большинство наших лошадей сдались еще до того, как мы настигли врага, но тринадцать из нас поскакали дальше, настигая их, и мы нашли троих, которые отвечали за украденных лошадей. Наши тринадцать лошадей, на которых мы ехали, были почти измотаны, но мы обнаружили, что враг, которого мы преследовали, тоже ехал на измученных лошадях. Я помчался вперед так быстро, как только могла моя лошадь. Один из врагов ехал на лошади, которая была настолько измотана, что стояла неподвижно. Враг слез с коня, обернулся, натянул лук и стрелы и выстрелил в меня; я собирался ударить его, но не успел. Стрела пролетела так близко от моего лица, что у меня [стр. 81] закружилась голова. Он выстрелил в меня, и стрела прошла прямо сквозь мои волосы, которые были стянуты в узел на макушке. Я спрыгнул с лошади и натянул лук со стрелами, и мы палили друг в друга, подъезжая ближе. Мы прыгали вокруг, как кролики, пытаясь увернуться от стрел. Одна из стрел попала мне прямо под ребра, но рана была не очень глубокой. Как только мы сошлись, он выпустил в меня свою последнюю стрелу; она прошла через мою руку, но это была всего лишь кожная рана. В это время я поразил его стрелой в запястье, и это сделало его хромым. Когда я ударил его, он попятился, и я дважды выстрелил ему в грудь двумя стрелами; затем я отбросил стрелы и ударил его луком по голове, лишив чувств. После того, как я сбил его с ног, я взял его лук и отбросил его подальше, чтобы он не смог достать. Он ползал на четвереньках, и я взял свою боевую дубинку и бил его, пока не убил. После того, как я убил этого человека, я собрал свой лук и стрелы и продолжил преследование двух других. В это время они слезли с лошадей и защищались, как могли. Я прострелил одному из них запястье своей стрелой; он вскрикнул, когда я ударил его, увернулся и побежал вниз по ущелью, убегая так быстро, как только мог. В одной руке у него был револьвер, и я последовал за ним, стреляя своими стрелами, он стрелял в меня в ответ из своего револьвера. Так продолжалось до тех пор, пока он не добрался до [стр. 82] конца ущелья, где был глубокий обрыв. Я посмотрел над пропастью и увидел этого человека, который перепрыгнул через нее и скатился вниз, как камень. Когда он спустился, то потерял сознание. Я смотрел на него с холма, но не мог спуститься к нему. Я ходил взад-вперед; посмотрев вниз, я увидел индейца сиу, пытающегося подползти и снять скальп с индейца, упавшего в пропасть. В зубах у меня была боевая дубинка, я схватил лук и стрелы и попытался спуститься по склону холма, чтобы подобраться к нему поближе. Когда я спускался, я заскользил, и когда я спускался, Ворон пришел в сознание, и я увидел, как он целится в меня из пистолета, когда я смотрел вниз. Тогда я подумал, что это мой последний день. Когда я добрался туда, сиу подоспел как раз вовремя, чтобы отобрать у него револьвер, и когда он выхватил револьвер, я упал прямо под врага. Он вытащил нож у меня из-за пояса, потому что я был под ним, прижатый к скале, и не мог пошевелиться ни в ту, ни в другую сторону. Он ударил меня и разрезал мою одежду прямо поперек живота, но не порезал живот. При втором его ударе я схватил нож и вырвал его у него. Когда я выхватил нож, другой сиу оттащил его, а я встал, взял свою дубинку и прикончил его. Я убил этих двух Воронов недалеко от устья Литтл-Биг-Хорн, которая протекает через лагерь, где [стр. 83] мы сейчас находимся. Это одно из самых смелых событий в моей жизни. Эти два события произошли в одном военном отряде”.

Партия войны

Тогда позвольте мне снова рассказать вам о битве, которая произошла у нас между сиу и плоскоголовыми примерно в двадцати милях к северу от того места, где сейчас находится Биллингс: в этой битве сиу насчитывали около ста пятидесяти человек, и плоскоголовые составляли все племя. Мы послали трех разведчиков через Йеллоустоун, и они вернулись с указанием местонахождения Плоскоголовых. Они сообщили, что все племя разбило там лагерь. Из-за их многочисленности мы боялись, что они разобьют нас. Мы спорили, возвращаться ли нам домой или атаковать. В конце концов вожди отобрали тридцать самых храбрых людей, чтобы идти вперед. Остальная часть военного отряда осталась в лагере. Я был в числе тридцати человек, которых выбрали идти впереди. Мы ушли оттуда в темноте ночи. Мы продолжали путь в молчании до рассвета, когда впервые увидели лагерь противника. Когда рассвело, мы обнаружили, что десять из наших тридцати дезертировали от страха. Когда мы увидели лагерь, еще десять человек покинули нас, так что только десять человек осталось наступать на лагерь. Мы предприняли глупую атаку на лагерь при восходе солнца. Никто из нас не ожидал вернуться, когда мы предприняли атаку. После того, как мы предприняли атаку, около четырех человек снова отступили, так что нас осталось всего шестеро. Мы погнали наших лошадей [стр. 84] к палаткам, а затем снова побежали обратно к холмам. Женщины как раз выходили, чтобы приготовить завтрак. Возвращаясь, мы взяли с собой около пятидесяти лошадей, чтобы бросить вызов врагу и преследовать нас. Стрельба началась из лагеря и напугала лошадей так, что мы получили только около двадцати ранений из пятидесяти. Там была одна лошадь, пятнистое животное, которое мне очень понравилось, и из нас шестерых я помчался обратно, чтобы забрать эту лошадь. Когда я вернулся за этой лошадью, враг напал на меня с такой силой, что я был вынужден бежать в горы. Они шли прямо за нами, стреляя в нас. Враг преследовал нас на протяжении многих миль, стреляя в нас, но так никого и не убив. Время от времени мы поворачивались в седлах и отстреливались, а затем продолжали путь. Нас подкрепили последние десять человек, которые ушли от нас. Как раз в это время лошадь под одним из наших людей была подстрелена, и он бежал пешком. Мы закружились вокруг этого пешего человека, что, казалось, остановило врага. В это время один из врагов был сбит с лошади. Этот человек, которого застрелили с лошади, был окружен двумя его друзьями, которые спешили, чтобы защитить его. Как только я увидел этого человека, лежащего на спине, я бросился на него с силой; я ударил его по голове. Враг, стоявший рядом, разрядил в меня свой пистолет и занес приклад, чтобы ударить меня по голове. Как раз в этот момент моя лошадь споткнулась и [стр. 85] упала вперед, что спасло меня от удара. Сделав это, я сделал круг и вернулся к своему народу. Но в глубине души я был зол на него, потому что он ударил меня. Я взял свой лук и стрелу и пустил стрелу прямо ему в щеку. Попад врагу в щеку, я пришпорил свою лошадь и бросился на него. Один из моих друзей подъехал верхом вместе со мной, и мы оба бросились в атаку. Наши лошади повернули как раз в тот момент, когда мы достигли врага, которому я прострелил щеку, и враг побежал прямо за нами. Он схватил лошадь моего друга за хвост и выстрелил ему в спину из своего револьвера, и он упал прямо на мою лошадь. Я слез с лошади, крепко держа своего друга, и в это время один из моих друзей увидел врага и выстрелил в него. Этот человек, в которого стрелял мой друг, снова встал, поскольку его рана была всего лишь кожной раной. Я отпустил своего мертвого друга, слез с лошади и бросился на этого парня. Как раз в тот момент, когда я бросился на него, двое разъяренных сиу замахнулись на него своими дубинками. Они прошли мимо него, и это оставило его мне сражаться. Как только я добрался до него, враг был совсем близко позади меня. Они стреляли в меня с очень близкого расстояния. Я почувствовал запах дыма. Он направил пистолет прямо на меня, но был настолько сбит с толку, что не выстрелил. Я отобрал у него пистолет и сбил его с ног. Я сел на лошадь, прихватив с собой его ружье, и в

это время моему [стр. 86] коню прострелили нос, но он продолжал двигаться к моим друзьям. Пули свистели вокруг меня, на мгновение сбив меня с толку. В это время казалось, что враг повержен, но в этот момент подошла остальная часть нашей группы. Враг отступил, когда увидел наших друзей, но они преследовали нас до самого Йеллоустоуна. В этой битве погибло около сотни человек. Я не вернулся, потому что моя лошадь была измотана. У меня есть еще пять таких же захватывающих историй, включая ту, в которой я был ранен”.

Водоворот воинов

“Величайшее событие в моей жизни, оставляющее позади историю, которую я рассказал, относится к тому времени, когда индейцы получили земельные наделы и им дали дом, чтобы они не могли бродяжничать; и прежде всего, к тому времени, когда я обрел религию и стал христианином. Я был крещен и конфирмован в Епископальной церкви. Я женился на своей жене священными узами брака и пытаюсь вести праведный образ жизни. В кочевой жизни я сражался, снял много скальпов и убил много индейцев. Теперь сопоставьте с этим тот факт, что я живу в своем собственном доме, владею своей землей, имею свою семью и являюсь членом церкви. Мне нравится прошлая жизнь больше, чем первая. В прошлой жизни, когда мы жили сами по себе, мы всегда боролись; в нынешней жизни у нас есть мир. Единственное, что сейчас меня убивает, - это наш образ жизни [стр. 87]. Слишком много ограничений; вместо того, чтобы сражаться с врагом, я борюсь с болезнью. Белые люди знают обо всем, но если они смогут победить эту отвратительную болезнь, чахотку, я буду им очень благодарен. Как я уже говорил вам раньше, я думаю о времени буйволов, о мясе и шкурах, и жажда этого кажется почти болезнью, и это особенно верно для стариков”.

Когда его спросили о его вере в загробную жизнь индейца до того, как он стал христианином, он ответил: “Не было определенного Высшего Существа, в которое мы верили. Было очень много богов, в которых мы верили. Я молился своему собственному богу; затем мы все услышали, что после смерти мы встретимся в какой-нибудь хорошей стране, где все будем счастливы. Независимо от того, было ли у нас много богов, мы все встретились бы в этой стране. Теперь, хотя я не могу читать Библию и не могу понимать Библию, все же у нас есть проповедники на нашем родном языке, и они говорят нам, что есть один Бог, а также Его Святой Сын, и мы все встретимся на небесах, и я верю в это. Очень многие сиу - такие же последователи, как и я, но, как и очень многие другие люди, многие делают одно, а чувствуют другое. В старые времена солнце было моим богом, солнце было богом моего фатефа, и тогда я думал, что солнце было моим отцом, а земля - моей матерью. Я пел и танцевал под солнцем; моя грудь и руки вытатуированы солнцем, [стр. 88] и я пронзил свое тело, принося жертвы солнцу. Теперь я оглядываюсь на те старые индийские обычаи как на глупость. Это подобно человеку, выходящему из тьмы на свет. Тогда я был во тьме; теперь я иду в долину света, учась каждый день”.

Фольклорные сказки — Индейцы сиу

Красивый голос Орла достиг другого полюса жизни, когда его мысли вернулись к тому времени, когда старики собирались у костра, и маленьким мальчиком он слушал их часто повторяемые истории. “Я почти не помню их, но я расскажу вам короткую историю: Там был огромный паук, несущий на спине большой моток соломы, и он бежал между двумя озерами. На одном из озер была огромная стая гусей. Один из гусей крикнул пауку: ‘Паук, куда ты идешь?’ Паук сказал: ‘А теперь замолчи! Я слышал, что здесь есть лагерь индейцев, которые вернулись с победы со множеством скальпов, и они послали за мной с моими песнями. Они все у меня в свертке за спиной, и я несу их им’. Паук продолжал лететь, и один из гусей

сказал ему: 'Ты остановись и спой нам одну из тех песен, которые ты там записываешь'. Паук продолжал лететь; сказал, что ужасно спешит, но все равно продолжал описывать круг над озером; он [стр. 89] хотел, чтобы гуси снова прокричали ему, что они и сделали, и, наконец, паук крикнул гусям: 'Если вы хотите услышать одну из моих песен, идите сюда'. Паук соорудил маленькую будку из соломы. У него была маленькая палка, и он стоял в дверях. Когда гуси прилетели, он велел им залезть в будку, и когда они это сделали, он спел песню и велел каждому закрыть глаза, потому что у каждого, кто откроет их, будут красные глаза. Конечно, все они закрыли глаза, и он принялся сбивать их всех с ног. Один из гусей случайно открыл глаза, и он крикнул другим гусям: 'Откройте глаза и улетайте; этот паук собирается убить вас всех!' - и он улетел. Паук сказал: 'У тебя всегда будут красные глаза!' И поэтому у утки по имени хелл-дайвер красные глаза".

Вот еще одна история: шел одинокий мужчина, и на спине у него было много мяса. По пути он остановился под несколькими деревьями, развел большой костер и поджарил немного мяса, которое нес с собой. Ветви двух стоящих рядом деревьев скрестились друг с другом, и когда подул ветер, раздался скрипучий звук. Мужчина посмотрел на дерево и сказал: "Братья мои, хватит вам там драться!" Скрип продолжался, и он снова позвал их, чтобы прекратить драку. Но это все еще продолжалось, и он, наконец, сказал: "Я собираюсь разлучить вас двоих; вы должны [стр. 90] прекратить ссориться". И он просунул руку между двумя ветвями; когда он просунул руку между ними, ветер перестал дуть. Его поймали за руку, и он не смог вырваться. Как раз в этот момент мимо проходил волк, и человек увидел его и крикнул ему: "Иди по своим делам и оставь мои вещи в покое". Волк ничего не знал о том, что там было жареное мясо, но когда этот человек окликнул его, он сказал себе: "У этого человека должно быть что-то для меня", - и он подошел к жареной говядине, взял все это и пошел своей дорогой. После того, как волк ушел, снова подул ветер, и человек отпустил руку, и писк начался снова. Человек заплакал, и в глубине души ему стало жаль волка, и он пошел по его следам. Он шел дальше, пока не добрался до водоема, в который и нырнул. Он посмотрел вниз, в воду, и увидел волка, поедающего его мясо. Он нырнул в воду, ощупал все вокруг и был почти обессилен, когда вынырнул. Затем он забрался на дерево, и когда вода снова успокоилась, в воде снова был волк, поэтому человек спустился, обвязал веревку вокруг пояса и навалил несколько камней сбоку, чтобы оставаться там достаточно долго, чтобы поймать волка. Все это время волк сидел на ветке дерева над ним; отражение волка было в воде. Когда человек опустился в воду, тяжесть камней удержала его там, [стр. 91] и он начал бороться, чтобы выбраться, и ему едва удалось выбраться из воды. Как только он выбрался из воды, то поднял голову и увидел волка на верхушке дерева. Бока человека были так забиты камнями, что ему было очень трудно взобраться на крутой берег, настолько, что он едва мог поползти до вершины, и пока он пытался выбраться, волк доел мясо, спрыгнул вниз и убежал. Так заканчивается эта история.

Жизнь индейца сложна. Собрать воедино шестьдесят восемь лет жизни этого человека означает, что мы завершаем проблему бесконечных измерений. Его колыбельная, военная песня; его самые ранние воспоминания, запятнанные кровью белого человека; его непоколебимая доблесть на поле битвы; шрамы, оставленные на его душе нарушенными договорами белого человека; его преданность таинственным богам из пантеона Природы; его безответный плач по поводу потери буйвола; его природное красноречие, рожденное в тронном зале Природы; его окончательная любовь к миру и принятие сияющего лика Сына Праведности - все это наложило на цивилизацию тяжелую руку осуждения.

Главный Белый Конь

“Мой отец сказал мне, что я родился в Блэк-Хиллз. С тех пор, как я себя помню, мой народ жил на берегах [стр. 92] реки Бад, Южная Дакота. Пока я жил там, я впервые увидел белых людей, плывущих вверх по реке на больших лодках. В то время бизоны водились по обе стороны реки Миссури, и там было много дичи, и мы все в то время жили впроголодь. Это было незадолго до того, как был построен форт в устье реки Бад. Моему отцу нравилось общаться с белыми людьми, и мы часто бывали в магазине. Форт в конце концов превратился в крупный торговый пункт. Индейцы привозили шкуры различных животных, таких как бобр, волк, лиса, пантера и буйвол. Когда я был еще маленьким мальчиком, я покинул ту часть страны и вместе с другими индейцами двинулся дальше на запад. Я всегда старался жить, не создавая проблем ни среди своих соплеменников, ни с белыми. Оказавшись среди сиу, я начал изучать некоторые из их диких приемов. Я начал учиться сражаться с другими индейцами. Затем я вышел на тропу войны и участвовал во многих боях с индейцами. Я хочу упомянуть, в частности, один бой против ассинабойнов. В этом сражении нас, сиу, было около двухсот человек. Сражение происходило на реке Миссури. Несколько раз были обвинения и контратаки. Один из самых храбрых опередил остальных, но ему пришлось отступить. Я всадил ему в спину две стрелы, а затем бросился вперед и сбил его с лошади своим луком. После того, как я сбил этого человека с [стр. 93] его лошади, моя собственная лошадь убежала вместе со мной и врезалась прямо во вражеский строй, ворвавшись в гущу врагов. Они выпускали в меня стрелы со всех сторон, и я ожидал, что это мой последний день. Это был величайший бой, в котором я когда-либо участвовал, хотя я участвовал во многих других”.

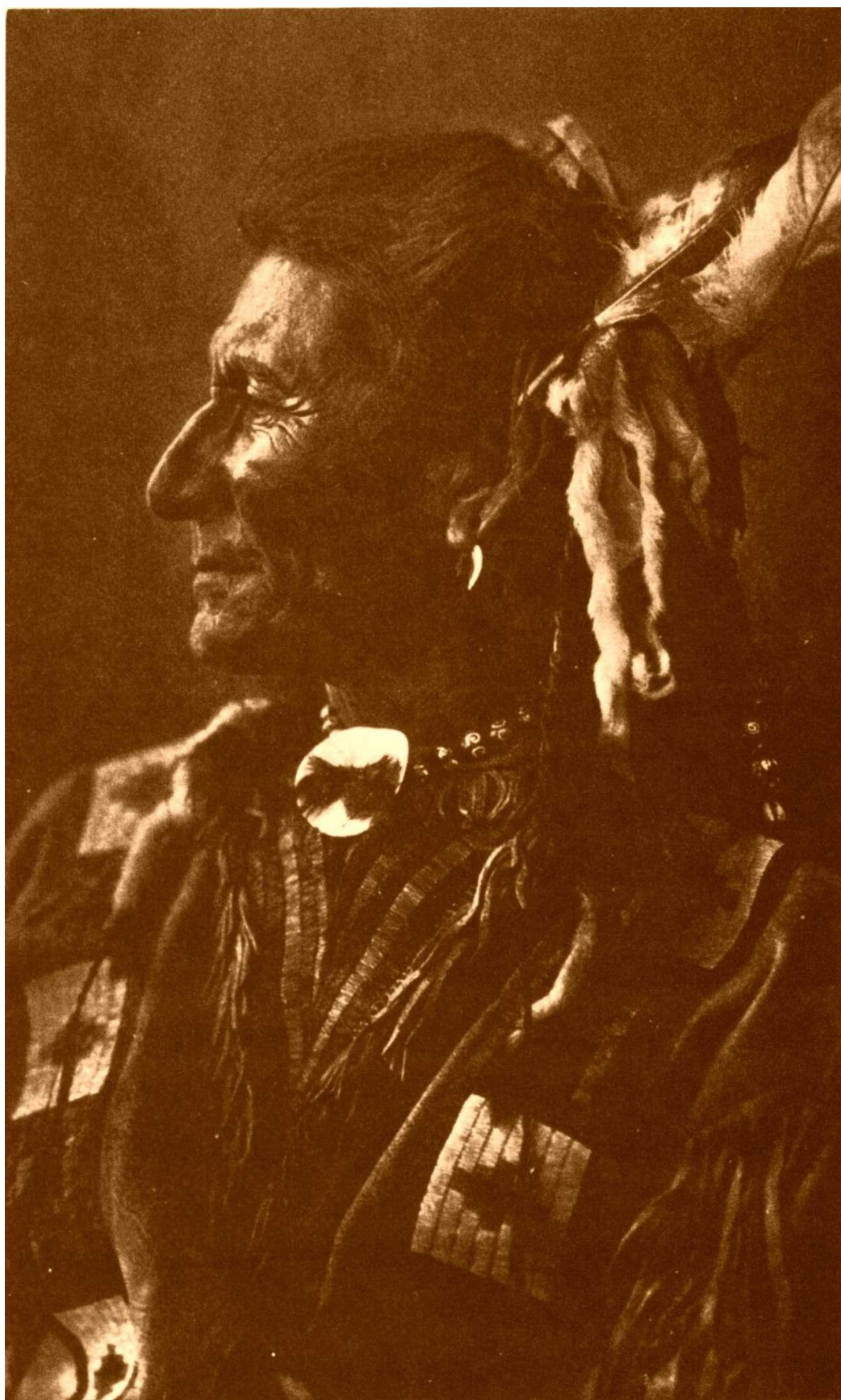
От копыта до лемеха плуга долгий шаг, но ноги Белого Коня в мокасинах вскоре сделали этот шаг. Говоря об этой эпохе в своей жизни, он сказал: “Самым важным событием в моей жизни было то, когда правительство начало выплачивать индейцам ежегодную пенсию и нас поместили в резервацию. Я всегда был лидером индейцев и вождем. Когда нам выделили сельскохозяйственные орудия и выделили земельные наделы, я был назначен главным фермером над индейцами. Я посетил индейцев по всему моему округу и пытался заставить их возделывать землю и отправлять своих детей в школу. Я отправил своего собственного мальчика в школу первым, чтобы показать пример остальным. Я отправил своих детей в ближайшую школу, пока они не подросли, а затем я был одним из первых, кто отправил своих детей в Хэмптон, штат Вирджиния, в школу. Все они вернулись домой и умерли от чахотки. Примерно в это же время в нашу страну прибыл первый миссионер, и я был одним из первых, кто обратился в Церковь. С тех пор я делал все, что мог, чтобы привести других индейцев в Церковь. Я поехал за свой счет туда, где сейчас живу. [стр. 94] В то время там не жили люди, и я вырубил из леса бревно и построил церковь в своем собственном доме. Мне никто не помогал. Индейцы приходили туда в церковь, и после этого они называли церковь Церковью Белой Лошади. После этого индейцы основали здесь поселение, и, наконец, правительство открыло в этом месте почтовое отделение, и они называли его почтовым отделением Белой лошади. С тех пор оно стало вспомогательным учреждением. Влияние, оказанное таким образом на индейцев, привело к тому, что они во многом жили так, как живет белый человек. Теперь у меня есть своя ферма, я выращиваю крупный рогатый скот и

лошадей. Все, что я делал для правительства и Церкви, я был рад делать, потому что все они были добры ко мне. В то время как другие индейцы воевали и создавали проблемы Соединенным Штатам, я никогда ни в чем из этого не участвовал”.

Прежде чем перейти к фольклорной сказке, сорвавшейся с уст вождя Белой Лошади, внимание читателя особенно приковано к главе о впечатлениях индейцев от последнего Великого Совета, где Белый Конь описывает свои чувства и уроки, которые он получил, впервые оседлав железного коня.

Фольклорные сказки —Янктон сиу

“В дни моего детства по вечерам мой отец всегда рассказывал истории. Я помню, что обычно засыпал, пока [стр. 95] он рассказывал истории. Это одна из историй, которые он любил рассказывать: “Волк отправляется в путешествие. Он наткнулся на трех буйволов. Волк сказал буйволу: ‘Братья мои, сделайте меня одним из вас, и мы будем жить все вместе’. Буйвол сказал ему: ‘Выдержишь ли ты жизнь, которой живем мы?’ Волк сказал ‘Да’, и все они велели ему отойти подальше и лечь на спину. Буйвол собирался превратить волка в буйвола, и он лег на спину и бока и покатался в пыли, а потом встал и отряхнулся, а затем бросился на волка, воткнул в него свои рога и подбросил в воздух. Как только он добрался до волка, волк отскочил в сторону, и буйвол сказал: ‘Ты напрасно заставил меня так тяжело бежать’. Волк сказал: ‘Попробуй еще раз’. Буйвол сказал: ‘На этот раз ты встанешь, и я наброшусь на тебя’. Поэтому волк отошел на приличное расстояние. Как только буйвол добрался до волка, волк превратился в буйвола, и они сцепились рогами друг с другом. И таким образом он стал сильным буйволом. Некоторое время он бродил с буйволом. Другой буйвол отошел немного в сторону и пощипал траву, в то время как буйвол-волк сорвал первую траву рядом с тем местом, где он стоял. Пока он ел, подошел другой волк и сказал буйволу: ‘Сделай мне буйвола, и мы все будем братьями’. Затем этот волк-буйвол велел волку стоять точно так же, как он стоял раньше. Этот волк [стр. 96] буйвол лег на спину, перекатился в пыли и бросился на волка, и когда он собирался ударить его, тот снова превратился в волка, и два волка дрались там вместе. Волк-буйвол сказал: ‘Я был счастлив, как буйвол, и жил в достатке — почему ты пришел сюда и снова превратил меня в волка?’ И он начал драться с ним. На этом история заканчивается. И вот почему индейцы всегда воюют друг с другом”.

Призрак Главного Медведя

Призрак Главного Медведя

Великая семья сиуан, или дакота, разделена на множество различных племен. Они представляют собой разрушенные остатки "Семи огней Великого Совета". Индейцев возмущает титул сиу, означающий "Ненавистный враг", и они предпочитают слово дакота, что означает "Объединенный" или "Союзный". Есть бруле сиу, что означает "Обожженное бедро"; тетон, "На земле без деревьев"; санти сиу, "Люди среди листьев", в лесу; Сиссетон сиу, "Люди прерийных болот", и янктон сиу, что означает "В конце". Главный Медвежий Призрак - янктон сиу. Среди дакотов вожди отличаются именем, которое либо каким-то образом указывает на их способности, проявленные ими на тропе войны или в погоне, либо оно может передаваться от отца к сыну. Главный Медвежий Призрак носит наследственное имя своего отца Мато-ванаги - призрак медведя. Дакоты [стр. 97] считают свои годы по зимам, и все их записи называются зимними счетами. Они говорят, что человеку столько-то снегов, или что с определенного периода прошло столько-то снежных сезонов. Используя их собственную формулировку, Главному Призрачному Медведю пятьдесят семь снегов. Кастер не был поэтичен, когда дал сиу название "головорезы", но, возможно, он был верен характеру и истории этих свирепых и воинственных племен. Тогда мы можем не удивляться, что Медвежий Призрак сказал: "Величайшим событием в моей жизни было участие в двух великих войнах. Я был на тропе войны на реке Миссури против Гро-вентре и манданов. Это была тяжелая, ожесточенная борьба; мы сталкивались и стреляли друг в друга с раннего рассвета до захода солнца. Индеец рядом со мной, враг, был застрелен, и когда я погнался за ним, моя лошадь была подстрелена, но я все равно продолжал наступать и поразил врага томагавком. Один из врагов целился в меня, но я поразил его томагавком прежде, чем он успел выстрелить, и когда эта схватка закончилась, индейцы назвали нас мужчинами. В другие годы мы снова пришли в то же самое место. Двое врагов были рядом с лагерем; они были вооружены ружьями. Врагов было семеро, а нас всего двое. Мы подошли прямо к лагерю. Я застрелил одного из врагов и ранил его, а также захватил одну из их лошадей. Затем появилось большое количество индейцев и погналось за нами. Они [стр. 98] окружили нас, все время стреляя, и лошадь, которую я отобрал у врага, я скорее застрелил, чем отдал им. И пока они гнались за мной, моя лошадь выбилась из сил, и мне пришлось слезть и вести ее за собой. Я вбежал в ручей, где на берегу были мои враги, стрелявшие в меня. Эти две вещи я считаю величайшими событиями в своей жизни, потому что каждый раз ожидал смерти. Затем меня сделали главным вождем моего племени".

До того, как в резервации была создана полицейская система, капитан Догерти поручил Медвежьему Призраку вместе с еще одним индейцем выследить и поймать человека, совершившего убийство. Медвежьему Призраку удалось выполнить это поручение, и за шерифом послали, и заключенный был передан ему, но по дороге в Бисмарк заключенный убил шерифа, вскочил на лучшую лошадь и сбежал. Медвежий Призрак часто избирался своим народом, чтобы представлять его на советах, проводимых другими племенами. Его также посылали в Вашингтон по вопросам, касающимся договоров, заключенных много лет назад. У него лицо римского сенатора; он высок, грациозен и полон достоинства, сильный и убедительный оратор и убежденный сторонник мира.

Главный Бегущий Рыболов

Главный Бегущий Рыболов ²

История этого покрытого шрамами от войны ветерана Гро-Вентреса с удвоенным пафосом подчеркивает многократно выраженное в этой книге мнение [стр. 99] о том, что индейцы - исчезающая раса, поскольку он умер в течение двух недель после возвращения домой с последнего Великого Индийского совета. Поэтому его слова имеют глубокое значение: "Мне грустно от мысли, что я больше не встречу с этими вождями, потому что я хотел бы встретиться со всеми ними еще раз, но я почти уверен, что мы больше никогда не встретимся".

Главный Бегущий Рыболов прожил шестьдесят лет, и за сорок лет из этого срока он в среднем раз в два года участвовал в битве. Сражения в Канаде, сражения в горах и сражения на равнинах. Он сражался с сиу, черноногими, нез-персе, воронами, шошонами и пеганами. Он сказал: "У меня в теле двадцать выстрелов, полученных в бою. У меня была сломана рука и вывихнуто запястье. Пуля прошла прямо через одну из моих рук. В первые дни я сражался с луком и стрелами. В одной битве я убил двух человек, пустив в них обоих по одной стреле. Величайшее событие в моей жизни произошло, когда я был ранен в битве при Биг-Спринг и оставлен умирать на поле боя. Мои друзья сдерживали врага так долго, как могли, и когда они увидели, что я не пришел в себя, они бросили меня. Я истекал кровью изнутри, меня привел в себя кашель с кровью из горла. Когда я пришел в себя, то обнаружил, что враг ушел, и я пошел по следам своего собственного племени. Несколько моих друзей были застрелены, и по пятнам крови на [стр. 100] снегу я мог видеть путь, по которому они прошли. В то время мне было девятнадцать лет. Прошло много времени, прежде чем я догнал группу. Они ехали намного быстрее, чем я мог, но я наконец добрался до лагеря и выздоровел. У нас не было хирургов и почти не было ухода. Каждый индеец должен был быть сам себе врачом. Я расскажу вам о другом риске, который у меня был. Событие, о котором я сейчас собираюсь рассказать, - это главное, что делает из воина вождя. Мы подрались с Пиеганами. У одного из Пиеганов были пистолет и кинжал, по одному в каждой руке. Этот Пиеган побежал на меня, а я побежал на него. Когда мы поравнялись, я схватил пистолет Пегана одной рукой, а кинжал - другой, и когда я отразил его атаку, его пистолет выстрелил, и я отобрал у него пистолет и кинжал. Тогда мои друзья бросились мне на помощь, убили Пегана и сняли с него скальп".

Отвлекаясь от сражений и ран, позвольте этому старому вождю вернуться к дням своего детства: "Я помню, когда я был совсем мальчиком, чудесный танец солнца. Он произвел на меня огромное впечатление. Я не мог этого понять и спросил об этом своего отца, и он сказал мне, что я не могу участвовать в танце солнца, пока не получу свой титул воина. Танец солнца - это индейский обычай, направленный на воспитание духа чести как среди мужчин, так и среди женщин. Ни одна молодая женщина не осмелится принять участие в танце солнца, если она не добродетельна, потому что [стр. 101] на нее обязательно укажут и пристыдят, а если она не примет участия, то на нее падет подозрение, и она также будет пристыжена. Мужчины подражают деяниям своих отцов, чтобы принять участие в танце солнца. И таким образом, этот замечательный танец становится школой патриотизма среди племен и стимулом к доблестным поступкам, а также стимулом к добродетели. Я не думаю, что что-либо когда-либо производило на меня более сильное впечатление, чем танец солнца. Он всегда проводился в мае, прекрасное время года, и когда мы, молодые люди, наблюдали за различными фазами танца, как юноши, так и девушки желали поступить правильно, чтобы мы могли принять участие в этой замечательной церемонии".

Этот мимолетный намек на один из великих индийских обрядов и его влияние на характер индейцев может побудить читателя глубже проникнуть в суть этого странного действия.

Еще один вождь был завернут в свое одеяло. Военный колпак и военная рубашка, которые он носит на фотографии, которую мы сделали для него, были положены рядом с ним в его последнем сне, как эмблемы его последней битвы и знаки его окончательной победы.

Главный Бычий Змей

Бычья змея

Старую змею-быка, или Змею-Буллу, индейцы называют Ухоус-Сах-Чи-дупс, что означает змею-самца. Много лет назад, когда он был далеко от лагеря, его укусила гремучая змея. [стр. 102] Единственный его спутник сделал все, что было в его силах, чтобы спасти своего друга. Наступал предсмертный ступор, и его товарищ поспешил в лагерь с вестью. Его родственники бросились на помощь. Он наконец выздоровел и с тех пор его называют Бычьей Змеей. Это подходящее имя для этого седовласого шестидесятивосьмилетнего воина. Лук и стрелы стали игрушкой его детства. С его помощью он отправился в логово диких зверей и с ликованием застрелил теленка буйвола; из последних сил всадив стрелу в сердце буйволиного быка. Затем наступили дни тропы войны, нетерпеливые, свирепые дни — дни, когда ненавистного врага преследовали пешком, и по тропе войны шли из любви к войне. Эта страсть к войне привела его в лагерь генерала Крука, где ему было поручено выслеживать враждебных индейцев сиу. Дальнейшую историю Бычьего Змея лучше всего рассказать его собственными словами:

“ В то время мне было, должно быть, около двадцати трех лет. Мы переехали в "Маленький розовый бутон". Я был первым из разведчиков, обнаруживших приближающихся к нам сиу. После того, как я доложил, я сел на лошадь и в компании двух других разведчиков отправился на поиски сиу. Мы нашли десять индейцев сиу и вступили в бой. Мои спутники и обе их лошади были убиты. Затем началась битва при Литл-Роузбаде. Сиу и шайенны [стр. 103] кружили вокруг нас. Генерал Крук послал за мной. Все командование было окружено. Я думал, что это мой последний день. Я попросил разрешения совершить рывок к слабому месту в линии фронта, чтобы его солдаты последовали за ним. Я сделал это, и мы прорвались. Крук обошел противника с правого фланга и выиграл день. Во время контратаки два других Ворона сражались на гребне вместе со мной. Я поднял свою трость для переворота, чтобы ударить сиу, и он выстрелил в меня, задев мою лошадь, и мы упали вместе. Я обнаружил, что был тяжело ранен и не мог встать. Я приподнялся, насколько мог, и трижды выстрелил в сиу. На этом битва закончилась”.

Измученный войной, припадающий на одну ногу, этот спаситель всего отряда Крука представляет собой жалкие остатки индейской доблести. Более патетических слов никогда не слетало с уст ни одного мужчины: “Самое важное для меня - это образование моих детей. С тех пор как я был ранен, около тридцати шести лет назад, я размышлял о своей жизни. Моя нога ослабла, а сердце сжалось. Я чувствую, что страдал, потому что следовал приказу моего Великого Отца. Я рад, что сражался за солдат, потому что считаю, что это было правильно. Из-за моей раненой ноги я не могу работать; иногда я почти умираю с голоду, и все же я чувствую, что поступил правильно. Не будете ли вы так добры позаботиться о том, чтобы я получал пенсию? Мне это нужно!” Будьте достаточно любезны? Пусть правительство ответит [стр. 104] благодарностью за мудрую храбрость краснокожего, несущего по жизни ежедневное бремя боли и еще большие страдания безответного сердца, которое славно выдержало испытание самопожертвованием.

Горный вождь

Горный вождь

Омак-кат-тса, несущее в себе значение Большого Храбреца, - имя, в высшей степени подходящее Горному вождю. Благородство его осанки, римский тип лица, пронизательный взгляд, ширина плеч, достоинство, с которым он держится на протяжении шестидесяти семи лет своей жизни, - все это делает этого наследственного вождя отряда Быстрых бизонов Черноногих выдающимся среди индейцев и среди любого класса людей. Он заплетает волосы с левой стороны в две косы; с правой стороны он заплетает одну косу, а там, где должна быть другая коса, волосы свисают длинными свободными черными складками. Он очень демонстративен. Он разыгрывает в пантомиме все, что говорит. У него на шее висит жестяной свисток. Сначала он насвистывает, потом снова поет, потом стоит на четвереньках на земле, разгребая копытами пыль, как буйвол, когда он зол. Его жесты жестоки, а речь гортанна, как плеск воды из выхлопной трубы. Он поет военную песню собственного сочинения, и его слышно за милю. Когда его попросили рассказать историю своего детства, он сказал, что вместо того, чтобы рассказывать такую историю [стр. 105] он предпочел бы описать управление лагерем под руководством двух великих вождей: его отца, Горного вождя, и вождя Хромого Быка. Эти двое мужчин подписали договор между Соединенными Штатами и племенем черноногих вместе с другими племенами в 1855 году, когда президентом был Франклин Пирс. Историческая информация, предоставленная горным вождем относительно устройства индейского лагеря, их манеры и метода охоты на бизонов и целей, для которых они использовали бизонов, никогда ранее не печаталась:

“Я помню разных вождей в лагере, когда я был мальчиком, и как они управляли лагерем. Мой отец, горный вождь, и его приятель, вождь Хромой Бык, жили в одном типи. У каждого из них была целебная трубка. Эти два вождя составили план перед тем, как перенести лагерь. После того, как планы были составлены, они взяли свои медицинские трубки и разместили их у задней стены вигвама. Это означало, что лагерь останется еще на один день. Различные воины разослали женщин по лагерю, чтобы они заметили расположение труб, чтобы они могли сказать, каковы были планы. Когда они возвращались, то говорили своим мужьям, что трубки находятся в задней части вигвама; тогда мужья говорили: ‘Лагерь останется еще на один день’. Затем вожди послали за Четырьмя Медведями, которые попросили некоторых индейцев обойти вокруг и сказать людям, что [стр. 106] лагерь останется еще на один день. Затем Четыре Медведя направились к лагерю с восхода солнца и обошли лагерь ближе к закату. Тогда индейцы велели своим женам и детям не шевелиться и посмотреть, что будет сказано. Затем Четыре Медведя говорили людям, что лагерь останется еще на день, и просили их жен отправиться за дровами. Затем женщины брали волокуши и отправлялись за дровами. Тогда вожди послали за вождями и воинами; мы называли их ‘бешеными псами’. Вожаки бешеных псов пришли в типи Горного Вождя и Хромого Быка, и мой отец, горный Вождь, сказал этим двум бешеным псам выступить до восхода солнца и взять с собой других бешеных псов, чтобы найти место, где было много хорошей пресной воды и много травы, где они могли бы разбить лагерь, а также где они

могли бы найти ближайшее стадо бизонов. Бешеные псы нашли хорошее место, где было много буйволов и воды, а затем они отметили лагерь. Когда эти бешеные псы нашли место для лагеря, им посчастливилось найти большое стадо буйволов. По возвращении, еще не добравшись до лагеря, они начали петь песню сумасшедшей собаки, скакавшей рядом. Это означает: 'Песня, которая наточит твой нож и подлатает твой желудок, потому что у тебя будет что-нибудь вкусненькое'. Они сделали круг, подходя к лагерю с восхода солнца, и двинулись к закату, а затем вожаки рассказали в лагере, что видели [стр. 107] множество бизонов. Затем они спешили и отправились домой. После того как бешеные псы поели, они отправились в вигвам вождей; затем они сказали вождям, что нашли хорошее место для лагеря, хорошую землю, хорошую воду и большое стадо бизонов сразу за ними. Бешеные псы покурили, было поздно, когда они разошлись по домам, а потом послали за Четырьмя Медведями. Четыре Медведя отправились в лагерь, рассказали людям о своем новом лагере, и на следующее утро женщины взяли целебные трубки и положили их сбоку от вигвама, глядя в ту сторону, где они собирались разбить лагерь. Мужья сказали своим женам выйти и посмотреть, с какой стороны вигвама расположены трубочки с лекарствами, чтобы они знали, куда идут. Затем пришли жены и сказали им, что медицинские трубки указывают в северном направлении. Мужья сказали женам, что лагерь собирается двигаться на север. Лагерь распался в то же утро. Вожди и их жены сидели у своих вигвамов полукругом и курили, пока разбивали лагерь. После того, как вожди закончили курить, они встали и обнаружили, что лагерь готов к передвижению. Они приготовили много смешанного табака, а затем сели на лошадей. Вожди двинулись в путь процессией. Пройдя некоторое расстояние, они остановились; бешеные собаки последовали за ними, стоя по бокам и наблюдая за движением в лагере, чтобы убедиться, что все вышли на улицу. После того, как все покинули [стр. 108] лагерь, вожди последовали за процессией. Когда они подумали, что наступил полдень, они сделали привал. Они сняли с лошадей свои волокуши и седла и отдохнули; затем пообедали. Затем вожди велели Четырем Медведям привести лагерь в походный вид и двинулись дальше. Наконец они пришли к месту, где было обозначено место для лагеря. Затем они взяли медицинские трубки и установили их на треножник, а воины пришли, сели вокруг и закурили. Затем Четырем Медведям было велено расседлать людей, привязать лошадей-бизонов и готовиться к охоте. Затем Четыре Медведя велели людям не устраивать трапезу, а немного перекусить и приготовиться к охоте. Затем вожди отправились за бизонами, охотники последовали за ними. Они остановились на полпути, прежде чем добрались до стада, и сказали всем охотникам, чтобы они не отправлялись за бизонами, пока все не будут готовы и у каждого не появится справедливый шанс. Тем временем один из индейцев улизнул и подполз к буйволу. Затем этот парень погнался за буйволом, и бешеные собаки погнались за ним. Когда они схватили его, они сломали его ружье, его стрелы и лук, сломали его нож, отрезали хвост его лошади, сорвали с него одежду, разломали на куски его седло, разорвали на куски его мантию, разрезали на мелкие кусочки его веревку, а также его хлыст. Затем они отослали его пешком. Примерно в это время бизоны снова остановились, тогда основная группа села на лошадей и пустилась в погоню. Если охотник поражал буйвола одной стрелой, он издавал крик, и это указывало на то, что он попал в него только один раз. В те дни было очень мало ружей, и то с кремневыми замками. Иногда, когда охотник ехал бок о бок с буйволом и стрелял в животное, стрела проходила насквозь. Индейцы очень гордились своими стрелами и бережно относились к ним. Они не хотели их ломать. Вот почему они стреляли сбоку, чтобы при падении буйвола стрела не сломалась. Многие бизоны падали на колени и начинали раскачиваться из стороны в сторону. Тогда индеец, опасаясь, что стрела сломается, прыгнул с лошади и вытащил ее. Затем охотник привязал свою лошадь к рогам буйвола, опасаясь, что в любой момент на него могут напасть враги. После этого они достали свои ножи и заточили их о

твердую сталь, подобную кремню, с помощью которого добывали огонь. Все время, пока они точили свои ножи, они оглядывались в поисках приближения врага. Огнеупорной стали было мало, большую часть времени нам приходилось использовать камни. Ножи мы закупили у Компании Гудзонова залива. Когда мы убили быка-буйвола, мы поставили его на колени, затем начали снимать с него кожу с задней части шеи, вдоль позвоночника, разрезая ее с каждой стороны. Коров мы уложили на спины и перерезали середину. Мы использовали коровью шкуру буйвола для одеяний буйволов; шкуры буйволов были разделаны вдоль [стр. 110] спины, потому что из этой шкуры мы делали боевые щиты, парфяные сумки и седельные попоны. Мужья говорили женам, чтобы они берегли головы. Жены вынимали мозги из черепа буйвола и смешивали их с большей частью печени, а после тщательного перемешивания использовали мозги и печень для дубления шкур. Затем жене было велено вынуть требуху и освежевать ее, потому что они использовали шкуру как ведро, с которым носили воду, когда возвращались домой. У них были полоски сыромятной кожи около трех футов длиной и четверти дюйма шириной, и они перевязали мясо так, чтобы можно было отвезти его домой на лошадях. Они взяли хребет после того, как он был очищен от мякоти, привязали к нему мясо и перекинули его через спину лошади, чтобы груз не повредил спине лошади. Вернувшись домой с мясом, мы разгрузили его. Мужчины, которые уехали без жен, просто слезли с лошадей и зашли в типи. Женщины выбежали за мясом. Затем женщины отнесли лошадь с мясом своему свекру. Затем свекровь поспешила приготовить еду, взяла буйволиные ребрышки и поставила их поджариваться на огонь. После того как мясо было приготовлено, его нарезали ломтиками и положили в деревянную миску, а свекровь отнесла мясо в домик своего зятя. Это было все, что у нас было на ужин. У нас не было ни кофе, ни чего-либо еще из еды, но мы приготовили хороший обед [стр. 111] из мяса буйвола. Тогда зять сказал своей жене: "Твоя мать все это время кормила меня, теперь ты пойди и поймай эту кобылу и отдай ее ей в подарок. В лагере было много мяса, и потом мы, мальчишки, ходили играть в бизонов. Мы брали длинный кусок сыромятной кожи, привязывали к нему кусок мяса, и один из нас тащил его за собой, пока остальные пускали в него стрелы — те самые, которыми мы убивали белок и птиц. Когда мы гнались за мальчиком, тащившим кусок мяса, он останавливался после того, как мы его догоняли, и разгребал лапой пыль, и подражал быку-буйволу, и поднимал кусок мяса, и размахивал им над головой, все это время мы пытались пустить в него стрелы. Но иногда при размахивании мясом со стрелами в него попадал мальчик, и тогда он отбегал назад и падал, а мы возвращались к нему и говорили, что он попался на крючок. Он все время стонал. Потом мы собирали сорняки и выжимали из них сок, действуя так, словно мы врачи. Примерно в это время наступала ночь, и вожди посылали за Четырьмя Медведями, и Четыре Медведя ходили вокруг и говорили людям, что трава в том лагере довольно хорошо выгорела. На следующее утро женщины брали свои медицинские трубочки и откладывали их в сторону, указывая, где будет следующий лагерь, и таким образом мы переходили от лагеря к лагерю".

[стр. 112]

“Прошли годы, и теперь мы со старыми воинами собираемся вместе и говорим о былых временах баффало, и мы чувствуем себя очень одинокими. Мы обсуждаем места для кемпинга, старые времена охоты, события тех времен и снова чувствуем радость. Когда мы думаем о старых временах, мы также думаем о белых людях, потому что именно их оружие

привело к вымиранию бизонов. Если бы у индейцев не было ничего, кроме стрел, бизоны остались бы и сегодня. Мы снова обвиняем правительство, ибо оно велело агентам не продавать боеприпасы индейцам, а они продавали эти боеприпасы потихоньку. Это было сделано для того, чтобы индейцы могли добыть шкуры для торговцев”.

“Величайшим событием в моей жизни была война черноногих против кри в Хоуп-Апе, Канада. Я и моя лошадь были залиты кровью. Позвольте мне рассказать вам об этой битве. Война шла между черноногими и кри. Лагерь находился на реке Старика. Отрядов было так много, что они разбили лагерь на каждом изгибе реки. Мой отец, горный вождь, находился в верхней части лагеря. В то время мне было двадцать два года. Это было осенью того года, и все листья опали. Ночью на нижний лагерь напали кри. Люди как раз вставали утром, когда пришло известие, что нижний лагерь подвергся нападению кри. Я взял свою лучшую лошадь; это была [стр. 113] серая лошадь. Мой отец вел свой отряд вместе с Большим Озером, который тем летом был избран большим вождем. Мы перевалили через хребет, в то время как на равнине внизу бушевала битва. Когда мы спускались по склону холма, я начал петь свою боевую песню. Я держал щит в руке, и песня, которую я пел, принадлежала этому щиту. Одному из знахарей приснилось, что тот, кто держит этот щит, не пострадает от пуль. Во время пения я вставил слова: ‘Мое тело будет лежать на равнинах’. Добравшись до линии сражения, я не остановился, а поскакал прямо к кри, и они стреляли в меня сзади и спереди. Когда я возвращался тем же путем, мужчины бросились к оврагу. Как только мужчины вошли в овраг, они вырыли яму. Я лежал примерно в десяти ярдах от них на склоне холма. Лежа там, я пел. Я ничего не слышал из-за грохота орудий и не мог видеть из-за дыма. Примерно в это время они услышали мой свист, и Кри бросились к реке. Затем черноногие бросились на кри, и я переехал двоих из них, прежде чем они добрались до реки. Когда они переправлялись через реку, я спрыгнул с лошади, схватил копье и вонзил его одному из кри между лопаток. У него было копье, и я отобрал его у него. Я снова спрыгнул с лошади, и как только я вернулся, там был кри, который поднял ружье, чтобы выстрелить в меня. Я налетел на него, он вскочил и [стр. 114] схватил мою лошадь за уздечку. Я развернул голову своей лошади, чтобы защититься, взялся за рукоятку хлыста и сбил ее с ног. Когда я ударил его, он посмотрел на меня, и я обнаружил, что у него отрезан нос. Позже я услышал, что медведь откусил ему нос. После того, как я сбил его с ног, я убил его. Я вскочил на лошадь и как раз в этот момент встретил другого кри. Мы подрались на лошадях; он стрелял в меня, а я в него. Когда мы поравнялись, я отобрал у него стрелы, и он схватил меня за волосы на голове. Я увидел, как он потянулся за кинжалом, и как раз в этот момент мы сошлись в клинке. Моя боевая шапочка съехала мне на шею, и когда он ударил меня своим кинжалом, он попал по военной шапочке, и я посмотрел вниз и увидел торчащую рукоятку, схватил ее и убил другого индейца. Затем мы снова бросили Кри в яму, и мой отец вынырнул с одним из старых мушкетов и протянул его мне. В нем было семь пуль, и когда я выстрелил, оно ударило так сильно, что чуть не убило меня. Я чувствую, что у меня было больше шансов спастись, стреляя из этого ружья, чем с индейцами. Когда мы вернулись, я снял девять разных скальпов. Кри, с которых не сняли скальпы, укрылись в редколесье, и мой отец сказал, чтобы мы уходили и возвращались домой. Поэтому мы сжалились над племенем и отпустили их, чтобы они могли рассказать эту историю. Я помню, что мы убили более трехсот человек, и многих других, которых я не могу вспомнить. Вернувшись, мы начали [стр. 115] считать, скольких мы убили. Мы перешли ручей и подошли к яме, и все они были сбиты в кучу. Потом мы все пели вокруг ямы, и я вставил слова: ‘Пушки, они слышат меня’. И все обернулись и посмотрели на меня, и после той битвы я стал великим человеком. Потом мы пошли домой и начали говорить о битве и погибших индейцах. Между кри и черноногими никогда не было мира; они всегда были злейшими врагами. Когда началась битва, вождь кри подошел прямо к нашему вигваму, перерезал его и сказал: “Вы, люди, еще

спите, и я пришел", я выстрелил из ружья и убил его. Кри взяли свои ножи и разрезали вигвамы нашей деревни по бокам, а затем ворвались внутрь. Когда кри ворвались в вигвамы, они забрали все, что смогли достать, убивая женщин и детей, и это вывело меня из себя. Вот почему я так упорно боролся в тот день".

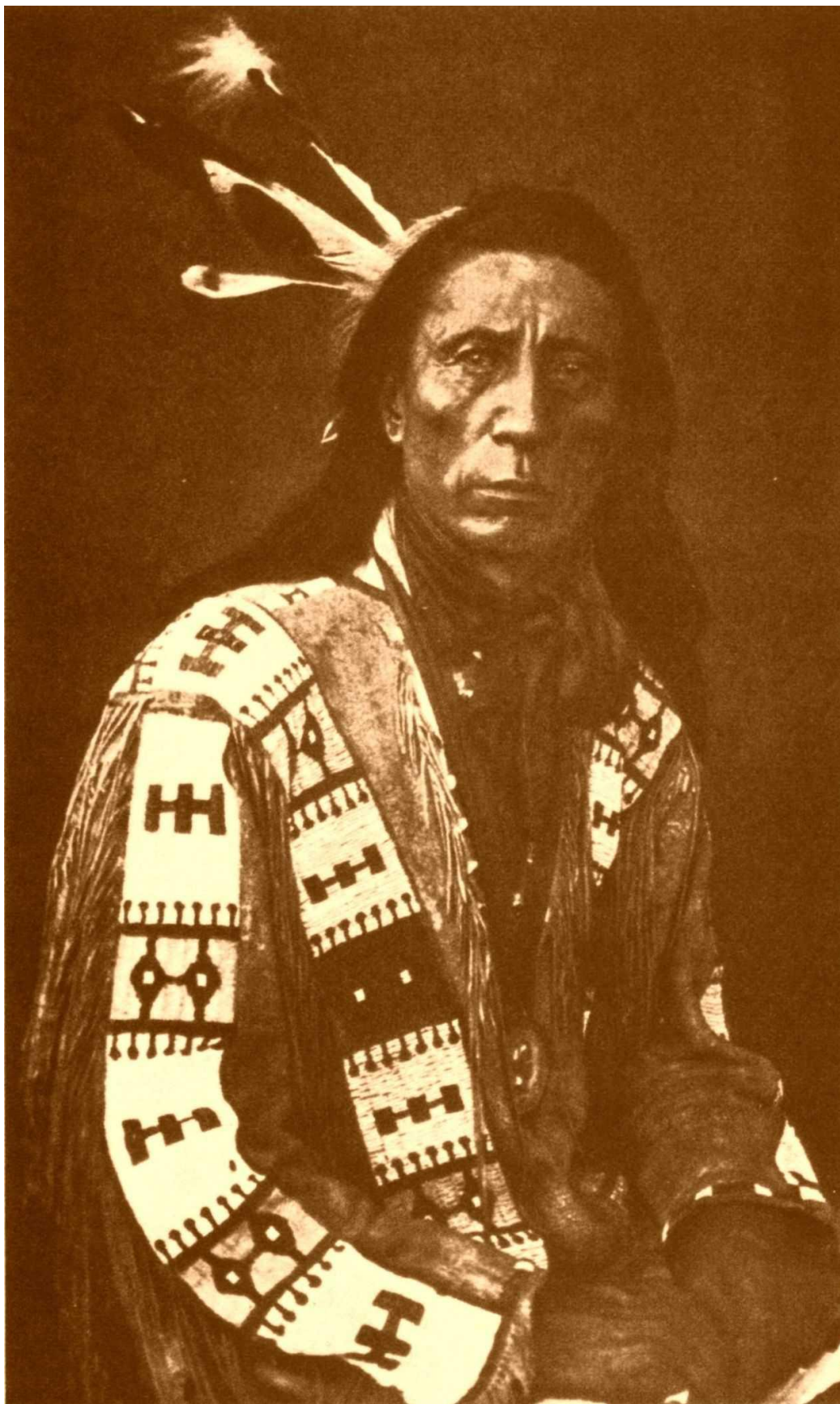

Военные воспоминания

Детские занятия горного вождя

“ Я помню, когда был мальчиком, как мы ловили лис. Мы все собрались вместе и взяли с собой наших сестер, взяли топор, пошли в лес и срубили ивы, связали их в пучки и взвалили себе на спины, наши сестры сделали то же самое. Мы отправлялись на восток от лагеря, куда уходил дым и весь запах, находили сугроб в овраге и разгружали [стр. 116] наши рюкзаки. Первое, что мы делали, это топали по снегу — проверяли, твердый ли он. Мы вбивали в снег четыре палки и, вбивая палки, пели: ‘Я хочу поймать вожака’. Песня лисы приносит удачу. Насколько я помню, я узнал эту историю от своего дедушки. В лагере был старик, который ушел в горы и пробыл там четыре дня без всякой еды, чтобы осуществить свою мечту. К нему подошла лиса и сказала: ‘Это один из способов, которым ты можешь убить нас’, - и вот почему мы записали эту песню, когда готовились к падению. После того, как мы закончили чинить наш тупик, мы вернулись домой, мальчик впереди, потом девочка, потом мальчик, потом девочка, и пока мы возвращались в лагерь, мы пели песенку лисы, вставив в нее такие слова: ‘Я хочу убить вожака’. Затем мы упали, подражая лисе в капкане. Вернувшись в лагерь, мы взяли мясо бизона, смазали его жиром и немного поджарили, чтобы лиса учуяла запах. Затем мы взяли наживку, насадили ее на палку и перекинули через левую руку, а затем все мальчики и девочки вернулись обратно, распевая на ходу: ‘Мы надеемся на удачу’. Эта песня была песней на удачу. После того, как мы положили наживку в ловушку, мы все молча разошлись по домам, не сказав ни слова. Но перед тем, как мы легли спать, мама сказала мне: ‘Я возьму кусок вяленой говядины без жира, а ты отнеси его старому человеку, которому всегда везет в ловле лисиц, и он помолится за тебя, чтобы тебе сопутствовала удача’. Когда вяленое мясо было готово, я отнес его старику, отдал ему и попросил помолиться за меня, чтобы мне сопутствовала удача. Затем старик начинал читать свои молитвы за меня. Старик, которому он молился, был тем стариком, которому приснилось, как убить лису. Старик велел мне взять четыре камня длиной около пяти дюймов и перевязать их бечевкой. Он привязал по камню к каждому запястью, один за моей шеей, а другой сзади к поясу. Затем он взял уголь и почернил мой нос с обеих сторон, изображая лису, затем заставил меня раздеться; он взял палку длиной около пяти футов и держал ее в наклонном положении. Затем старик взял две палки, ударил ими друг о друга и встал прямо у двери, распевая. Он велел мне свистнуть; затем он направился к тому месту, где держал палки. Затем он лег рядом с палкой и начал царапать землю, как будто попал в ловушку. Затем он сказал: ‘Сейчас ты поймашь одного’. К этому времени была уже довольно поздняя ночь. Мы дали сигнал другим мальчикам и девочкам выходить, и все пошли посмотреть наши ловушки. У меня был халат, сшитый из годовалой телячьей шкуры, который я набросила на себя, а еще у меня была веревка, которую дала мне мама, чтобы тащить лис домой, если я их поймаю. Затем мы отправились к нашим ловушкам, [стр. 118] следуя тем же путем, что и при установке ловушки с приманкой. По пути мы наполняли ночь песнями, распевая: ‘Лиса в капкане, и ее хвост торчит наружу’. Когда мы приблизились к капканам, мы перестали петь, и один из нас пошел вперед. Вожак, который шел впереди, направился прямо к нашей ловушке, когда он вернулся, он свистнул; тогда мы поняли, что кто-то из нас что-то поймал. Когда он вернулся, он указал на некоторых из нас, которые поймали лисиц. Затем мы подняли наши валежники, перекинули через них веревки и потащили домой.

Когда мы приблизились к лагерю, мы построились в шеренгу и начали петь. Когда мы добрались до лагеря, все были в постелях. Мы спели песню, которая указывала на то, что мы что-то поймали; затем мы подражали крику вороны и сороки, что указывало на дополнительную удачу. Если мы имитировали уханье совы, это показывало, что нам не повезло, и никто из нас ничего не поймал. Нам всегда хотелось поймать какую-нибудь дикую дичь, потому что мы продавали шкуры торговцам, а на вырученные деньги покупали ножи, медные серьги, бусы и краску”.

Вождь Красное Облако

Вождь Красное Облако

Вождь Красное Облако, главный вождь огаллаллас, был, без сомнения, самым известным вождем на момент своей [стр. 119] смерти в декабре 1909 года в Соединенных Штатах. Он прославился своими неустанными усилиями в противодействии всему, что правительство пыталось сделать в вопросе умиротворения сиу. Одной из самых зловещих страниц в истории индейских войн является резня в форте Фил Керни в декабре 1866 года. Вождь Красное Облако спланировал и осуществил это ужасающее нападение. Он всегда оставался вождем. Он всегда был главой беспокойной стихии, всегда бесстрашным лидером. Он был маршалом индейских народов, пока болезнь и старость не подорвали его жизненные силы и честолюбие.

Проведение последнего Великого Индийского собора произошло чуть менее чем за два месяца до его смерти. Слепой и прикованный к постели, он не смог присутствовать на совете. В течение последних нескольких разрушительных лет своей воинской жизни он передал все полномочия вождя своему сыну, которому сейчас пятьдесят четыре года. Младший вождь Красное Облако присутствовал на совете. Он высок, строен и гибок, обладает великолепной военной выправкой. Он обаятельный оратор, и его слова отягощены золотом Природного красноречия. Каждая поза его тела несет в себе очарование непревзойденной грации, а когда он разговаривает с вами, на его лице появляются искорки, которые становятся завораживающими. Как и его отец, он был прирожденным лидером и воином. Его рассказ о битве при Кастере и его участии в ней можно найти в главе, посвященной этому предмету. Относительно своей собственной жизни он говорит нам:

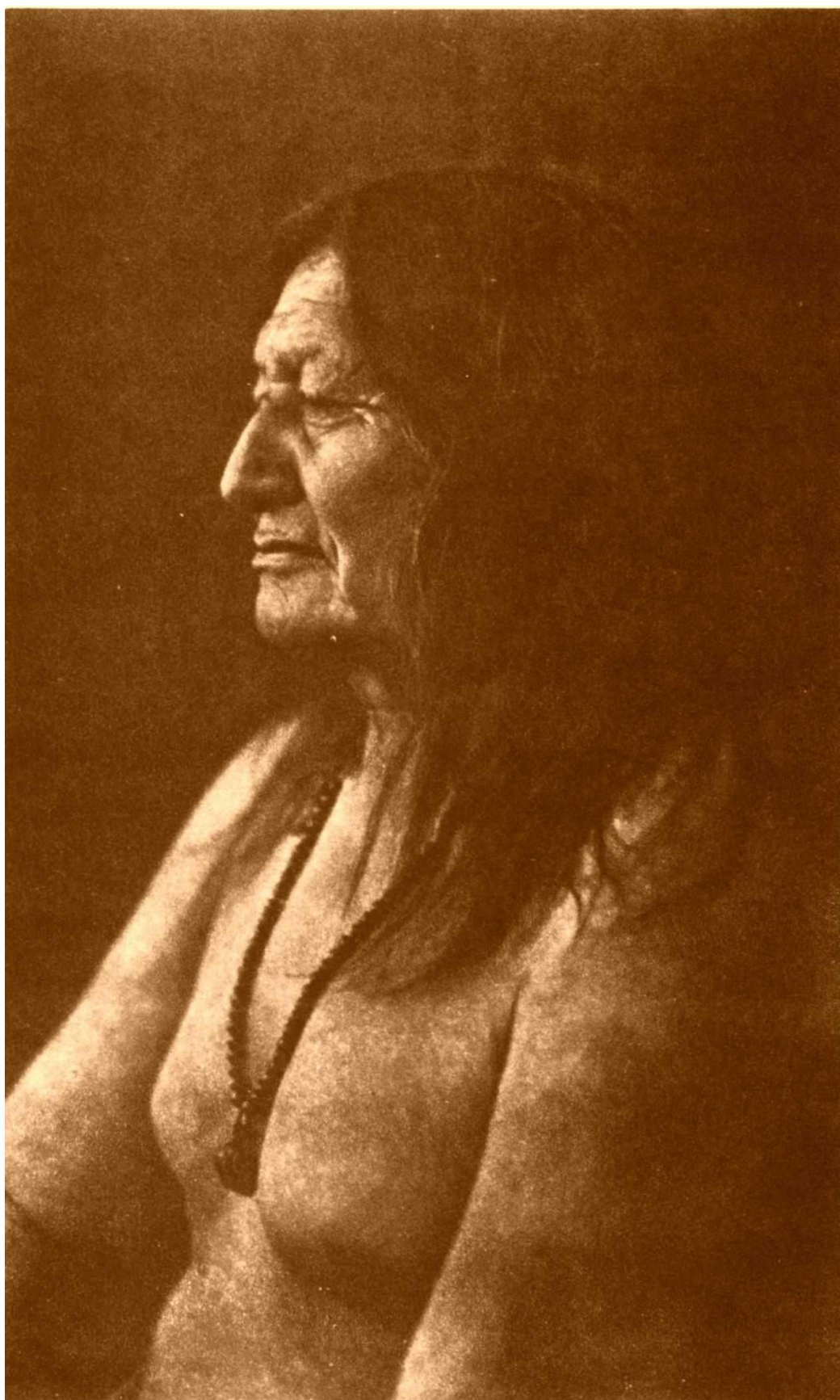
“Выходить на тропу войны было частью моей жизни с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать лет. Как вы знаете, это часть нашей истории, что человек, который выходит на тропу войны и убивает как можно больше врагов, получает жезл для переворота, а жезл для переворота - это ступенька к тому, чтобы стать вождем. Я помню, что мой первый военный отряд был сорок один год назад. Это была битва при Прайор-Крик против Воронов. Я участвовал в четырех великих битвах вместе со своим отцом, вождем Красное Облако. В битве при Прайор-Крик я захватил много лошадей и снял три скальпа. Тридцать четыре года назад я убил четырех Воронов и заслужил свой жезл для переворота. Я хранил эти скальпы до своего визита в Вашингтон, когда они понадобились какому-то белому человеку”.

“Я хочу поговорить о буйволах. Когда я был молодым человеком, здесь было много буйволов и оленей, но пришел белый человек и распугал всю дичь, и я виню в этом белого человека. По приказу нашего Великого Отца в Вашингтоне все бизоны были убиты. Таким образом они пытались вернуть индейцев сиу в их резервацию”.

“Величайшее событие в моей жизни я могу объяснить так: много лет назад меня готовили выйти на тропу войны. Я любил драться; я сражался с индейцами и с солдатами. Затем пришло время, когда Великий Отец сказал, что мы должны [стр. 121] перестать воевать и пойти в школу, мы должны жить в мире, что мы братья-индейцы и должны жить в мире с белым человеком. Я считаю, что величайшим событием в моей жизни было то, что я отказался от старого индейского обычая сражаться и принял то, что сказал мне белый человек, — жить в мире”.

Осенние заморозки окрасили листья леса в опаловый и оранжевый цвета, пока огромные цветные знамена не выстроились вдоль берегов быстро текущей реки Литл-Биг-Хорн; лагерь последнего Великого Индейского совета возвышался белыми конусами на краю этих сияющих деревьев. Мрачный ветер издавал меланхолическую ноту в умирающих камышах на берегу реки, и все это казалось прелюдией к открывающейся могиле и знаменательными заключительными словами, сказанными мне Вождем Красным Облаком:

“ Мой отец, старый вождь Красное Облако, был великим бойцом против индейцев и белых людей, но много лет назад он научился отказываться от борьбы. Сейчас он старик, готовый умереть, и мне жаль, что он не смог приехать сюда. Прошло уже более пяти лет с тех пор, как он передал мне свою власть и я стал вождем, и мы оба рады, что мы друзья белого человека и хотим жить в мире ”.

Главные Две Луны

Главные Две Луны

Вождь Двух Лун носит на шее огромную связку медвежьих когтей. Его руки также украшены этим же [стр. 122] знаком отличия. Хотя ему исполнилось почти шестьдесят десять лет, его телосложение массивное, а осанка, когда он стоит, типична для лесного дуба. Не нужно напрягать воображение, чтобы представить себе этого отважного вождя шайенов, сражавшегося против Кастера в тот роковой июньский день и не понесшего никаких потерь по сравнению с великими полководцами, приведшими "римских орлов" к победе. Две Луны теперь почти ослеп; он носит свою трость для переворота, покрытую волчьей шкурой, как ориентир для своих шагов и знак почета. В пышных складках его волос нет ни намека на седину, а голос звучный и сильный. Его история о битве при Кастере, рассказанная для меня у креста, отмечающего место, где пал Кастер, которую можно найти в рассказе индейцев об этой битве, является одновременно захватывающей и информативной.

Здесь Кастер Пал

Сидя у костра в моем вигваме, пока холодный дождь просачивался сквозь холст, я вспоминал Две Луны. Его мать и брата звали Две Луны, что означает "два месяца" — на индийском языке Иш-хай-нишу. Его мысли, казалось, перенеслись во времена его детства, потому что он начал прямо со слов: "Когда мальчик-шайенн хочет жениться на молодой женщине, им требуется много времени, чтобы познакомиться друг с другом. Когда он хочет жениться на девушке или заполучить ее в качестве возлюбленной, он сообщает об этом другому парню, с которым он знаком, и который также знаком с [pg 123] девушкой, и этот молодой человек идет и говорит ей то же самое, что белый мужчина пишет молодой леди на бумаге. И этот друг-индеец сводит их вместе; этот индеец идет и говорит девушке, что парень хочет быть для нее любимым, и девушка отвечает: 'Хорошо, я подумаю над этим'. А потом она обдумывает это и, наконец, говорит, что если он придет повидаться с ней как-нибудь днем или ночью, то она поверит, что он ее возлюбленный. И вот молодой человек подходит к молодой девушке, разговаривает с ней, и они решают пожениться. Они женятся следующим образом: молодой человек может ночью подойти к палатке девушки, и девушка может выйти, тогда юноша заберет девушку к себе домой. Итак, на следующее утро родители и семья молодого человека приносят свои подарки. Они берут двух или трех лошадей, хороших лошадей, и нагружают этих лошадей хорошими вещами, одеждой, шальями, ожерельями, браслетами и мокасинами. Затем они забирают девушку обратно к ней домой. Семья девочки делит подарки после того, как они вернутся домой".

"Есть другой способ: когда старики решают, что хотят внука, они говорят своему сыну, что собираются купить определенную девушку, и он должен на ней жениться. Затем другой индеец идет и говорит семье девочки, что они хотели бы обменять ее, и, если все в порядке, он возвращается, а люди мальчика нагружают товарами несколько лошадей и отвозят их родителям девочки. А потом они забирают ее обратно и отдают семье мальчика. Невесту украсили медными кольцами, которые взяли из вигвама, но после прихода белого человека они использовали другие кольца в качестве обручальных".

Говоря о смерти, Две Луны сказали: "Если у умирающего человека есть мать, или отец, или друг, все они плачут, и все вещи, которые принадлежали мальчику, они отдают другим людям. Они роют могилу между камнями, опускают тело в землю и засыпают его грязью и камнями. Они всегда роют могилу для человека, который умирает, независимо от того, есть ли у него друзья или родственники. Старики верили, что сюда, на землю, пришел человек, и некоторые из его детей совершили много преступлений и дурачились с ним, и они говорили о том, что он вознесся на небеса, жил там и смотрел вниз, и именно туда мы все попадем, когда умрем. Также древние люди верили, что этот человек сказал: 'В небе появится что-то вроде креста, который укажет путь душам на дороге'. 'Высокий белый человек' - это наше имя Бога. И это сказал сын Высокого Белого Человека, который создал нас и сотворил все".

"Когда индеец впервые увидел локомотив, он назвал его Железным конем, а железную дорогу назвал Железной дорогой. Старые люди впервые увидели то, что они называли белыми людьми, и они называли белого человека Наземным Человеком. Я был тогда так молод, что [стр. 125] В то время я ничего не знал. Я видел, как некоторые мужчины управляли упряжкой волов или несли рюкзаки на спине и шли пешком. Когда я стал старше, большинство людей знали, что эти белые люди были хорошими. Когда они впервые увидели белого человека, они называли его "Водитель фургона". Они не знали, что везли, но позже выяснили, что это были сахар и кофе. Я помню, как я обрадовался, когда впервые увидел сахар и кофе. Когда я был мальчиком, индейцы брали кофейные зерна, насыпали их в ведро и варили, но они вообще никогда не варились. Наконец появился белый человек, взял кофе, перелил его в ведро и поставил на угли без воды, и помешивал, пока он не стал

коричневым, а потом снял его и размял между двумя камнями, и так мы научились варить кофе. Мне это нравится, и всегда нравилось”.

“Белый человек виноват в том, что угнал бизонов”. (Здесь следует заметить, что индеец не может говорить очень долго без того, чтобы эта постоянно повторяющаяся тема не была выдвинута на передний план.) “После того, как белый человек отогнал бизонов, был проведен большой совет среди индейцев; все возможные племена были созваны на этот большой совет на реке Платт. Там были все разные племена. Туда пришел белый человек и принес много вещей, таких как одежда, тарелки, ружья, кофемолки, ножи, одеяла и еду, и [стр. 126] отдал их индейцам. Они также привезли обувь. Этот человек сказал, что хочет, чтобы несколько индейцев отправились в Вашингтон. Они отправились вниз по реке Миссури. Они отправились на упряжке волов от реки Платт до Миссури, а затем на корабле вниз по реке Миссури. Эти люди уехали в Вашингтон на год; они вернулись примерно в середине лета. Президент сказал индейцам, что они его внуки, и поэтому индейцы называли президента своим дедушкой. Дедушка сказал им, что белый человек придет и будет жить с ними, и что в течение пятидесяти пяти лет они будут получать одежду и еду. Мне было девять лет, когда они созвали совет, и десять лет, когда они вернулись. Со времен совета старики поселились в Блэк-Хиллз и на юге и перестали слоняться без дела. С того времени все индейцы стали друзьями белого человека, и белый человек покупал бизоньи шкуры и другие выделанные шкуры. После того, как они остепенились, все шло хорошо, пока мне не исполнилось пятнадцать лет, а потом пришли белые, и произошла драка между белыми, шайеннами и некоторыми другими племенами индейцев. Я не знаю, что произошло, но несколько шайенов перешли на сторону лагеря белых людей на реке Шелл, и белые люди начали стрелять в индейцев. Это стало причиной беспорядков в том году. Позже команчи, апачи и кайова воевали между собой [стр. 127] сами и пришли на север, чтобы сразиться с шайеннами. Мы называли их техасскими индейцами. Затем войны между племенами и вражда между красными и белыми становились все меньше и меньше. Был человек по имени Хани; индейцы звали его Би - он сказал шайеннам, что они не должны сражаться. В многочисленных битвах, в которых я участвовал, я получил много ран. Я был ранен индейцами пауни в схватке с ними стрелой; снова ранен у Элк-Ривер в Йеллоустоуне, когда Ворон Большого Рога прострелил мне руку. Я снова был ранен на реке Кроу в штате Юта в бою с солдатами Соединенных Штатов, когда мне прострелили бедро. Моему коню прострелили челюсть в схватке с Воронами, но сегодня я друг всех племен; когда-то я был их врагом. Генерал Майлз сказал мне в форте Керни, что мы больше не должны воевать, что это был приказ из Вашингтона. Я хорошо помню генерала Майлза. Я знаю его и я его друг. Когда генерал Майлз сказал мне, что я должен делать, это было так же, как если бы он взял меня в руки и показал мне белого человека и индейца, и сказал нам, что мы все должны быть хорошими друзьями, вот почему имя генерала Майлза пользуется известностью как среди шайенов, так и среди белых. И ваш приход к нам точно такой же, как у генерала Майлза; вы помогаете индейцам и можете помочь им. Им нужна помощь [стр. 128], потому что все они бедны. После того, как индейцы успокоились и генерал Майлз рассказал нам, чего хотел Великий Отец в Вашингтоне, и после того, как мне удалось расселить индейцев, из Вашингтона пришел приказ, что мы должны занять землю и заявить на нее права. Поэтому я осмотрел все вокруг в поисках земли, на которой можно было бы поселиться; затем я отправился к реке Тоун на Роузбаде, чтобы моя семья и дети могли вырасти и иметь дом. Все, что я вам рассказал, - правда. Генерал Майлз сказал мне, что, когда я остепенюсь и возьму эту землю, могут найтись люди, которые придут и попытаются обманом выдворить нас с нашей земли, но не обращать на них никакого внимания, потому что это наша земля. Очень много людей поселилось в Монтане на земле, которая принадлежала индейцам. Эти люди разводят много скота и должны хорошо относиться к индейцам. Я живу на этой земле

уже более двадцати лет, но мы еще не привыкли к пище белого человека: мы все еще любим мясо и тоскуем по бизонам. В Монтане много земли арендуют скотоводы, и эти деньги должны пойти на покупку большего количества скота для индейцев и одежды для наших детей. Мне нравится говорить правду такой, какой я видел ее собственными глазами, и завтра вечером у меня будет для вас еще одна хорошая история. Я старею, но когда я начинаю говорить о старых временах, мне кажется, что я снова молод и что я самый большой из них”.

[стр. 129]

Кастер Скаутс

ИСТОРИЯ ВЫЖИВШИХ СКАУТОВ КАСТЕРА

Слишком мало внимания уделялось ценностям, связанным с безопасностью и успехом войск Соединенных Штатов в их боевых действиях на западной границе, благодаря услугам индийских разведчиков.

Дикая и часто недоступная для пересечения страна, где нет ни электричества, ни современных средств передвижения; с труднопроходимыми горными хребтами, слепящими метелями и невыносимым холодом, обжигающей жарой и опасностями неизвестных рек, которые приходится пересекать по берегам опасных зыбучих песков; огромные расстояния, которые нужно преодолевать, и все время бдительный, коварный и властный враг, скрывающийся в любом из десяти тысяч неприступных укрытий, — вот намек на жизнь разведчика. Эти храбрые и неутомимые разведчики привели не к засаде, а к преимуществу наших вооруженных людей. Оцените храбрость, проникательность, упорство, силу выносливости, проявленные этими индийскими разведчиками, и их превосходная служба потребует нашей патриотической благодарности. Никакие испытания на силу и выносливость, никакие испытания на храбрость, никакая дерзкая опасность не мешали им и не пугали. Они были важнее, чем оружие и военное снаряжение. Из ворон получались лучшие разведчики по двум причинам: они [стр. 130] никогда не брались за оружие против белых; все соседние племена сражались против ворон за завоевание их земли. Таким образом, скауты-вороны помогали солдатам Соединенных Штатов побеждать и изгонять их исконных врагов, чтобы они могли сохранить свою землю и свои дома. Таким образом, это была борьба не только за верность, но и за сохранение — сильнейший закон природы.

Теперь наша история касается четырех выживших разведчиков, которые руководили солдатами Соединенных Штатов во многих кампаниях под командованием Крука, Терри, Майлза, Ховарда и, наконец, Кастера. Индейцы, которые доставили Длинноволосого в большой лагерь сиу в долине Литл-Биг-Хорн — последний день жизни Кастера, последнее состязание с оружием в руках для индейцев, — теперь старики, и их собственные жизнеописания полны захватывающего интереса.

Им управляет Белый Человек—Кастер Скаут

Им управляет Белый Человек

Этот краснокожий человек с равнин - настоящий Аполлон Бельведерский. Все этнологи утверждают, что он обладает телосложением, с которым вряд ли сравнится ни одно из северных племен. В своей жизни он воплощает благородство своего телосложения. В возрасте шестидесяти пяти лет его фигура при росте семьдесят четыре дюйма остается непреклонной — гибкой и грациозной. Весь его облик полон спокойного достоинства, его голос мягкий и музыкальный, его взгляд острый и пронизательный; скромно и серьезно он описывает свою долю в битве при Кастере [стр. 131]. Ему можно было доверять до смерти. Очень часто безопасность всего отряда зависела от его осторожности и пронизательности. Он служил разведчиком под началом Терри, Крука и Кастера.

Рассказывая свою историю, он выпрямился и вытянул руки во всю длину, что у Ворон означало клятву, означающую, что он скажет правду. В детстве его звали Бе-Шей-эс-чай-э-ку-сис, “Белый буйвол, который оборачивается”. Когда ему было около десяти лет, дедушка назвал его в честь события из жизни его собственного отца. Белый человек преследовал его отца, стреляя из ружья над головой отца, чтобы заставить его бежать. И впоследствии его прозвали “Белый-Человек-Управляет-Им”.

О днях своего детства он рассказывает нам: “Пока мне не исполнилось пятнадцати лет, мы с моими товарищами по играм тренировались обращаться с луками и стрелами. Мы научились стрелять в телят буйволов, и эта практика подготовила нас к выходу на тропу войны. Она отвечала двум целям: защите и поддержке. Нас также научили обращаться с лошадьми. Мы рано научились хорошо ездить верхом. Когда лагерь переезжал, мы, мальчишки, ждали и шли в новый лагерь пешком для упражнений, или охотились по дороге. Мы чувствовали себя достаточно храбрыми, чтобы встретить что угодно. Так получилось, что мы бродили по холмам и взбирались на скалы в поисках дичи, но были уверены, что доберемся до лагеря как раз как раз к обеду, который приготовили скво. Если по пути в лагерь нам попадалась дичь, например кролик, мы подстреливали его своими стрелами, жарили и ели ради удовольствия. Когда мы добирались до нового лагеря, мы все хвалили одного мальчика за какой-нибудь поступок, который он совершил по дороге, а потом пели и танцевали. Родители этого мальчика угощали всех нас, мальчишек, блюдом пеммикана за доброе дело, которое он совершил. У маленьких девочек были маленькие вигвамы. Они практиковались в кулинарии, учась у женщин постарше. Эти девушки подавали нам деликатесы, а мы пели и танцевали вокруг их вигвама”.

“Когда мы были совсем маленькими мальчиками, мы отправлялись охотиться на лошадей, приводили собаку и называли ее лошадь. Когда мы разбивали новый лагерь, то редко оставались там дольше десяти дней. Таким образом, путешествие поддерживало наше здоровье. Пока мы переезжали из одного лагеря в другой, нам приходилось пересекать широкие ручьи. Мы, мальчишки, измеряли ширину реки и соревновались друг с другом, кто сможет переплыть ее без остановки. Сейчас я рассказываю вам, что я сделал, чтобы стать тем мужчиной, которым я являюсь сейчас. Боролись мальчишки того же возраста и роста, что и я, и если какой-нибудь мальчик сбивал меня с ног три или четыре раза, я продолжал заниматься борьбой до тех пор, пока у меня не набиралось больше сил. Тогда я мог бы бросить этого мальчика, и я был удовлетворен. Я выбирал мальчика для участия в забеге; если мальчик [стр. 133] обгонял меня, то я удлинял дистанцию, а если он обгонял меня

снова, я делал дистанцию еще длиннее, потому что знал, что я многословен. Потом я выиграл гонку”.

“Пятнадцать или двадцать из нас, мальчиков, ходили к реке, вымазывались грязью и так маскировались, что никто в лагере не мог нас узнать. Затем мы брали вяленую буйволиную говядину, которую женщины развесили по всему лагерю для просушки, уходили с глаз долой и устраивали пир. Никто из нас не был пойман на этом, потому что они не могли отличить одного мальчика от другого. В течение этого времени я наблюдал за тем, что делали пожилые люди. Когда я подрос, я отправился в путь во всеоружии. У меня всегда было намерение сделать больше, чем мог бы сделать лучший человек в лагере. Когда я отправился на охоту, я решил, что либо приведу домой буйвола, либо вообще не пойду домой. И мои родители радовались, веря, что у них появился хороший мальчик, который поможет содержать семью”.

“Нас окружало множество разных племен: шошоны, сиу, пеганцы и гро-вентре. Все они были нашими врагами. Мы часто выходили на тропу войны против этих людей, потому что они всегда пытались отобрать наших лошадей и завоевать нашу землю. Иногда, выходя на тропу войны, мы останавливались, убивали буйвола и устраивали пир. Если бы мы могли, мы пробрались бы в лагерь врага и украли его лошадей. Если бы мы встретили врага, мы попытались бы убить его и принести домой его скальп”.

[стр. 134]

“Наш обычай рисовать был знаком. Если во сне мы видели кого-то нарисованным, это было нашим лекарством. В наших снах мы видели различные виды красок и способы их использования; мы видели определенных птиц и перья, и мы переняли это как наш стиль рисования. Другие пытались купить у нас краски нашего стиля. Краска и перья, которые мы носили, придавали нам смелости совершать великие поступки — убивать врага или отнимать у него лошадей. Мы не покупали лошадей, а крали их. Мы отдавали лошадей нашим родственникам. Если я приобретал одну или несколько лошадей, это представляло для меня огромную ценность и приносило мне честь. И, кроме того, девушки восхищались мужчиной, который мог пойти за лошадьми, и таким образом мы завоевали жену. После женитьбы я продавал лошадь, покупал лосиные зубы, расшитые бисером леггинсы и надевал их на свою жену в качестве свадебного подарка. Лосиные зубы и лошади были признаком богатства. Тогда моя жена смастерила бы вигвам и установила его; тогда я бы остепенился и обзавелся домом”.

“В первые дни у нас не было ничего для одежды, кроме шкур животных. Мы использовали шкуру буйвола или оленя для набедренной повязки. Для приготовления ведра мы использовали рубец буйволицы, предварительно тщательно очистив его. Мы вешали его на ветку дерева, наполненного водой, и пили из него”.

“Белые люди пришли задолго до моего рождения, но когда я впервые вспомнил белого человека, он показался мне очень забавным. [стр. 135] Я никогда не знал ни одного конкретного человека, но я знаю, что есть хорошие белые люди и плохие белые люди,

честные белые люди и нечестные белые люди, настоящие белые люди и подлые белые люди. Мы всегда считаем само собой разумеющимся, что то, что говорят белые люди, - правда, но мы на собственном опыте убедились, что они были нечестны с нами и что они плохо обращались с нами. Теперь, когда они что-то говорят, мы думаем об этом, и иногда это правда. Я говорю это о белых людях в целом”.

“Возвращаясь к тем дням, когда у нас не было лошадей, мы часто видели буйволов на равнинах; затем мы окружали их, загоняя поближе к краю какого-нибудь крутого обрыва. Когда мы подводили буйвола к краю пропасти, мы все размахивали нашими одеялами и бизоньими шкурами и пугали буйволов, и они сбегали с крутого места, падая в долину вниз, один на другого. Конечно, самые нижние животные были убиты. Затем мы спускались, забирали их и забирали мясо”.

“ Индейцы нашли в прерии несколько собак. После того, как они добывали собак, они привязывали по обе стороны от собак шест с натянутой между шестами дубленой шкурой, и индейцы клали на эту шкуру, натянутую между шестами, свою сбрую, мясо и носы. Таким образом, они перемещались с места на место, собака несла [стр. 136] лагерную утварь. Мы называли это волокушей. Однажды, когда мы переезжали, собака, которая несла ребенка на волокуше, увидела оленя и побежала за ним. Он спустился с обрыва, унося с собой ребенка, и в конце концов вернулся без ребенка”.

“Подсчитывая погибших на поле боя, мы клали палки рядом с мертвыми солдатами или индейцами, затем собирали палки, складывали их в кучу в одном месте и там пересчитывали палки. Мы считаем, фиксируя события в своем уме. У нас есть мозг и сердце, и мы сохраняем в памяти событие, а потом говорим, что вождь Такой-То умер, когда мы разбивали лагерь на Биг-Хорн, и Такой-То был женат, когда у нас была большая охота на бизонов в снегу. Или у нас была крупная битва с сиу, когда наши вигвамы были расставлены кольцом в излучине реки Йеллоустоун. Мы отсчитывали наше время от этих событий”.

Фольклорная сказка—Ворона

“Когда я был маленьким мальчиком, эту историю рассказывали у каждого лагерного костра: она называлась "Старик Койот"! До прихода белого человека койот бродил по всей земле. Старик Койот брал маленьких койотов, которых он подобрал в прериях, и называл их своими младшими братьями. Маленький койот был таким хитрым животным, что старый койот всегда посылал его с поручениями, потому что знал, что он всегда [стр. 137] что-нибудь замышляет. Старик Койот говорит: ‘Мы одни: давайте сотворим человека’. Он сказал: ‘Пойди и принеси мне немного грязи, чтобы я мог сотворить человека, чтобы мы могли быть вместе’. Старик Койот взял грязь, смешал ее вместе, покрыл шерстью, разложил на земле и сказал: ‘Вот человек!’ Маленький койот сказал: ‘Приготовь еще’. И Старик Койот приготовил четверых — двух женщин и двух мужчин. Старик оценил их и сказал, что они

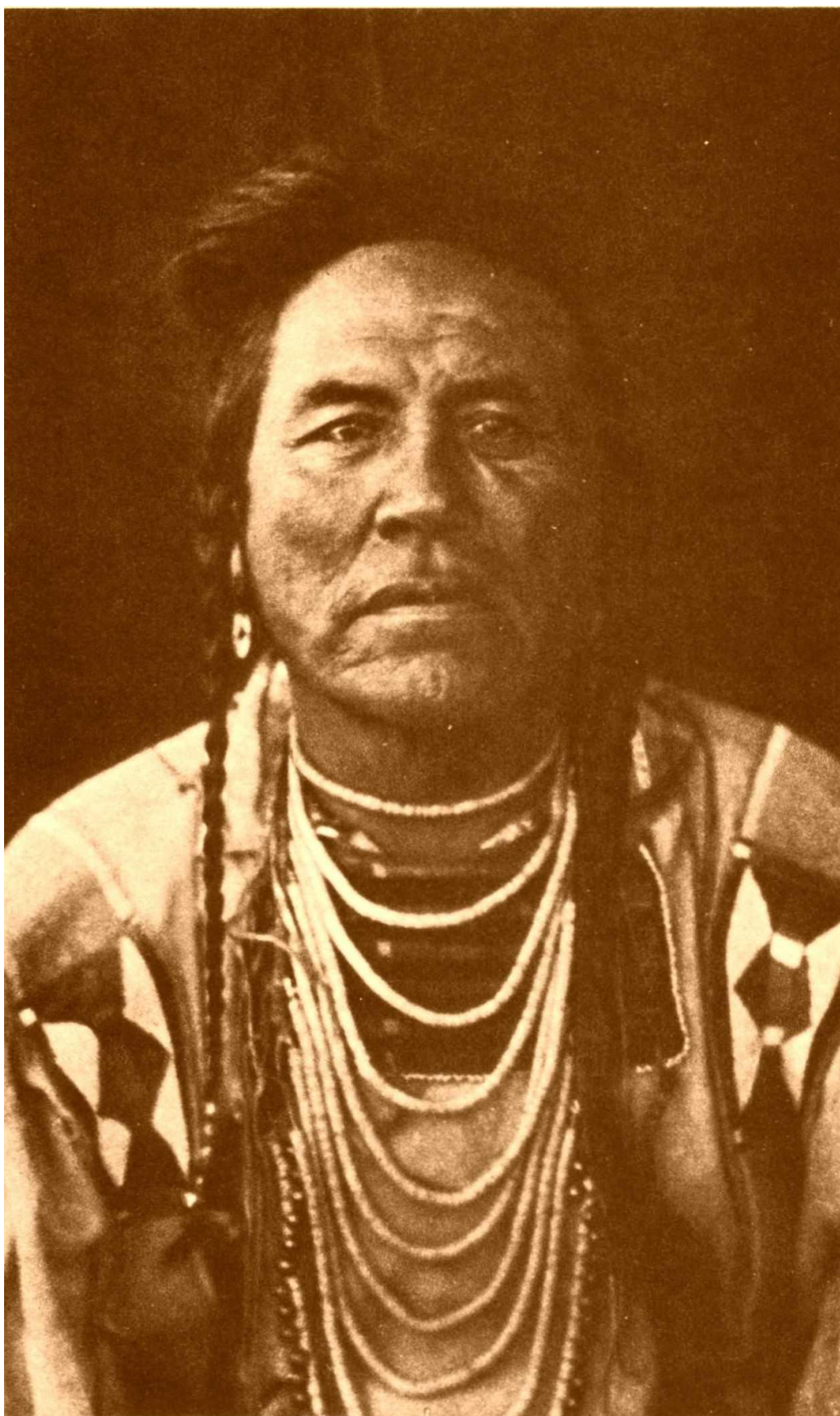
хороши, и поэтому приготовил намного больше. Старик Койот сказал: 'Хорошо, что мы живем вместе, и я хочу, чтобы вы открыли друг другу глаза'. Старик Койот сказал этим людям, которых он создал: "Теперь, если вы будете держаться вместе и хорошо относиться друг к другу, вы будете счастливы, и вас станет больше'. Старик Койот был нашим создателем. Старик Койот сказал этим людям, которых он создал: 'Это ваша земля; живите здесь, ешьте плоды с деревьев, пейте из рек, охотьтесь на дичь и хорошо проводите время'. Исходя из этого, мы полагаем, что белые люди не имели никакого отношения к этой земле — она принадлежала индейцам. Эта история, рассказанная нашему народу так много раз и мне с тех пор, как я себя помню, заставила меня поверить, когда я узнал и понял, что эта земля полностью наша и полностью принадлежит индейцам. Старику Койоту, после того как он создал мужчину и женщину, нечего было делать, поэтому он сделал лук [стр. 138] и стрелы. Он взял кремь для наконечника стрелы и убил им бизона. Затем он отдал лук и стрелы индейцу и сказал ему: 'Это твое оружие'. У людей, которых создал Старик Койот, не было ножа, поэтому он взял лопатку буйвола, заострил ее и превратил в нож. Эти люди, которых создал Старик Койот, бродили по земле и нашли мула. Это был огромный мул с огромными ушами, и когда они привели его домой, все люди боялись его. Все они собрались вокруг мула, в изумлении уставившись на него, и спросили: 'Что это за животное? Это опасное животное'. Как раз в этот момент мул наострил уши и издал ужасный крик, именно такой крик, какой может издавать только мул. Затем все люди бросились бежать изо всех сил, напуганные почти до смерти, за исключением одного индейца, который упал плашмя на землю — слишком напуганный, чтобы бежать. И, наконец, люди назвали этого человека 'Не-Боящийся-мула'. И таким образом мы узнали, как называть наших индейцев".

Волосатые Мокасины—Custer Scout

Волосатый Мокасин

Исапи-Вишиш - так индейцы называли Волосатого Мокасина, разведчика под командованием Гиббона, Майлза, Ховарда и Кастера. У него маленькое и жилистое телосложение, и, как и его брат-разведчик, он тоже скоро будет причислен к великой [стр. 139] армии мертвых. Бесшумный, ненавязчивый, без каких-либо знаков отличия, его ноги в мокасинах медленно ступают по тропинке, проложенной другими. Следует отметить, что, какой бы невзрачной ни была его личность, он носит незапятнанный значок за храбрость и верную службу в качестве разведчика. Белый-Человек-Управляет-Им, сказал: "Я не могу сказать ничего лучшего о Волосатом Мокасине, чем сказать, что он добросовестно выполнял приказы генерала Кастера". В детстве он был товарищем по играм в команде "Белый-Человек-Управляет-Им". Они были товарищами во всех видах спорта, играх и проделках лагеря. Когда скауты Кастера преодолевали трудный и опасный маршрут от Литтл-Роузбад до долины, где они расположили могущественный лагерь сиу, именно Волосатый Мокасин под звездами той июньской ночи на рассвете достиг вершины холмов. Остальные разведчики легли отдыхать. Волосатый Мокасин, оставив остальных спать, поднялся на вершину, которая называется Воронье гнездо, и когда серые полосы рассвета начали серебрить восток, именно глаз Мокасина уловил мириады белых палаток, коричневые холмы вдалеке, покрытые коричневыми лошадьми, клубящийся дым от сотен вигвамов. Сообщение было отправлено Кастеру. Взволнованным тоном он спросил: "Вы видели беспощадных сиу?" С выгодной позиции на холмах, где они видели лагерь, Волосатый Мокасин был послан еще дальше [стр. 140] вперед на разведку. Он взобрался на поросший соснами холм, повсюду находил сиу, а затем поехал обратно и доложил генералу Кастеру о размерах и расположении лагеря. Услышав доклад, Кастер поторопил свое командование. Когда храбрый генерал двинулся из долины вверх по хребту, по свидетельству Белого человека, который бежит от Него, Волосатый Мокасин выехал непосредственно перед Кастером, и когда подошли шайенны, "Он стрелял в них, бил и бил по ним, и шайенны испугались Мокасина. Они боялись нас всех троих. Кастер был бы убит до того, как в него выстрелили, если бы не Волосатый Мокасин и я, которые были рядом с ним и стреляли в индейцев ". Когда солдаты Соединенных Штатов сражались, Волосатый Мокасин Нез Персе отобрал у врага лошадь и привел ее в лагерь солдат. Волосатый Мокасин всегда был на тропе войны, совершая отважные поступки. Имя и слава Кастера будут жить в архивах его страны, и неувядающий блеск навсегда увенчает героические подвиги этого индийского разведчика.

Керли—Скаут Кастера

Кудрявый

Керли, уроженец Рино Кроу, родился в Литтл-Роузбаде, штат Монтана, и ему пятьдесят семь лет. У него осанка, грация и достоинство оратора. Его имя также войдет в историю как одного из ведущих разведчиков, которые сопровождали генерала [стр. 141] Кастера в индейском лагере, и как последнего из его разведчиков на роковом поле, где были убиты Кастер и его команда. Временами он молчалив и серьезен, а потом переполняется весельем. На совете, состоявшемся в резервации Кроу в октябре 1907 года, по поводу открытия незанятых земель Керли произнес такую красноречивую речь:

“Я был другом генерала Кастера. Я был одним из его разведчиков и скажу несколько слов. Великий Отец в Вашингтоне послал вас сюда по поводу этой земли. Почва, которую вы видите, не обычная почва — это пыль от крови, плоти и костей наших предков. Мы сражались, истекали кровью и умирали, чтобы не дать другим индейцам забрать его, и мы сражались, истекали кровью и умирали, помогая белым. Вам придется покопаться на поверхности, прежде чем вы сможете найти естественную землю, так как верхняя часть покрыта Вороньим налетом. Земля, какая она есть, - это моя кровь и мои мертвецы; она освящена, и я не хочу отказываться ни от какой ее части”.

В сопровождении группы индейцев Керли пришел в мой вигвам, когда мы разбили лагерь на Литл-Биг-Хорн. Вся компания была сильно взволнована, потому что индеец, одержимый духом собственной значимости, отправился в Вашингтон, чтобы воевать против других индейцев племени, которые были трудолюбивыми и преданными строителями домов. Все они произносили речи у лагерного костра, прося моего вмешательства в Вашингтоне. В своем [стр. 142] аргументе Керли сказал: “Какому человеку вы бы поверили, человеку, который пытается выращивать пшеницу для людей, чтобы получать из нее муку и хлеб, овес для корма своих лошадей, который строит дом для укрытия и сохранения своей семьи, строит конюшню для содержания своих лошадей, обрабатывает землю, чтобы получать продукт, пытается выращивать овощи, чтобы его людям было что есть летом и зимой, или человеку, который придет и задавит этого человека, который работал и пытался что-то сделать для своей семьи, но сам не хотел работать, или человеку, который придет и задавит этого человека, который работал и пытался что-то сделать для своей семьи ”. но просто бегать повсюду и строить из себя отступника, ссорясь со своей матерью и братьями - какому мужчине вы бы поверили? Человек, который ссорится со своей матерью, не годится ни для каких обязанностей ”. Подобные жемчужины украсили бы любую яркую страницу литературы, но они являются повседневным красноречием индейца.

Керли сказал о своем детстве: “Когда я был мальчиком, я мало что делал. Я не был сумасшедшим, но и не проказничал. Мои отец и мать всегда советовали мне не проказничать. Мое первое воспоминание о белом человеке было, когда я отнес шкуры телят буйволов в торговые лавки и поменялся с белым человеком. Я подумал, что это отличный поступок. Я много раз ходил по следам бизонов и искал возможности выйти на тропу войны. Когда мне было около восемнадцати лет, вожди Кроу [стр. 143] сделали объявление, что в лагере есть несколько офицеров Соединенных Штатов, которым нужны скауты Кроу. Я быстро вызвался добровольцем. Мой брат подошел к нам после того, как мы начали, взял меня, Волосатого Мокапина и Белого Лебедя и сказал нам, что у нас секретная миссия в другом районе. Мой брат тогда был на тропе войны. Мы дошли с моим братом до реки Тоун, но не увидели того, что искали, и вернулись домой. Затем скауты Кроу покинули агентство и

разбили лагерь у Кларксфорда, и Бонни Браво и Литтл Фейс, индейские скауты и переводчики, встретили нас там. Эти разведчики снова отвели нас в лагерь генерала Терри. У разведчиков, которые были с Терри, не было лошадей, потому что их захватили сиу. С нами было восемь лошадей. Затем мы прошли маршем до Маленького Бутона розы. Там один из офицеров Терри сказал нам, что мы должны отправиться на разведку в лагерь сиу. Мы дошли до реки Тоун, и Бонни Браво была первой, кто обнаружил лагерь сиу. Затем мы вернулись к командованию и доложили. Генерал Терри двинул свою кавалерию вперед и попытался перейти реку Йеллоустоун вброд. Вода была такой высокой, что многие люди и лошади утонули, а остальные вернулись. Затем Терри попросил скаутов снова пройти вперед и посмотреть, на месте ли лагерь. Мы обнаружили, что лагерь переместился от реки Тоун вверх по Литл-Роузбад. После этого [стр. 144] мы доложили, и генерал Терри почти ничего не сказал. Затем генерал Терри отправил Бонни Браво и двух скаутов обратно в лагерь, чтобы раздобыть лошадей. Они послали двух других скаутов и армейские фургоны в Агентство Кроу за провизией. Солдаты не отходили далеко от лагеря, опасаясь нападения сиу, так как они постоянно внимательно наблюдали за ними, стреляя в любого солдата, которого видели. Затем генерал Терри отправил меня в агентство Кроу встретить фургоны и людей, которые были с лошадьми. Встретив фургоны, мы пробыли там всю ночь, а затем отправились в лагерь. Затем генерал Терри перенес свой лагерь вниз по течению Йеллоустоуна. Нас отвели прямо к устью реки Паудер. У Него и еще одного разведчика не было лошадей, поэтому они сели в лодку и отправились вниз по реке, доставив Терри депешу. Диспетчер велел нам возвращаться и снова следовать вверх по Йеллоустоуну. Мы вернулись и разбили лагерь в десяти или двенадцати милях от устья Биг-Хорна, недалеко от того места, где мы разбивали лагерь раньше. Мы пробыли там три или четыре дня, а затем прибыл пароход с разведчиком Буйе. Он велел нам всем сворачивать лагерь. Нас было шестеро, которые провели большую часть разведки, и из этих шестерых Терри приказал троим отправиться на поиски вражеского лагеря. Генерал Терри и командующий пехотой находились в машине скорой помощи, и Буйе был там, разговаривая с [стр. 145] ними. Терри послал за Желтым Щитом, затем Желтый Щит послал за мной. Затем Буйе спросил меня, кто из скаутов "Кроу" провел больше всего скаутов. Я сказал "Белый лебедь", "Волосатый Мокасин" и я. Затем эти разведчики разбили лагерь и присоединились ко мне. Затем Желтый Щит сказал нам, что ему нужно всего шесть человек. Затем у нас было совещание. Мы подумали о Белом человеке, Который бежит за Ним, но у него не было лошади. Затем Желтый Щит сказал, что позвонит Белому Человеку, Который Бежит за Ним, и попросит присоединиться к нам. Позвав этих людей, они посадили нас на пароход и отправили вниз по реке, отправив остальных Ворон домой. Йеллоустоун доставил нас к устью Литл-Роузбад. После ужина нам сказали, что мы должны приодеться, подкраситься и приготовиться к разведке".

В этот момент Керли достигает лагеря генерала Кастера, и оставшая часть захватывающей истории этого воина, оратора и разведчика, который с неизменной преданностью следил за судьбами солдат Соединенных Штатов, будет рассказана в главе "История индейцев о битве при Кастере".

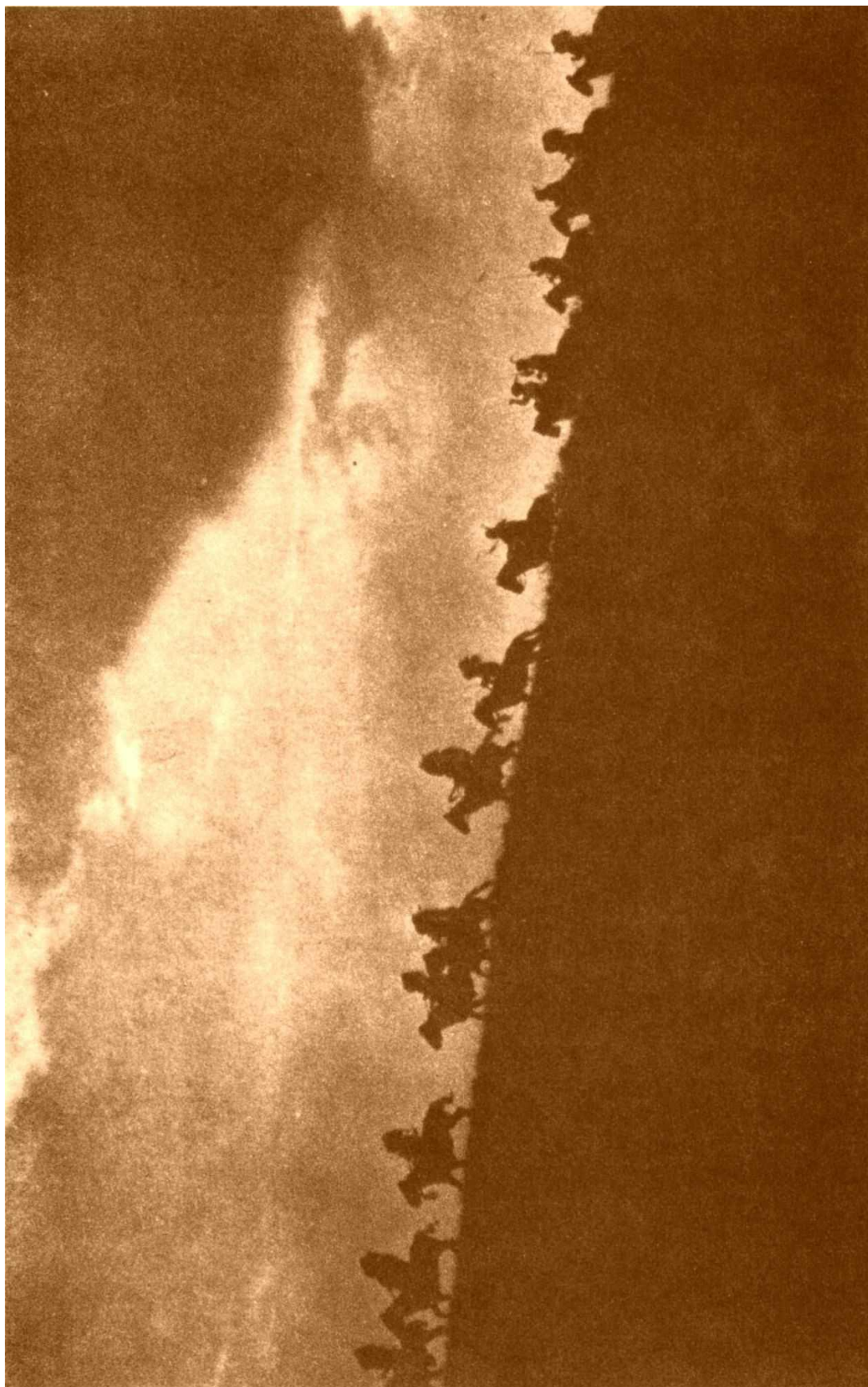
Идет вперед—Кастер Скаут

Продолжение-Басук-Оре

Идущий Впереди несет на себе высокое, худощавое и ослабленное тело. Он стоит на краю той земли. Он поражен смертельной болезнью. По манерам он такой же тихий и [стр. 146] ненавязчивый, как задумчивая птица. При напоминании его привычная улыбка исчезает, глаза загораются странным таинственным огнем. Он говорит прямо, как человек, которому есть что рассказать, и он горит желанием рассказать это. Мы можем лучше понять его жизнь, если позволим ему рассказать свою собственную историю:

“Когда я был совсем мальчишкой, я пошел на войну. Я был первым в битве, и все остальные сказали: ‘Вон он идет впереди нас’. С тех пор я был первым в бою и, таким образом, получил свое имя. Насколько я помню, самое большое удовольствие, которое я испытывал, когда был мальчиком, было убивать волков. После того, как мы подстрелили волка, мы подбегали к нему, наносили удар дубинкой и изображали, что он наш враг. Другим нашим видом спорта была игра в бизонов. Мы разделились, и часть мальчиков стала бы буйволами, а часть - охотниками. Мальчики, игравшие в "буйволов", поднимали лапами пыль, а мы бежали за ними и пускали в них стрелы, и тогда бык-буйвол преследовал нас до тех пор, пока не поймал одного из мальчиков, тогда мы шли дальше, пока не победили буйвола. Когда я был молодым человеком, у нас были черепа буйволов со снятым мясом и кожей, мы привязывали к ним веревки и выкладывали на лед. Девочки садились на голову буйвола, и мы рисовали их по льду. Это было одно из наших величайших удовольствий. Мне было около пятнадцати лет, когда я впервые отправился на тропу войны. Это было зимой, и я шел пешком. Я [стр. 147] пользовался луком и стрелами, но мои стрелы были не очень хороши. У молодых парней, которые пошли со мной, были старые Спрингфилды, использовавшие порох и пули. Раньше мы строили хижину на опушке леса, остальные убивали буйволов, а потом мы жарили мясо на костре. Я обычно нарезал мясо буйвола полосками и сушил его, а затем складывал в мешки и носил с собой на войну. Когда мы соорудили небольшое бревенчатое укрытие на ночь, они заставили меня оставаться у двери, где было холодно и мне приходилось готовить все для вечеринки. У нас не было ведра, чтобы носить воду, поэтому, когда мы убили буйвола, мы взяли рубец и использовали его как ведро для переноски воды. Разведчики военного отряда, конечно, были далеко впереди нас, и когда мы доберемся до нашей хижины в лесу, они вернутся ночью. Если они возвращались с пением, мы знали, что у них есть буйволы, и бежали за их рюкзаками. Эти разведчики встали до рассвета и покинули лагерь, отправившись в очередную разведывательную экспедицию — они искали врага, чтобы увидеть, в какую сторону тот двигался или кого убивал. Мы нашли тропу по следам их старых лагерей. Разведчики выслеживали врага, пока не нашли лагерь, затем они вернулись, воя по-волчьи, когда приблизились к нам, и тогда мы поняли, что они нашли врага. Когда они приблизились к лагерю, мы сложили груды разного материала, а затем они потрясли своими ружьями над кучами, и мы поняли, что они [стр. 148] говорили правду, что они видели врага. Потом они перебегают через груды. Потом мы приготовились к ночи и растянули веревки; мы взяли лекарство и повязали его на головы. Затем мы все встали в ряд, и они выбрали самых храбрых, чтобы возглавить наступление на лагерь врага. Затем эти храбрецы перешли на бег, сначала собачьей рысью, а затем все быстрее и быстрее, пока не набрали свою скорость, и тогда мы старались не отставать, пока не достигли вражеского лагеря. Когда мы оказывались в пределах видимости лагеря, мы все садились в ряд, снимали мокасины и надевали новые. Затем мы выбрали двух человек, которые должны были обойти лагерь, забрать всех лошадей, которых они смогли поймать, и привести их обратно к нашему отряду. Когда эти лошади были пойманы и возвращены нам,

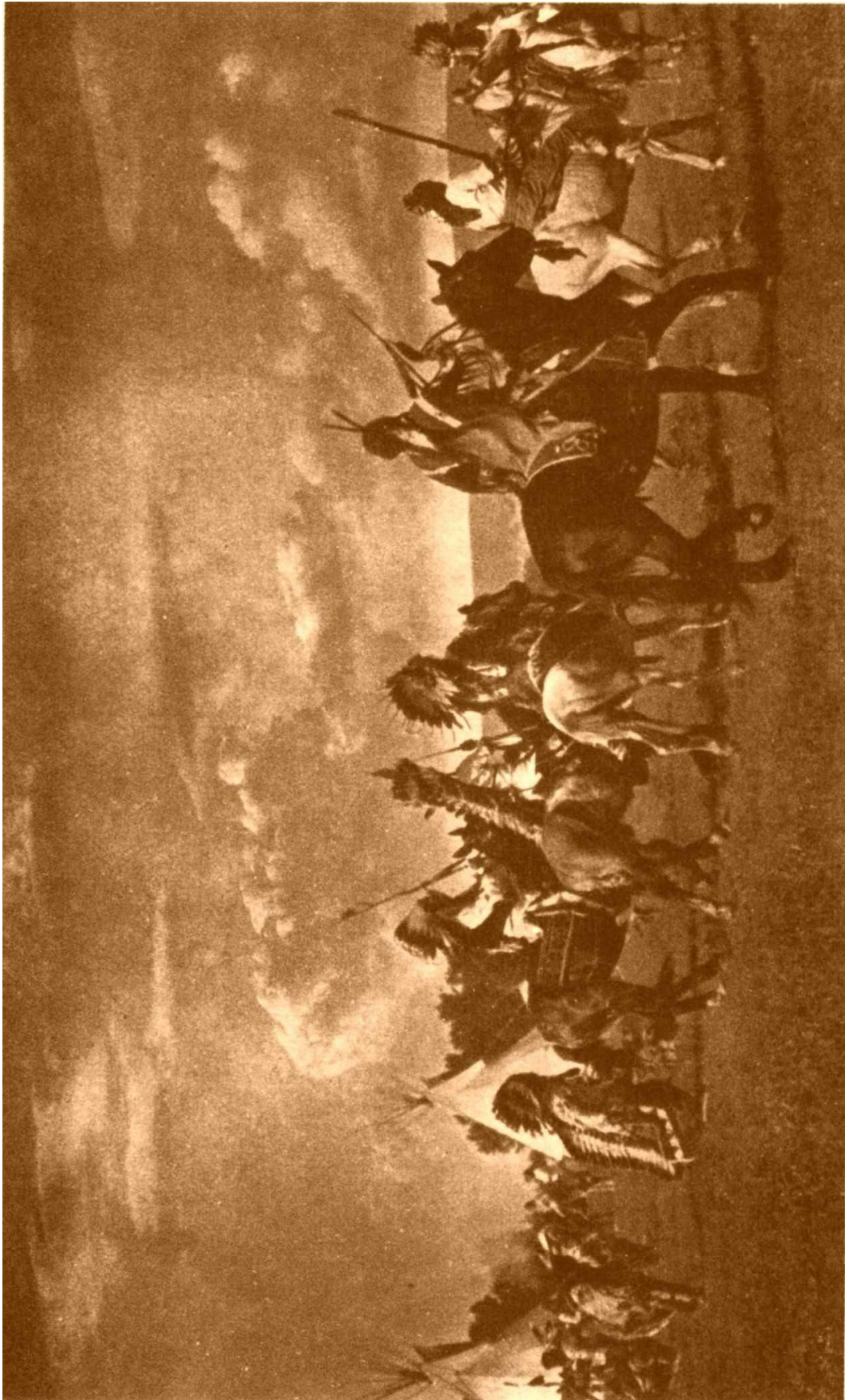
мы обвязали их веревками, сели на них верхом без седел и ускакали так быстро, как только могли, ведя за собой оставшихся лошадей, которых они захватили. Мы шли несколько дней и ночей, ничего не ели и не отдыхали. После того, как мы добрались до нашего лагеря и провели ночь, мы разрисовали себя и лучших лошадей, сели на них верхом и начали стрелять из ружей в воздух; тогда все поняли, что военный отряд вернулся. Мы проехали через лагерь на наших лошадях. Мы не ожидали, что враг будет преследовать нас, потому что мы ушли так далеко и так долго, что знали, что находимся вне их досягаемости ”.

На тропе войны

“Мое первое сражение было на реке Йеллоустон. Я ехал верхом на [стр. 149] чалой лошади. Я был разведчиком под командованием генерала Майлза. Мы нашли след индейцев Нез-Персе. Мы участвовали в битве в двадцати милях к северу от того места, где сейчас расположен Биллингс. Нез-Персе погнали разведчиков обратно. Как раз в это время наш переводчик Бетьюн бросил верховую езду, потому что его лошадь выдохлась, и он пошел пешком. Затем многие из нез-персе спешили и начали окружать Бетьюна и открывать по нему огонь. Я подумал, что тогда его жизнь будет потеряна, и я поскакал назад так быстро, как только мог, в самую гущу пожара, посадил его на спину своей лошади и ускакал, спасая ему жизнь”.

Своими словами Самоучка рассказывает нам, как он стал разведчиком в армии Соединенных Штатов: “Я был одиноким человеком, и мне нравилось выходить на тропу войны. Вожди объявили всему лагерю, что просят молодых людей идти к армейским офицерам и записываться в скауты. Поскольку я хотел быть скаутом, я подчинился приказу своих вождей. Армейские офицеры записали имена этих молодых людей. Молодым людям, чьи имена не были записаны, было отказано, но они всегда брали мое имя, и именно так я стал разведчиком ”. Продолжающий рассказывает нам наиболее красочную историю о своем участии в битве при Кастере и о своих впечатлениях от генерала Кастера в главе “История индейцев о битве при Кастере”.

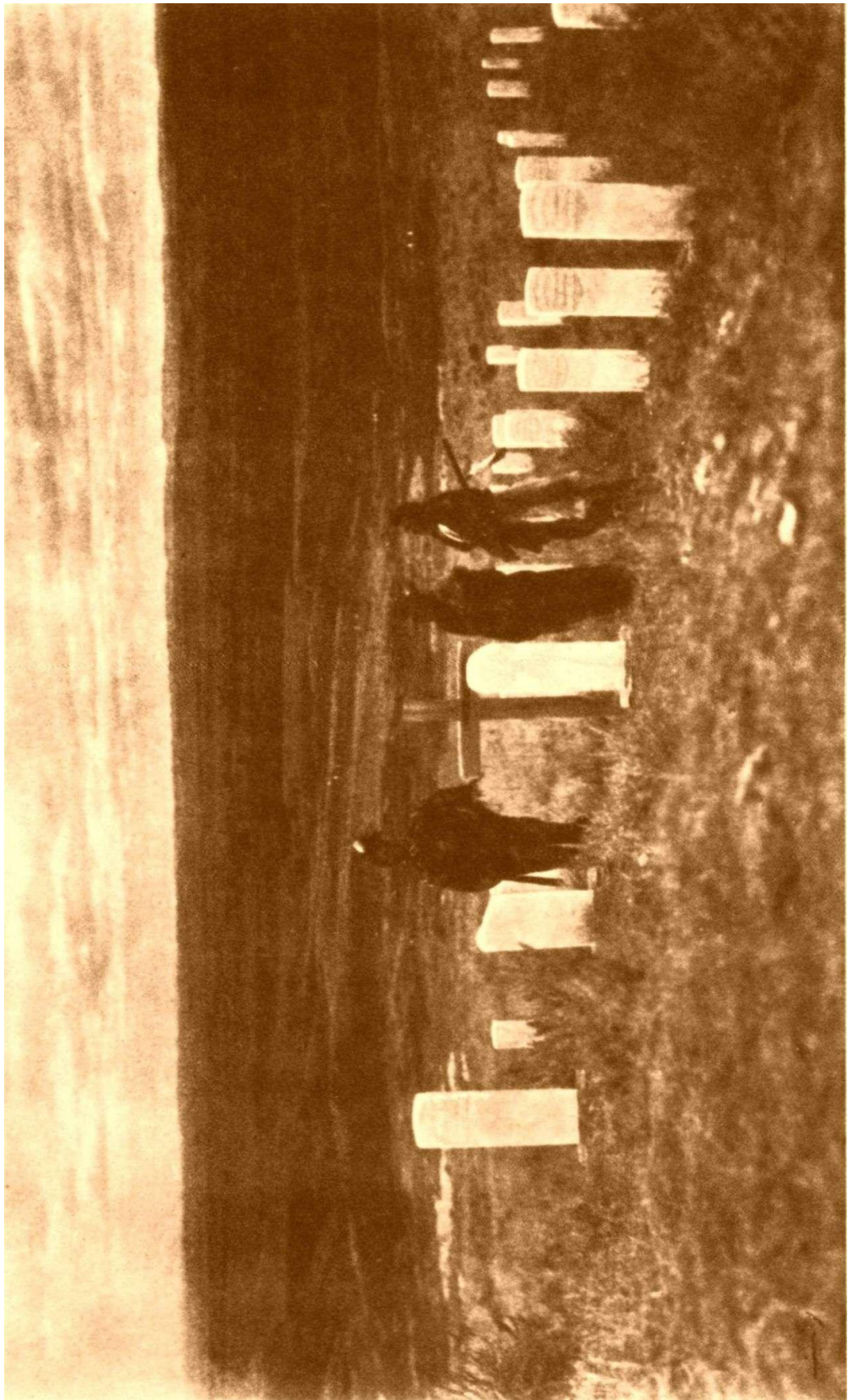

В Боевом Порядке

ИСТОРИЯ ИНДЕЙЦЕВ О БИТВЕ При КАСТЕРЕ

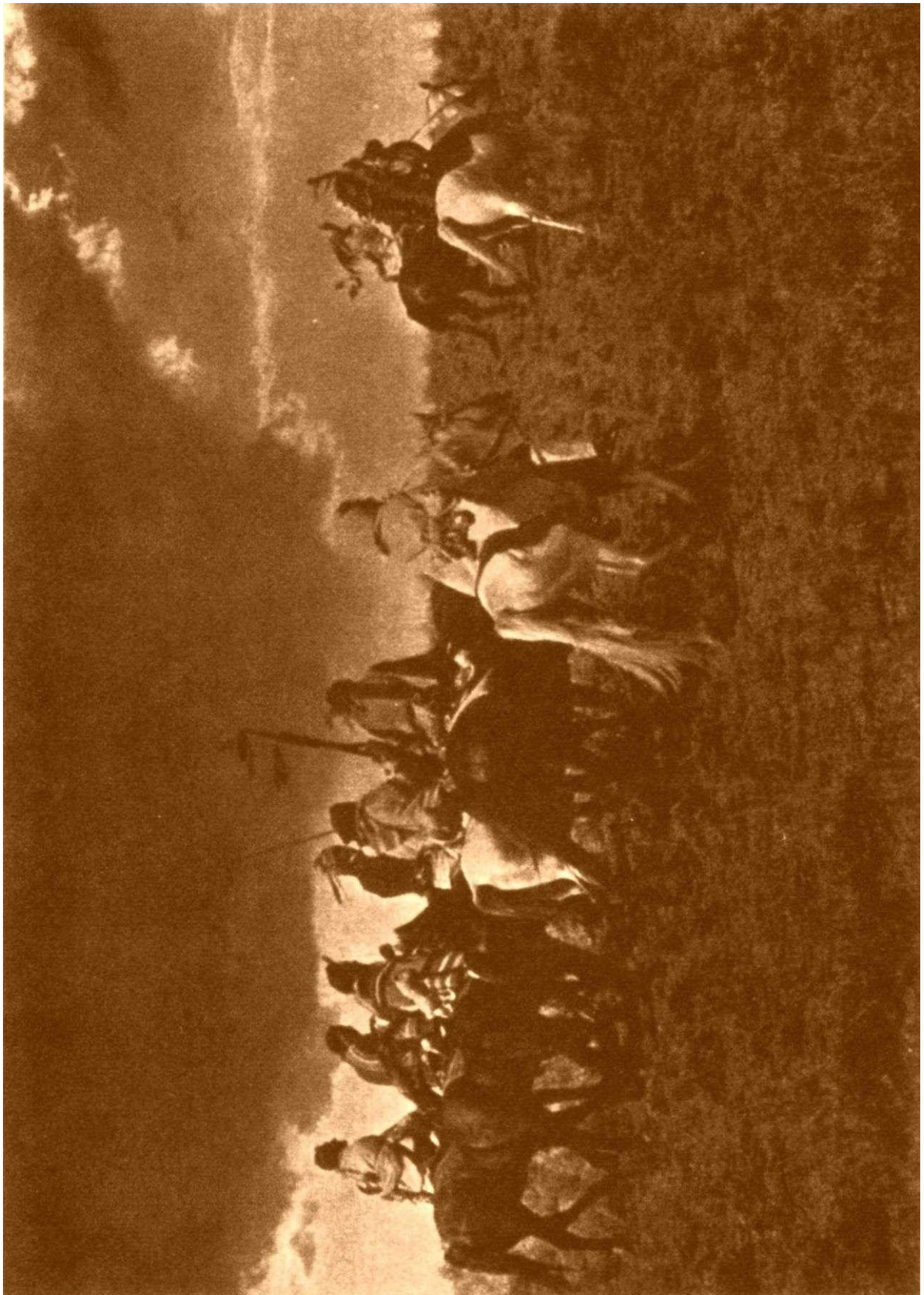
[стр. 150]

Сейчас мы думаем о самой красной главе в индейских войнах на Западных равнинах. Посреди траурного пейзажа, обрамленного долиной Литл-Биг-Хорн, где эта историческая река прокладывает свой извилистый путь через полынь и кактусы Монтаны, на одиноком склоне холма стоит потрепанный непогодой крест, окруженный группой белых мраморных плит, и все это отмечает место последнего упокоения героев Седьмого кавалерийского полка Соединенных Штатов, которые погибли все до единого “в боевом порядке” со своим бесстрашным лидером генералом Дж. Джордж А. Кастер. “Последняя битва Кастера”, как летописцы войн с индейцами обозначили эту мрачную трагедию, о ней писали, размышляли и обсуждали больше, чем о любом другом сражении между белыми войсками и индейцами. Со всех сторон уже написаны и высказаны тома — споры все еще продолжаются. Храбрые мертвецы продолжают спать; они разбили бивуак на вечном месте стоянки Славы. Цивилизация оросила долину и докатилась до западных границ, но, словно для того, чтобы навеки увековечить лавры чела Кастера, прозванного Муратом американской армии, белые камни и ветхое деревянное распятие окружены [стр. 151] бесплодными утесами и пейзажем, настолько отталкивающим, что это полночь запустения. Кажется, что Бог Сражений сохранил его как пятно на пейзаже, которое никогда не сотрет ни один человеческий двор — одинокое, торжественное, опустошенное, лишенное всех летних цветов, испещренное повсюду фиолетовыми тенями бесконечной Скупости. Тридцать шесть лет прошло по песочным часам с тех пор, как эти унылые холмы и текущая река слышали яростную стрельбу из ружей и боевой клич отчаявшихся краснокожих. Снега высоко занесли пергамент зимы — саван для бессмертных мертвецов, — более белый, чем белые плиты. Лето сменяло лето, и все июньские дни с того дня ужасающего уничтожения освещали эти белые вехи судьбы нации своими белыми лучами солнца — единственным реквиемом были зимние ветры, а летом - нежные ноты лугового жаворонка. Во всех спорах и противоречиях, которые расставили различные факторы борьбы по шахматной доске разногласий, голос индейца до сих пор безнадежно молчал. Поэтому исторически важно, что индеец теперь заговорил, и история Последней битвы Кастера, впервые рассказанная всеми четырьмя его разведчиками и вождями сиу и шайенов, должна ознаменовать эпоху в истории этого сурового сражения. Все индейцы, рассказывающие эту историю, были членами последнего Великого индейского совета, [стр. 152] и они посетили поле Кастера, расположенное чуть более чем в двух милях от лагеря вождей, обошли каждый шаг обескровленной территории и подтвердили свои позиции, вспоминая трагические сцены 26 июня 1876 года. При чтении их истории очень важно помнить, что вся команда Изгнанника была убита — каждый рот был запечатан смертью, и тишина навеки не нарушена. Все выжившие индейцы - старики: Дерзкий и Волосатый Мокасин стоят на пороге могилы, смертельно пораженные болезнью; Вождь Двух Лун, предводитель враждебных шайенов, - слепой старик; Бегущий-Враг, вождь сиу, пошатывается с возрастом. В ближайшем завтрашнем дне они тоже погрузятся в молчание.

Поле битвы при Кастере

Эти четверо разведчиков, верных памяти Кастера, вместе с вождями племен сиу и шайенов добрались вместе с писателем до того места, где упал Кастер, и, склонив головы, безмолвно отдали дань уважения погибшим. Камера зафиксировала сцену, последнее видение краснокожего человека, стоящего над могилой своих завоевателей, жалкую страницу в последней главе войны с индейцами.

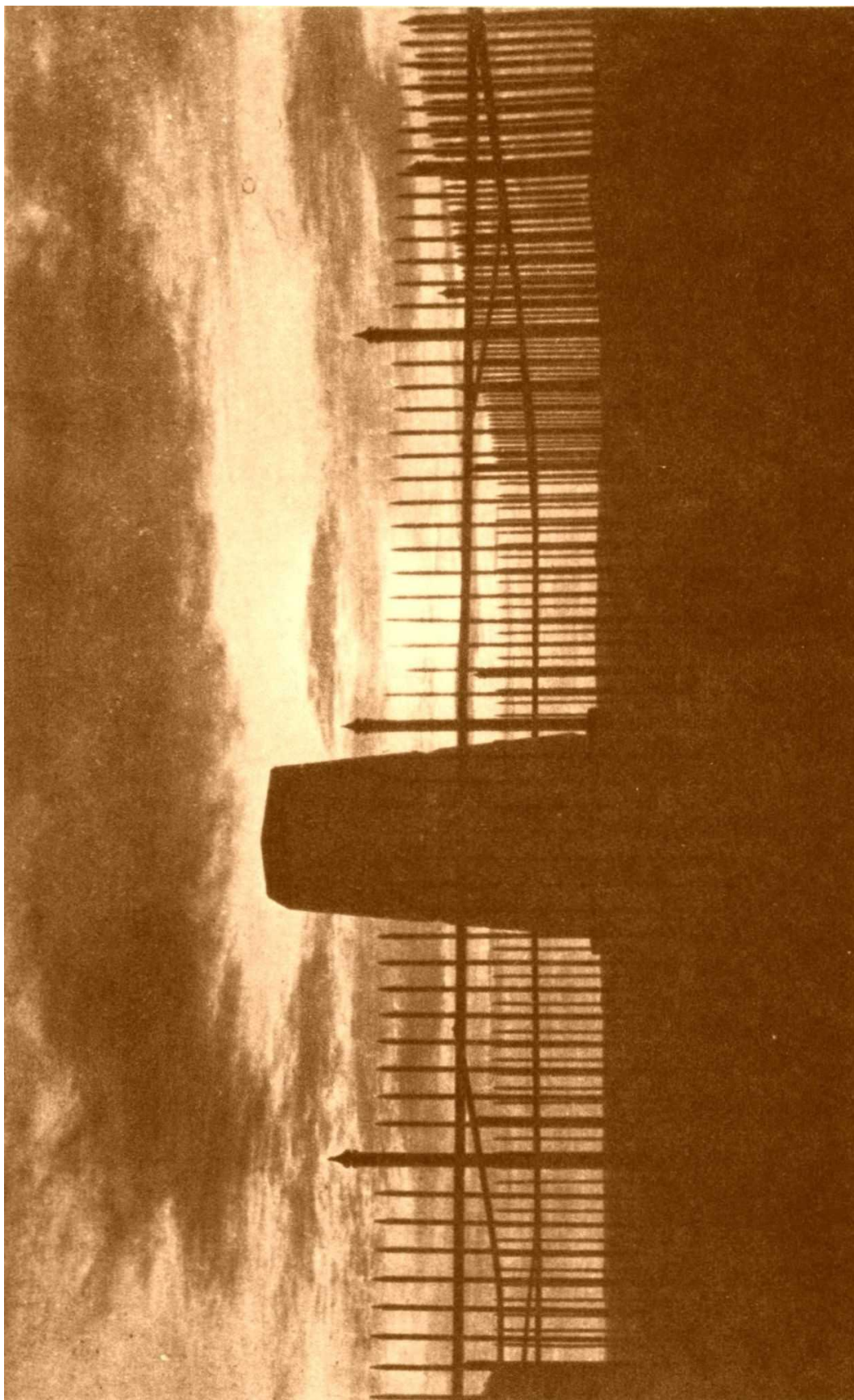

Разведчики на марше

ИСТОРИЯ СКАУТА КАСТЕРА, КОТОРЫМ УПРАВЛЯЕТ БЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

Великий Отец из Вашингтона направил представителей в нашу страну. Индейцы встретились с ними и держали совет. Сиу были наследственными врагами ворон. [стр. 153] Главный человек, посланный Великим Отцом, сказал Воронам: “Мы должны собраться вместе и сражаться, чтобы отвоевать эту землю у сиу. Мы должны завоевать его завоеванием”. Мы позвонили офицеру, который был хромым, без тазовой кости — офицером был генерал Терри. Мы любили свою землю, поэтому согласились пойти с солдатами и изгнать эти другие племена с этой земли. Тазовая Кость забрал меня зимой, и я ездил с ним, куда он хотел, до следующего лета. Во время этого путешествия у меня была хорошая лошадь. Сиу отобрали его у меня, и мне пришлось идти пешком, поэтому я повесил ружье на плечо и пошел вместе с солдатами. Я думал, что я мужчина, и был уверен в своей правоте. И поэтому я не отставал от солдат. Я вынес все трудности, которые выносили солдаты, чтобы удержать свою землю. У нас были трудности с восхождением в горы, переходом рек вброд, зимний мороз и стужа, палящая летняя жара — сегодня у меня ломит кости от переохлаждения, но все это было из-за любви к моему дому. Я верно стоял рядом с солдатами. Они не знали этой страны. Я знал. Они хотели, чтобы я был их глазом, но они не могли видеть. Солдаты были такими же, как если бы они были слепыми, и я использовал для них оба своих глаза. Мы с солдатами сражались в дружбе, я делал то, что они говорили; что я говорил, они делали. Поэтому я помог своему племени. Земля - очень ценная вещь, особенно наша земля. Я знал, что шайенны и сиу хотели захватить его [стр. 154] завоеванием, поэтому я остался с солдатами, чтобы помочь удержать его. Не-Тазовая Кость перебралась в реку Таун в то время, когда набирала силу листва. Мы услышали, что приближается генерал Кастер, и я с тридцатью солдатами спустился вниз по реке на лодках. Со мной были два разведчика, Элк и Двухсвистун. На стыке Йеллоустоуна с рекой Миссури мы встретили Кастера. Я был первым из "Ворон", кто пожал руку генералу Кастеру. Он крепко сжал меня за руку и сказал: “Ты тот, кого я хочу увидеть, и я рад, что ты первый”. Мы сели на пароход вместе с генералом Кастером, и он указал мне на разные места, представляющие интерес. Я направил Кастера к Без-Тазовой кости, которая подошла к устью Маленького Розового бутона. У них был совет, Бонни Браво была их переводчицей. Генерал Кастер сказал переводчику, указывая на меня: “Вот такой человек нам нужен для этой кампании, и я хочу, чтобы были и другие”. Были выбраны “Вперед”, “Волосатый Мокасин”, “Белый лебедь”, “Раскрашивает лицо в желтый цвет” и “Кудрявый”. Всего нас было шестеро. Остальных отправили обратно. Мы всегда двигались впереди Кастера - мы были его пилотами. Мы всегда путешествовали ночью, взбираясь в горы и переходя реки вброд. Днем мы разбили скрытый лагерь. Мы путешествовали таким образом несколько дней, прежде чем добрались до лагеря сиу. Когда мы достигли вершины Волчьих гор, мы увидели лагерь противника [стр. 155] недалеко от того места, где в настоящее время находится Кастер Филд. Волосатый Мокасин, Идущий Впереди, Кудрявый, и я сам видели лагерь. Кастер остановился у подножия горы, и мы все вернулись и сказали Кастеру, что видели большой лагерь, и он был совсем близко. Кастер был рад и стремился идти вперед и вступить в бой. Солнце только выглянуло, когда мы увидели лагерь. Было восемь или девять часов, когда мы, разведчики, все снова двинулись вперед. Мы приблизились к месту расположения вражеского лагеря, и Кастер разделил разведчиков, отправил одних за реку, а другие остались на холме. Тем временем Кастер разделил свое командование. Желтое Лицо и Белый Лебедь отправились с Рено через реку; Впередсмотрящий, Волосатый Мокасин, Кудряш и я остались с Кастером. Кастер отправил меня на высокий холм. Он сказал: “Иди, поищи меня и посмотри, где я могу добиться успеха”. Он оставил это мне. Оказавшись там, я

огляделся и увидел, что войска были совсем близко от меня, и я жестом велел им идти вперед, и мы поднялись на гребень. Индейские разведчики встали перед Кастером и повели его людей. Мы спустились к Литл-Хорну, пока не вышли к небольшому ущелью, и двинулись в сторону вражеского лагеря. Мы хотели перейти реку в том месте. Сиу обстреляли нас. Затем мы поднялись на холм к гребню. Я был на всем протяжении хребта, где бушевал бой. Мы посмотрели за реку и увидели [стр. 156] Рено в его схватке с сиу. В конце концов они уничтожили Рено, и он отступил к холмам. Здесь Кастер и все мы слезли с лошадей. В то время враг окружал нас. Они били по нам. У нас была тяжелая перестрелка. Затем Кастер подошел и сказал: "Ты выполнил свой долг. Ты привел меня в лагерь врага. А теперь тебе остается подчиниться моему приказу и убираться восвояси." Дальше вверх по реке был вьючный обоз в сопровождении трехсот солдат, и я направился к вьючному обозу и увидел, что там сражаются индейцы. Кастер, когда велел мне уходить, сказал: "Ты уходи, а я сейчас уйду со своими мальчиками". Если бы Кастер не приказал мне уйти, люди, которые сегодня посещают Кастер Филд, увидели бы мое имя на памятнике. Когда я вернулся к обозу, я направил их туда, где сегодня находятся старые траншеи и где вы все еще можете увидеть груды костей. Когда я добрался туда, индейцы убили всех мулов. Бой длился весь долгий, жаркий летний день. Все мои друзья, солдаты, которые были с Кастером, были уничтожены. Когда зашло солнце, я был почти без сил, и на мне не было никакой одежды, кроме набедренной повязки. Все скауты были одеты так же, как я. Когда наступила ночь, мы, разведчики, несмотря на усталость, отправились вниз по реке, чтобы встретиться с Не-Бедренной Костью. Мы добрались до него рано утром следующего дня. Всю ночь лил ужасный ливень. [стр. 157] На мне не было одежды, и я прилип к своей мокрой лошади. Моя лошадь была так измучена, что брела всю ночь, спотыкаясь, и сегодня я ощущаю последствия этого. Терпеть было в моей природе; с детства меня учили терпению, но каким бы сильным я ни был, это ранило меня на всю жизнь. Мы встретили Без-Бедренной Кости и рассказали ему, что вчера выше по реке, когда солнце было на полпути между утром и полуднем, пока солнце не было на полпути между полуднем и ночью, индейцы убили Кастера и всю его команду. И он разозлился. Мы сказали ему, что у наших лошадей изнашивались копыта, и попросили разрешения вернуться домой и взять свежих лошадей. Он сказал: "Да, ты можешь идти, но возвращайся. Тем временем я отправлюсь вверх по реке и увижу мертвых солдат". Я отправился в Прайор, наш лагерь Кроу.

Закат на Кастер -Филд

Кастер и солдаты были моими друзьями и компаньонами, и я проплакал всю ночь напролет, пока ехал под дождем, чтобы сообщить новость Без-Бедренной Кости.

Когда мы были в "Розовом бутоне", генерал Кастер и его штаб держали совет относительно того, что нам следует делать, когда мы обнаружим лагерь противника, и следует ли нам атаковать днем или ночью. Я сказал, что нам лучше сражаться ночью. Раскрашивающий лицо в желтый цвет сказал: "Давайте атаковать днем, чтобы мы могли видеть, что делаем". Я думал, что разработал для них хороший план, но они послушались Желтолицего. Генерал Кастер был храбрым и хорошим человеком, прямым и честным человеком. [стр. 158] Когда генерал Кастер взял меня за руку, похлопал по плечу, и я посмотрел ему в лицо, я сказал: "Это хороший генерал". Если бы генерал Кастер был жив сегодня, со мной обращались бы лучше, чем сейчас. Генерал Кастер спросил: "Где живет ваше племя?" и я сказал ему, что в долине, через которую протекает Прайор-Крик, вдоль реки Биг-Хорн в Лодж-Грассе и в долине Литл-Хорн — там мой дом. Кастер сказал: "Если я умру, ты получишь эту землю обратно и останешься там счастливым и довольным, а если ты умрешь, тебя похоронят на твоей собственной земле".

Когда я присоединился к генералу Кастеру, я был полностью уверен в себе и своей способности помочь ему, и по этой причине я присоединился к Кастеру, чтобы помочь отстоять мою землю от наших врагов, сиу и шайенов. После битвы при Кастере, когда мы раздобыли свежих лошадей, я взял с собой других разведчиков, и мы пошли по полю и посмотрели на останки погибших солдат, которые были моими друзьями и товарищами. Зная местность, я всегда указывал генералу Кастеру лучшие места для перехода реки вброд и самый простой способ подняться на холмы, чтобы он мог достичь успеха. После потери моей лошади я путешествовал пешком вместе с солдатами и был готов даже пойти на смерть вместе с Кастером, чтобы помочь ему.

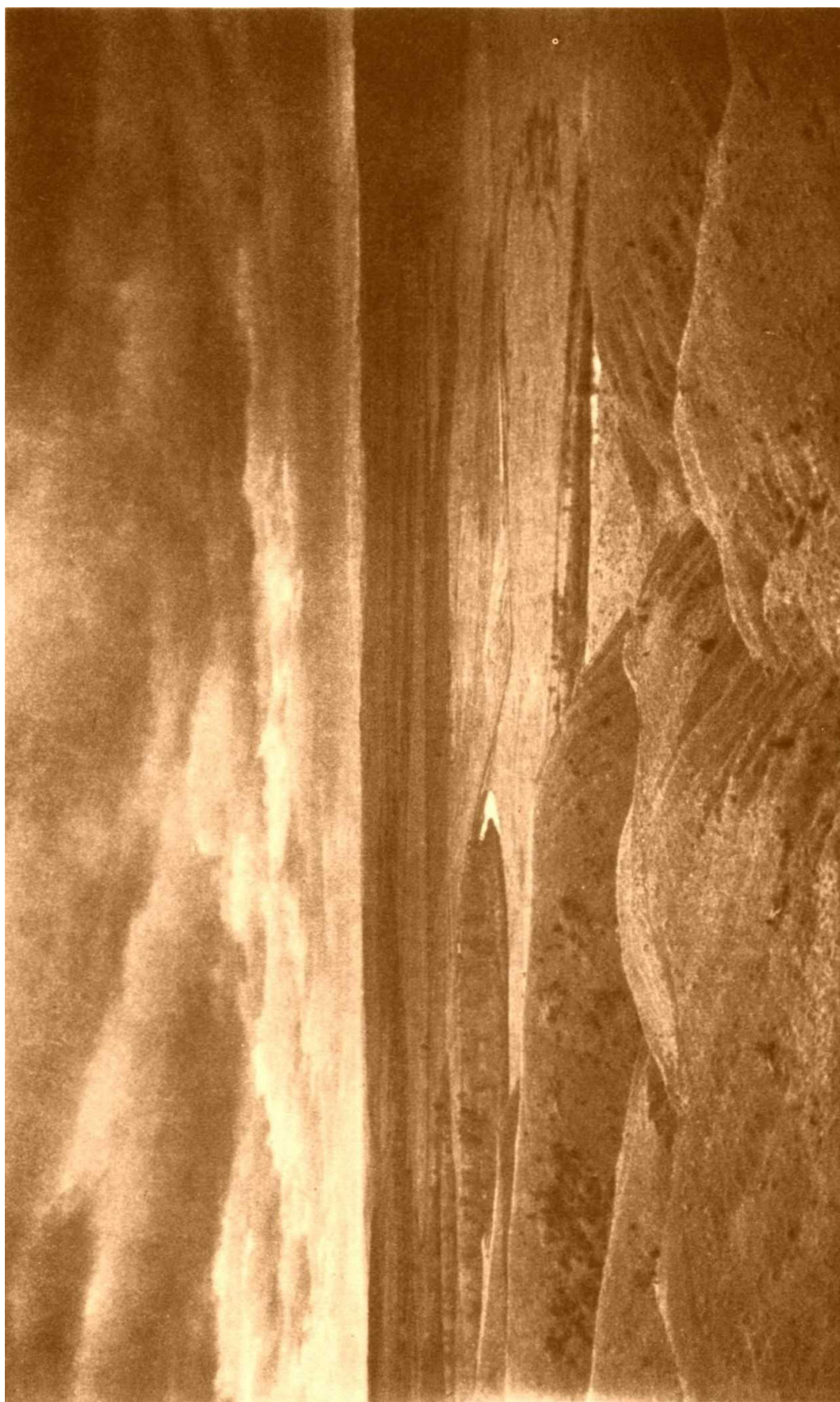
[стр. 159]

ИСТОРИЯ КЕРЛИ—СКАУТА КАСТЕРА

Нас доставили на пароходе в Литл-Роузбад вниз по течению Йеллоустоуна. После приземления нам сказали приготовить ужин, одеться, подкраситься и подготовиться к разведке. Затем мы услышали, что генерал Кастер хочет использовать нас. Мы сели на коней и поехали в лагерь генерала Кастера. У него была большая палатка. Мы вышли у дверей. Я был первым, кто пожал ему руку. У меня в руке был доллар, и я вложил его в его ладонь. Каждый скаут пожал ему руку. Когда я увидел Кастера, сидящего там, высокого и стройного, с широкими плечами и добрыми глазами, я сказал себе: "Это добрый, храбрый и думающий человек". Первыми словами, которые произнес Кастер, были: "Я видел все племена, кроме Ворон, и теперь я вижу их впервые, и я думаю, что они хорошие и храбрые разведчики. У меня здесь есть несколько разведчиков, но они бесполезны. Я слышал, что Вороны - хорошие разведчики, и я послал за тобой, чтобы ты перешел под мое командование. Я дал генералу Терри шестьсот долларов за использование вас, индейцев Кроу, в качестве разведчиков. Я позвал вас, индейцев, сюда не для того, чтобы вы сражались, а для того,

чтобы вы выследили врага и сказали мне, где он; я не хочу, чтобы вы сражались. Вы находите индейцев, а я буду сражаться. На все эти доллары, которые я тебе дал, я хочу, чтобы ты пошел на пароход и купил несколько рубашек и краски. Мы уезжаем отсюда через два дня. Мы последуем за Маленьким Розовым бутонem". [стр. 160] В тот вечер манданы танцевали с нами и дали нам немного денег. Тогда Кастер сказал: "Я думаю, вы хорошие индейцы. Я попрошу повара приготовить нам ужин, и вы сможете поесть вместе со мной. Я прикажу поставить здесь палатку, и вы сможете разбить лагерь рядом со мной". Через два дня мы отправились в путь. Мы сели на лошадей и отправились с Кастером вверх по Маленькому Розовому Бутону. С нами был весь отряд. Он спросил нас, где мы видели последний лагерь сиу, когда искали Терри. Мы сказали ему, что будем там только завтра. На следующее утро мы были на том месте, где видели последний лагерь сиу. Затем мы пошли по тропе сиу. Мы нашли тропу и увидели, что она разветвляется на реке Литтл-Роузбад. Кастер приказал Идущему Впереди идти по одной тропе, а мне - по другой, чтобы посмотреть, где самый большой лагерь. Мы обнаружили, что через некоторое время тропы сошлись воедино и что все сиу были в одном лагере. Когда мы добрались до лагеря, то увидели, что произошла битва, потому что нашли скальпы и бороды белых людей. Той ночью мы вернулись и доложили Кастеру. Было довольно поздно, но повар Кастера уже встал и развел свет в своей палатке. Затем Кастер велел повару накормить мальчиков. Поужинав, мы отправились в его палатку, так как Кастер хотел нас видеть. Мы взяли с собой несколько скальпов и бород белых людей и показали их [стр. 161] Кастеру. Затем Кастер спросил нас, разделся ли лагерь или объединился, и мы ответили ему, что все объединилось. Затем Кастер сказал: "Это главное — эти сиу убивали белых людей, и я был послан сюда Великим Отцом, чтобы покорить их и вернуть обратно в их резервацию. Я великий вождь, но я не знаю, переживу ли я это лето живым или мертвым. Для сиу больше не будет ничего хорошего — если они убьют меня, они все равно будут страдать, а если они не убьют меня, они все равно будут страдать за то, что ослушались приказа. Я не знаю, пройду ли я через эту битву или нет, но если я выживу, я порекомендую вас, мальчики, и вы станете лидерами Ворон. Завтра я хочу, чтобы пятеро моих парней из Кроу отправились в путь." Мы отправились в путь незадолго до рассвета. Когда мы тронулись в путь, мы увидели несколько манданов, бегающих по вершине холма, и Ведущий сказал мне вернуться и сказать командованию, что они не должны заставлять этих манданов бегать по холмам, а держать их внизу, в долине, так как мы можем быть недалеко от лагеря сиу и нас обнаружат раньше, чем мы это осознаем. Затем они приказали этим манданам спуститься с холмов и не высываться. Когда я повернул назад, то услышал вой, похожий на койотский. Белый Лебедь, Волосатый Мокасин, Впередсмотрящий и Белый Человек, Бегущий за Ним, должны были прийти с докладом. Сиу разбили лагерь за день до этого и расположились выше того места, где [стр. 162] находился их старый лагерь на Литтл-Роузбад. Кастер велел нам идти вперед и посмотреть, в какую сторону они пошли, и мы подошли к тому месту, где они разбили лагерь. Мы шли по следу, пока не увидели, что они разбили лагерь на Литл-Хорне, а затем заметили, что сиу направились к Литл-Хорну, и мы ждали у истоков ручья Таллек, пока не поступит команда. Команды не последовало, потому что они разбили лагерь на Маленьком Розовом Бутоне, и мы вернулись в лагерь. Потом скауты поссорились, и я пошел один и спросил Кастера, что нам делать. Кастер спросил меня, зачем я вернулся. Я сказал ему, что след сиу ушел на запад, к Литл-Хорну, и что я вернулся за дальнейшими распоряжениями. Затем Кастер велел мне приготовить ужин и взять обед для других разведчиков, а также взять с собой двух солдат и отправиться дальше и разбить лагерь на холме на виду у врага. Я лежал на рассвете, полусонный — мальчики сказали, что видели лагерь, где расположились сиу. Я встал и увидел их сквозь дым. Отряд прошел половину пути к нам, а затем остановился, и этот офицер, который был с нами, написал сообщение для

генерала Кастера и отправил с ним манданского разведчика обратно. Кастер не стал ждать. Как только он получил сообщение, его люди быстро двинулись в сторону поля Кастера. Затем Кастер сказал: “Мы нападём на них сейчас — это решит их судьбу”. Затем Кастер отдал приказ [стр. 163] осмотреть их орудия. Вскоре они двинулись вниз по гребню. Кастер велел нам идти вперед. Мы шли вдоль ручья до самого низа. Позади нас было полбатальона. По пути мы нашли вигвам, похожий на тот, в котором мы сейчас сидим, и нашли внутри двух мертвых сиу. Затем к нам подошло главное командование. Мы все остановились на развилке Литтл-Рино-Крик. В этом месте Кастер разделил свою команду и приказал Рено следовать вниз по ручью, который теперь называется Рино-Крик. Затем мы перевалили через хребет. Я проводил Кастера до ручья; затем он дал мне записку, которую я должен был передать в Рино. Я не знал смысла этого послания. Я привез ответ из Рино Кастеру. Пока я доставлял последнее сообщение, Рено вел свою битву, но она была не очень ожесточенной, и когда я добрался до Кастера с сообщением, он сражался в устье ручья. Затем Кастер сказал мне идти и спасать свою жизнь. Я сделал круг и обнаружил, что мои боеприпасы на исходе. Я нашел мертвого сиу. Я забрал его боеприпасы, ружье и лошадь и ушел. Я оставался недалеко от того места, где лежал мертвый сиу, пока бой не стал довольно ожесточенным. Я поднялся на высокий холм к востоку от поля боя, откуда мог видеть ход сражения. Когда я взобрался на высокий холм, я оглянулся и увидел, что Кастер устоял последним. После этого я бросился за холм и спрятался в кустах. На следующее утро [стр. 164] около пяти или шести часов я был в лагере генерала Терри и доложил. Генерал Терри собрал вокруг себя своих офицеров. Я не говорил по-английски, и там не было переводчиков, поэтому я взял траву и сложил ее в кучу, затем пальцами широко раскидал ее и попытался таким образом показать генералу Терри, что все солдаты были убиты. Затем генерал Терри вручил мне депешу. Я очень устал и не хотел ехать, но я должен был отвезти эту депешу от генерала Терри в Рино на товарном поезде. Рено дал мне депешу, которую я должен был отнести Терри, пока они хоронили погибших солдат. Затем мне дали другую депешу, которую я должен был отнести главному командованию на пароходе. Мне было жаль и подавленно оттого, что я больше никогда не увижу Кастера.

Поле битвы в Рино

ИСТОРИЯ СМЕЛОГО СКАУТА-CUSTER SCOUT

Я служил под командованием генерала Терри в Йеллоустоуне, в устье Биг-Хорна. В устье Биг-Хорна стояла лодка. У парохода был понтонный мост, ведущий к берегу. Солдаты сошли с лодки и присоединились к командованию генерала Терри. Затем генерал Терри дал команду всем нам сесть на коней и идти впереди строя. Затем он отобрал людей из этой линии разведчиков, чтобы отправить их в качестве разведчиков к генералу Кастеру. Он упомянул мое имя, а также назвал Yellow-Shield, [стр. 165] White-Man-Runs-Him, White Swan, Hairy Moccasin и Curly вне этой линии. Нас было шестеро. Потом нам приказали сесть на пароход. Мы доплыли до устья Маленького Розового Бутона и там сошли с парохода. Затем наш переводчик сказал нам, что в лагере армии есть человек, который хочет нас видеть, и мы отправились туда. Затем мы вошли в палатку генерала Кастера; мы сели с одной стороны палатки, и это был день большого удовольствия для меня. Я увидел, что генерал Кастер был мужчиной ростом около шести футов двух дюймов, стройным, хорошо сложенным и добросердечным. У него были длинные волосы. Генерал Кастер сказал нам, что он слышал, что индейцы кроу были самыми храбрыми разведчиками и лучшими наездниками среди всех индейцев, и именно по этой причине он попросил генерала Терри прислать нас к нему. Он сказал, что у него есть несколько скаутов-манданов, но они не собираются проводить для него разведку индейцев, а останутся в строю и будут готовить для скаутов. Затем генерал Кастер сказал нам, что он хочет, чтобы мы нашли тропу сиу и шли по ней, пока не достигнем лагеря сиу, и доложили ему, где они находятся. Он не хотел, чтобы мы вступали в битву с сиу, а хотел вернуться и сообщить ему о местонахождении их лагеря. Затем, после победы в битве, он отдавал нам всех лошадей племени сиу, которых мы могли пригнать домой. Затем мы отправлялись на разведку в поисках сиу. Мы пошли по следу сиу, по которому они двигались, и добрались до [стр. 166], где они разбили лагерь на Литтл-Роузбад. Я добрался до того места, где они разбили лагерь сразу после сражения с генералом Круком в битве при Литл-Роузбаде, и они двинулись к Литл-Хорну. Генерал Кастер дал нам строгий приказ, когда мы проводили разведку, не принимать разведчиков генерала Терри и генерала Круга за других индейцев, потому что мы могли наткнуться на них и быть уверенными, что видели сиу. Мы были в пути две ночи, прежде чем набрели на деревню. Она располагалась на равнине выше того места, где произошла битва при Кастере, на берегу Литл-Хорн. Я был один, и после того, как я увидел деревню, я вернулся и доложил генералу Кастеру, и он был очень доволен. Я всегда старался выполнять приказы и точно следовать моим инструкциям. Я доложил генералу Кастеру, что это довольно большая деревня. Кастер сказал: "Это как раз то, что я ищу; с таким же успехом мы могли бы вступить в бой". Генерал Кастер приказал мне идти впереди его колонны и держаться впереди, но не заходить слишком далеко из опасения, что враг захватит меня в плен, и я выполнил то, что он мне приказал. Генерал Кастер всю ночь маршировал со своими войсками до точки примерно в пяти милях от того места, где я ему докладывал, а затем разделил свое командование. Рино последовал вниз по ручью Рино, Кастер пересек хребет, направляясь к ручью Медисин-Тейл, впадающему в Литл-Хорн. Там, у ручья, генерал Кастер [стр. 167] спешился и вознес молитвы Небесному Отцу. Затем он встал, пожал мне руку и сказал: "Мой разведчик, если мы выиграем битву, ты станешь одним из выдающихся людей Народа Кроу". Через минуту или две он снова обернулся и сказал мне: "Я забыл тебе сказать, ты не должен сражаться в этой битве, а должен вернуться и спасти свою жизнь". Белый-Человек-Управляет-Ним, Волосатый Мокасин и Кудряш слышали, что сказал Кастер. Двое других были с Рено. Мы были в поле зрения лагеря, когда Кастер сказал нам это. Затем Рено пересек Литтл-Хорн со своими двумя скаутами-Кроу и остальными манданами. Если бы мы были

достаточно умны, мы бы попросили генерала Кастера дать нам документ в качестве рекомендации, но в те дни мы мало что знали. Пока мы стояли и смотрели, мы увидели, как Рено занял свою боевую позицию между восемью и девятью часами. Кастер немного постоял там, потому что мы ожидали, что все Вороньи ручьи и команда Терри встретят нас там в тот день и устроят сражение. Сказав это, Кастер вступил в бой и открыл огонь по лагерю. Мы, разведчики, были на вершине утеса и обстреляли лагерь. С ним были мокасины с волосами и Белые мужские кроссовки. Керли я не видел, потому что он отнес последнюю депешу в Рино. Хотя Кастер отдал нам приказ не вступать в бой, мы не могли стоять там, на утесе, и смотреть, как сражаются солдаты, и ничего не предпринимать, поэтому нам пришлось [стр. 168] открыть огонь. Я не хочу допустить никакой ошибки в этой истории, и я сказал вам правду. Рино выиграл битву. Было так много дыма и пыли, что я с трудом различал, но индейцы оттеснили Рено к обрыву. Во всей долине и лесах не было ничего, кроме индейцев. Тогда я не знал, в какую сторону он пошел, потому что я сражался по-своему. Кастер также открыл огонь сразу за Медисин-Крик, где он перешел реку. Вскоре после того, как открыл огонь Рено, Кастер открыл свой огонь. Откуда, я не могу вам сказать. Около четырех или пяти часов подошел вьючный поезд, и внизу разгорелся ожесточенный бой. Я вернулся к обозу и некоторое время помогал драться, а потом отправился в пайн-хиллс на востоке. Когда я услышал, что Кастер был убит, я сказал: "Он человек, способный сражаться с врагом. Он любил драться, но если он будет драться и его убьют, его придется убить".

ИСТОРИЯ ВОЖДЯ КРАСНОГО ОБЛАКА - ОГОЛЛАЛА СИУ

Я помню, что наш лагерь располагался в долине Литл-Биг-Хорн. Насколько я помню, в нашем лагере было около четырех тысяч индейцев и около сотни воинов сиу в моем собственном отряде. В этой битве участвовали четыре или пять различных частей племени сиу. Я помню, что Дождь-в-Лице и Сидящий Бык, Бешеный Конь и Большой Человек были с нами в битве. Мы были в нашем лагере; в те дни там было вдоволь бизоньего мяса, и мы убили довольно много. Женщины вялили мясо, а воины отдыхали. Внезапно мы услышали стрельбу и обнаружили, что солдаты напали на нас. Все женщины и дети были напуганы и бросились бежать через холмы, а мы, мужчины, сели на коней и направились навстречу врагу. Я помню, что мы оттесняли Рено назад до тех пор, пока ему не пришлось пересечь реку и прижаться к утесам, а затем несколько наших сиу объехали холм, чтобы преградить ему путь, и он был у нас в кармане. После того, как мы убили многих людей Рено, Кастер появился на гребне холма, и нас отозвали сражаться с Кастером. Мы продолжали кружить вокруг Кастера, и когда его люди спустились с хребта, мы перестреляли их. А затем остальные спешили и собрались в кучу, опустившись на колени и стреляя из-за спин своих лошадей. Мы кружили круг за кругом, стреляя в людей Кастера, пока не был убит последний человек. Я не видел, как упал Кастер, потому что все индейцы не знали, кто из них Кастер. Одна из причин, по которой мы не сняли скальп с Кастера, заключалась в том, что индейцы и белые солдаты были настолько перемешаны, что было трудно отличить одного человека от другого; а другая причина заключалась в том, что Кастер был самым храбрым человеком из всех, и мы не хотели трогать его, когда он давал последний бой. Такого же мнения придерживается и Rain-in-the-Face. Что касается причины битвы при Кастере, я должен сказать, что нас преследовали солдаты, мы были на тропе войны, [стр. 170] и мы были на тропе войны с воронами и другими племенами. Мы пытались отогнать их с охотничьих угодий, но на нас напали солдаты, и нам пришлось защищаться. Люди, искавшие золото,

выгнали нас из Черных Холмов, и наша дичь была угнана, и мы отправились в путь в поисках дичи. Наши дети умирали с голоду, и нам нужно было что-нибудь поесть. В том регионе водились бизоны, и мы переезжали, просто разбивали лагерь то тут, то там и сражались с нашими врагами-индейцами по мере продвижения вперед, чтобы добыть дичь, которая была в этой стране. Мы вели эту битву с рассвета до трех часов пополудни, и все белые люди были убиты. Я думаю, что Кастер был очень храбрым человеком, раз сражался со всеми этими индейцами со своими немногочисленными людьми с рассвета и почти до захода солнца.

ИСТОРИЯ ВОЖДЯ ПЛЕМЕНИ СИУ, КОТОРЫЙ УПРАВЛЯЕТ ВРАГОМ

Я сражался при Кастере с отрядом сиу из ста тридцати двух голов крупного рогатого скота под моим командованием. Благодаря храбрости и успеху, которых я добился в предыдущих сражениях, я смог командовать войсками в этом сражении. Мы два дня стояли лагерем в долине Литл-Биг-Хорн. На третий день мы собирались свернуть лагерь и двинуться дальше, но старики прошли через лагерь, сказав, что пробудут там еще один день. После того, как по лагерю разнесся крик, что [стр. 171] мы должны остаться, всех лошадей отпустили и они паслись на холмах к северу, западу и югу, а мы отдыхали в лагере. Все было тихо. Я подошел к большому вигваму, где было несколько ведущих мужчин, и мы сидели там, разговаривая и куря. Около десяти часов отряд сиу, посетивший лагерь и разошедшийся по домам, примчался обратно с известием о приближении солдат. Мы с трудом могли поверить, что солдаты были так близко, и мы не были сильно подавлены этим сообщением по двум причинам: солдаты вернулись в Вайоминг, и мы не думали, что они были достаточно близко, чтобы напасть на нас; и из истории всего нашего племени, на протяжении многих поколений, никогда не было известно, что солдаты или индейцы нападали на лагерь сиу днем; они всегда ждали наступления ночи. А мы все еще сидели и курили. Вскоре мы услышали ружейный выстрел, и пули просвистели по лагерю с другой стороны реки. Я оставил свою трубку и побежал так быстро, как только мог, как и все остальные, к нашим палаткам. Когда я подбежал к своей палатке, по лагерю пронесся крик: "Солдаты здесь! Солдаты здесь!" Индейцы, которые пасли лошадей на холме, бросились к лагерю вместе с лошадьми, и пыль поднялась, как дым. Когда я добрался до своей палатки, мужчины, которые пасли лошадей, завели их туда, и они кричали. Я схватил свой ружье и патронташ, и шум и неразбериха были такими сильными, что мы не понимали, что делаем. Женщины бежали к холмам, и мое сердце бешено колотилось. В верхней части лагеря все еще стреляли пушки. У меня не было времени надеть свою боевую шляпу; я вскочил на лошадь, которая у меня была, и рванул туда, откуда велась стрельба. Первое, что я увидел, когда добрался до линии фронта, была лошадь с уздечкой, со свисающими веревками, и мертвый сиу. Когда я добрался до этой линии фронта — я думал, что действую быстро, но обнаружил там уже много сиу — они мчались вверх по холму. Мы все были голые, а солдаты в вьючных седлах, в мундирах и на своих черных лошадях походили на огромных буйволов. Все сиу поднимались на холм. Мы увидели одинокого индейца на холме, спускавшегося к солдатам и реке. Мы не могли видеть его, когда он спускался с холма, но мы могли видеть дым, идущий из-под головы его лошади, и мы все подумали, что он собирается напасть на солдат, и мы все бросились в атаку. Казалось, что этот один индеец привлек внимание всех солдат, и все они стреляли в него. Когда мы увидели, что весь дым направляется к солдатам, это дало нам шанс атаковать с этой стороны, и мы все бросились в атаку. Когда мы бросились в атаку, мы обратили их всех в паническое бегство. Из-за дыма и пыли мы не могли видеть солдат, когда

они отступали к [стр. 173] реке. Сиу были свежими, и мы вскоре догнали их. Мы проехали мимо чернокожего человека в солдатской форме и схватили его. Он повернулся на лошади и выстрелил индейцу прямо в сердце. Тогда индейцы выстрелили в этого человека и изрешетили пулями его лошадь. Его лошадь упала на спину, и чернокожий человек не мог подняться. Я увидел его, когда проезжал мимо. Позже я увидел его лежащим мертвым. Мы сражались с ними, пока они не покатались и не упали, и в конце концов им пришлось войти в реку, которая была очень глубокой. Мы заставили их переправиться через реку. Местность вокруг реки в те дни была очень густо покрыта лесом. Мы загнали часть солдат в лес, а других - через реку и вверх по холму. В то время я не знал имени командира солдат, но позже услышал, что это был Рено. Позже я также услышал, что они устроили большой суд и обвинили его в трусости, но я похвалил его за то, что он поспешил в лагерь. Причина, по которой я похвалил его, заключалась в том, что у него было всего несколько солдат, а наш лагерь был большим лагерем, и он ворвался в лагерь со своими немногочисленными солдатами. За всю историю моего прадеда я никогда не слышал о такой атаке при дневном свете. После того, как они отступили за холмы, и мы убили большое количество из них, битва была закончена. Этим утром я был на поле битвы в Кастере и заметил, что там нет памятников солдатам [стр. 174], которые пали на поле битвы в Рино. Когда мы закончили битву при Рино и возвращались в лагерь, мы увидели двух мужчин на холмах Рино, которые изо всех сил размахивали двумя одеялами. Двое из нас подъехали к тому месту, где они были, и они крикнули нам, что приближается настоящий товар, и они собираются забрать наших женщин и детей. Я пошел туда вместе с остальными, выглянул из-за холмов и увидел наступающих солдат. Когда я посмотрел вдоль линии хребта, они, казалось, заполнили весь холм. Казалось, их были тысячи, и я подумал, что мы наверняка будем разбиты. Когда я вернулся, я увидел сотни сиу. Я посмотрел им в глаза, и они выглядели по-другому - они были полны страха. Затем я собрал свою собственную группу, снял ленты с волос, а также рубашку и брюки и выбросил их, не сохранив ничего, кроме пояса с патронами и пистолета. Я думал, что большая часть сиу падет сегодня: я паду вместе с ними. Как раз в это время появился Сидящий Бык. Он сказал, как будто я мог слышать его в этот момент: "Птица, когда она находится в своем гнезде, расправляет крылья, чтобы накрыть гнездо и яйца и защитить их. Он не может использовать свои крылья для защиты, но может хихикать и пытаться отогнать врага. Мы здесь, чтобы защитить наших жен и детей, и мы не должны позволить солдатам заполучить их". Он был верхом на гнедом коне и скакал от одного конца строя к другому, выкрикивая: "Вступайте в храбрый бой!" [стр. 175], - сказал он. Мы все прятались за грядой холмов. Пока Сидящий Бык рассказывал это, я поднял глаза и увидел, что шайенны окружили Кастер с западной, северной и восточной сторон, и это оставило брешь на южной стороне, которую нам предстояло заполнить. Затем мы заполнили брешь, и когда мы это сделали, то посмотрели на сторону шайенов, и среди шайенов была женщина, которая была ближе всех к солдатам, пытавшимся сражаться с ними. Пока Кастер был полностью окружен, ни с одной из сторон не было слышно стрельбы. Затем сиу атаковали с тыла, стреляя в людей, и эта стрельба так напугала лошадей, что они бросились на гребень холма, и многие лошади были подстрелены. Ответный огонь был настолько сильным, что сиу пришлось снова отступить за холм. Я оставил там своих людей и велел им удерживать эту позицию, а затем помчался вокруг холмов и подошел к северному краю поля, недалеко от того места, где сейчас стоит памятник. И я увидел сотни и сотни индейцев в оврагах повсюду вокруг. Индейцы спешили, связали своих лошадей в кучу и спустились в овраги, стреляя в солдат со всех сторон. С того места, которое выступает чуть ниже того места, где стоит памятник, около тридцати из нас прорвались через строй, стреляя на ходу, захватили много лошадей Кастера и погнали их к реке. Лошадям так хотелось пить, что в тот момент, когда мы добрались до реки, они просто стояли и [стр. 176] пили и пили, и это дало нам

возможность слезть с наших лошадей и взяться за уздечки. Все они были нагружены снарядами, одеялами и всем, что солдаты носили с собой. Как раз в этот момент я вернулся к своим людям, а солдаты все еще сражались на холме, рядом с ними было несколько их лошадей. Как только я вернулся, несколько солдат бросились вниз по ущелью к реке, и, казалось, по ущелью потянулся большой столб дыма. Это отступление солдат вниз по ущелью было встречено наступлением индейцев от реки, и все, кто не был убит, снова вернулись на холм. После того, как солдаты вернулись с холмов, они встали всей группой. Последовала еще одна атака, и они отступили вдоль линии хребта; это было похоже на паническое бегство бизонов. Во время этого отступления вдоль хребта солдаты были встречены моим отрядом индейцев, а также другими индейцами племени сиу. Теперь солдаты прорвали строй и разделились, часть из них направилась вниз по восточному склону холма, а часть - к реке. Остальные вернулись туда, где на холме была устроена последняя битва, но тогда их было немного. Затем солдаты собрались группой там, где сейчас стоит памятник — я посетил памятник сегодня и подтвердил свои воспоминания о нем, — и тогда все солдаты и индейцы смешались. Вы не смогли бы отличить одно от другого. В этой последней атаке я принимал участие, и когда [стр. 177] был убит последний солдат, дым горой поднялся над нашими головами, и солдаты были навалены один на другого мертвыми, и тут и там среди солдат попадались индейцы. Мы были так взволнованы во время битвы, что убили наших собственных индейцев. Я видел, как одного из них ударили по голове боевым топором, а других ранили стрелами. Закончив, мы вернулись в лагерь. После нападения я не видел ни одного скальпированного солдата, но я видел, как индейцы складывали в кучу свою одежду, и по всему холму шла стрельба, потому что индейцы искали раненых солдат и расстреливали их насмерть. Как только я вернулся в лагерь, я услышал, что из-за холмов приближается вьючный обоз. Я посмотрел из-за холмов и увидел, что сиу и шайенны движутся в ту сторону. Я остался ненадолго, чтобы присмотреть за женой и детьми. После того, как я нашел свою семью, я расстрелял свои снаряды и, получив новый запас патронов, направился к обозу. Когда я добрался туда, начались бои. Вьючный состав уже укрепился, соорудив окопы. Индейцы снаружи вели огонь по нему, а солдаты внутри вели огонь по индейцам. Во время этого последнего боя солнце садилось. Когда стемнело, стрельба продолжалась; вы могли видеть вспышки орудий в окопах. Индейцы подползали и выпускали стаю стрел в окопы, а затем разбежались [стр. 178] прочь. Это продолжалось всю ночь. Я не остался, а пошел домой. На следующее утро я пошел туда и обнаружил, что индейцы все еще окружали вьючный обоз и бой все еще продолжался. Мы держались на большом расстоянии и продолжали стрелять. Все солдаты были меткими стрелками, и в тот момент, когда мы подняли головы, они выстрелили в нас и чуть не попали. Среди всех индейцев разнеслась весть о том, что они должны остаться там, и что все солдаты в окопе скоро настолько высохнут, что им придется выбираться наружу, и мы доберемся до них. Я не совсем помню, но думаю, что было около полудня — мы удерживали их до тех пор, — когда из нашего лагеря внизу на равнине пришло известие, что вверх по реке поднимается большая группа солдат — генерал Терри со своими людьми. Как только мы услышали это, мы отпустили вьючный обоз и побежали обратно в наш лагерь. Мы сразу же свернули лагерь и побежали вверх по Литл-Биг-Хорну, или Жирному ручью, как его называют индейцы. Если бы не подошедший генерал Терри, у нас был бы этот обоз, потому что все они были сухими — у них не было воды в течение двух дней. После того, как мы убили Кастера и всех его людей, я не особо задумывался об этом. Солдаты первыми открыли по нам огонь, и мы открыли ответный огонь. Сидящий Бык уговаривал нас и все племена храбро сражаться, и мы это сделали. Когда мы убили всех солдат, мы почувствовали, что выполнили свой долг, и почувствовали, что [стр. 179] это была великая битва, а не резня. Что касается истинной причины этой борьбы, я могу сказать, что среди

индейцев ходили разговоры о том, что они собираются заставить нас остаться в резервации и отобрать у нас нашу страну. Нашей целью было двинуться на север и уйти как можно дальше на север от племен. Нашей целью не было сражаться с Воронами или каким-либо другим племенем, но мы узнали, что солдаты преследуют нас, пытаясь заставить вернуться в резервацию, а мы пытались сбежать от них. Во время битвы при Кастере на наши палатки никто не нападал, но после битвы женщины собрали своих мертвых мужей и братьев, аккуратно разложили их в вигваме и ушли. Я понимаю, что после того, как мы оставили вигвамы стоять, держа на руках наших мертвых, пришли солдаты и сожгли вигвамы. По моим оценкам, в этой битве участвовало около двух тысяч здоровых воинов; все они были в хорошем боевом порядке. Ружья и боеприпасы, которые мы подобрали у погибших солдат под командованием Кастера, привели нас в лучшее боевое состояние, чем когда-либо прежде, но среди индейцев царило мнение, что мы убили достаточно и больше не хотим воевать. Было много споров о количестве убитых индейцев. Самая близкая оценка, которую мы можем сделать, заключается в том, что пятьдесят сиу были убиты в бою, а другие умерли вскоре после этого от полученных ран.

[стр. 180]

Две луны , пока он сражался с Кастером

ИСТОРИЯ ВОЖДЯ ДВУХ ЛУН—ВОЖДЯ ШАЙЕНОВ, РАССКАЗАННАЯ ТАМ, ГДЕ ПАЛ КАСТЕР

Был сентябрьский день. Иней начертал азбуку наступающей зимы — обещали снег. С Вождем Двух Лун и его переводчиком мы поднимались по унылым склонам, ведущим к памятнику и могилам погибших Кастеров. Вождь Двух Лун занял свою позицию у камня, на котором написано: “Бревет генерал-майора Джордж А. Кастера, 7-й кавалерийский полк США, пал здесь 26 июня 1876 года”. Крошечный флажок развевался у этого камня, отмечая место, где герой дал свой последний бой. Холмы вокруг нас были мрачного оттенка; небо сохраняло брачные узы с пейзажем. Холодные серые тучи нависли над хребтами, вдоль которых Кастер ехал с “Дерзким Седьмым”. Они окутали вершины хребта Биг-Хорн на далеком горизонте серым и пурпурным. Осенняя трава в прериях увяла и тоже скрипела среди камней. Сердце учащенно забилося при виде Вождя Двух Лун, высокого и крепкого индейца с римским лицом, стоящего среди белых плит, где тридцать три года назад, одетый в белую рубашку, красные гетры, без боевого шлема, он скакал на белом коне, нанося смертельные удары мальчикам в синем, и этими смертельными ударами завершилась последняя великая битва краснокожих против Белых. Эхо битвы слышится снова, когда Две Луны рассказывают свою историю:

[стр. 181]

“Кастер поднялся по гребню и пересек горы справа от памятника. Шайенны и сиу поднялись по ущелью от подножия холма Рино и сделали круг. Я вел шайенов, когда мы поднимались. Кастер выступил из-за хребта, на котором сейчас стоит его памятник, и расставил своих солдат по всей линии хребта. Они поехали дальше, туда, где стоит памятник, вниз в долину, пока мы не скрылись из виду. Шайенны и сиу подошли справа, в долине Литл-Биг-Хорн. Кастер расположил своих людей группами вдоль этого гребня. Они спешили. Люди, которые спешили вдоль гребня, похоже, позволили своим лошадям спуститься с другой стороны хребта. У тех, кто был на холме, где сейчас стоит памятник, и где я сейчас стою, были серые лошади, и все они были на открытом месте. Сиу и шайенны поднимались по долине, толпясь, как муравьи, к стаду серых лошадей с Длинной шерстью. Я повел шайенов вверх по длинной линии хребта из долины, загораживающей путь солдатам, и крикнул своим братьям-шайеннам: ‘Вперед, дети, не бойтесь!’ И они погнались за мной, крича и стреляя. Мы прорвали строй солдат и перевалили через хребет. Другой отряд индейцев и сиу появился из-за хребта, и когда я добрался туда, я слез со своего белого коня и велел своим людям ждать, и мы [стр. 182] зарядили наши ружья и выстрелили в первый отряд, который был совсем рядом с нами. При первом же залпе все войска, по которым мы стреляли, были убиты. Мы продолжали стрелять вдоль хребта, на котором были размещены войска, и продолжали наступать. Я снова погнал свою лошадь обратно вдоль хребта и позвал своих детей следовать за мной. Многие из моих братьев-шайенов были убиты, и я подстегнул свою лошадь и сказал им, чтобы они ехали вперед, что это последний день, когда они увидят своего вождя, и я снова направился к стаду серых лошадей на вершине холма. Индейцы последовали за мной, крича и стреляя. Я не мог прорвать строй у стайки серых лошадей, и я развернулся и поехал влево по долине, а шеренга солдат была обращена ко

мне, пока я шел, стреляя в меня, и все мои люди стреляли в солдат. Затем я поехал вверх по гребню налево. Я встретил индейца в большом военном колпаке и тут же увидел раненого солдата. Я убил его, спрыгнул с лошади и снял с него скальп. Индейцем, которого я встретил, был Черный Медведь, шайенн. Затем я спустился с хребта и подъехал к группе из четырех мертвых солдат; на одном из них была красная фланелевая рубашка, у троих других были красные полосы на рукаве, у одного было три полосы, у другого было три полосы и меч. Все они были хорошо одеты, и я спрыгнул с лошади и забрал их одежду и оружие. Когда я обернулся, то не увидел ничего, кроме солдат и индейцев, стоявших вперемешку. Едва ли можно было отличить одно от другого. [стр. 183] Проезжая вдоль хребта, я обнаружил, что почти все солдаты убиты. Я снова подъехал к хребту, вдоль которого были расквартированы войска Кастера. Я нашел двоих или троих убитыми и видел, как один убегал, чтобы забраться на вершину высоких холмов за ними, и мы погнались за ним и убили его”.

“Вся долина наполнилась дымом, и пули летали вокруг нас, издавая шум, подобный пчелиному. Мы почти ничего не слышали из-за грохота выстрелов. Когда стреляли пушки, сиу, шайенны и солдаты, один падал в одну сторону, другой в другую, вместе с грохотом орудий, я никогда не забуду. Наконец мы увидели, что Кастер и его люди собрались группой на склоне холма, и мы начали обходить сиу и шайеннов круг за кругом, и все мы устремились на Кастера и его людей, стреляя в них, пока не был застрелен последний человек. Затем мы спрыгнули с наших лошадей, отобрали у них оружие и сняли с них скальпы”.

“После окончания боя мы собрались на дне реки и нарубили ивовых прутьев, затем нескольким индейцам было поручено пойти и бросить палку туда, где они найдут мертвого солдата, а затем им было приказано снова поднять палки, и таким образом мы подсчитали количество погибших. Примерно шесть раз нам приходилось рубить ивовые прутья, потому что мы продолжали наткаться на людей по всему гребню. Мы насчитали четыреста восемьдесят восемь человек с нашими палками вдоль гребня. Мы пытались сосчитать [стр. 184] погибших там, в долине, когда с другой стороны подошел генерал Терри, и мы убежали. После окончания битвы индейцы обошли все хребты и долину, чтобы посмотреть, смогут ли они найти еще солдат, поскольку они были полны решимости убить всех до единого. На следующее утро после боя мы отправились за Рино Филд и разбили лагерь у реки Блэк Лодж. Затем мы шли вдоль реки Блэк Лодж, пока снова не вернулись к Литл-Биг-Хорну. Затем мы разбили лагерь в Литл-Биг-Хорне, постоянно перемещая наш лагерь, опасаясь преследования со стороны солдат”.

Перед битвой при Кастере мы перешли реку Тоун и обнаружили лагерь солдат. Мы бросились на них и забрали всех их лошадей, а солдаты убежали в кусты. Мы знали, что за нами будут другие солдаты; мы знали о том, где они были, и мы чувствовали, что они будут преследовать нас. У Паудер-Ривер солдаты напали на наш лагерь и все разрушили, и это привело нас в бешенство. Когда солдаты пришли за нами в день битвы при Кастере, мы были готовы убить их всех. Солдаты все время преследовали нас, и нам приходилось сражаться”.

Пустынные участки прерий, еще более пустынные могилы, жалкие остатки краснокожих — победителей на этом поле боя — глухая тишина этих унылых склонов холмов, непреходящая доблесть двухсот семидесяти семи человек, которые положили свои [стр. 185] жизни на кроваво-красный алтарь, пока одинокая фигура великого полководца не подняла свой бесполезный меч против воющей орды диких воинов, на мгновение блеснувший в июньском солнечном свете, а затем упавший на землю, окропленный кровью,

- это торжественная картина, которая навсегда останется в памяти человечества. национальная галерея сражений.

ВЫВОДЫ

Честная игра - непреложное кредо. Справедливость по отношению к мертвым - одна из заповедей этого кредо. Пусть споры разгораются вовсю. Пусть меч будет обнажен перед лицом искажения фактов и неправды. Генерал Кастер был смелым и рыцарственным офицером. Он снискал лавры на многих тяжелых полях сражений под небом Юга - он был стратегом, храбрым и непоколебимым. Он с отличием и успехом участвовал в западных кампаниях. Он знал, как справиться с мастерским командованием своих коварных врагов-индейцев. До сих пор его тактика приносила победу. Приказы, в соответствии с которыми он теперь отправлялся в бой, были определенными до определенного момента — затем, как гласит протокол Военного министерства, он должен был действовать по своему усмотрению и инициативе. Он был вынужден следовать этим курсом, поскольку шел по дикой и непроходимой пустоши, далеко удаленной от его базы снабжения и абсолютно без средств связи со штабом, а также [стр. 186] без возможности отслеживать передвижения каких-либо вооруженных сил на поле боя. Справедливо будет заявить, что высокопоставленный генерал, ответственный за эту кампанию против индейцев, доверял генералу Кастеру, иначе, зная индейца как бойца, зная характер пустынных участков местности, которые предстоит пересечь, — трудности, с которыми придется столкнуться при простом передвижении войск, — уничтожение любого соединения войск, когда они достигнут не нанесенных на карту равнин, разрезанных надвое ущельями и усеянных непроходимыми холмами, он бы растерялся, если бы не были отданы приказы, допускающие свободу действий в момент чрезвычайной ситуации. Кастер был достаточно силен, достаточно храбр и достаточно мастерски владел ситуацией. Его тактика была тактикой, которую он применял ранее и много раз, и всегда с блестящим успехом. В этот июньский день он привел бы отважный “Седьмой” к победе и разгромил, если не покорил, великий лагерь индейцев. Он был разбит и убит со всем своим командованием. Они пали на своих постах в боевом порядке. Почему? Вся группа индейских воинов, участвовавших в этой жестокой битве, свидетельствует, что, если бы Рено предпринял свою атаку, когда впервые атаковал индейский лагерь, они бы бежали в замешательстве, поскольку нападение было неожиданным. Индеец всегда ожидал ночного нападения. Они также свидетельствуют, что после того, как Рено предпринял атаку с частью своих людей, таким образом [стр. 187], наполовину истощив свои эффективные боевые силы, и в отчаянии совершил свое неуклюжее отступление, если бы он позже пришел на помощь Кастеру с дополнительным подкреплением в виде Бентина, Френча и Вейра, которые умоляли его прислушаться к призыву Кастера к быстрым залпам, Кастер бы разбил лагерь индейцев. Рено оставался на холме, пока не замолчали все орудия. Рено потерпел неудачу. Кастер был убит. Этот вывод - голос индейца.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ ИНДИЙСКИЙ СОВЕТ

[стр. 188]

Кабибонок Ка, Северный Ветер, налетел маршем из пещер и снегов севера, хлеща и унося ослепляющие порывы дождя и мокрого снега. Ни-ба-нау байги, Духи Воды, открыли свои фонтаны, и бурные воды реки Литтл-Биг-Хорн устремились дальше, вырывая берега, вдоль которых на равнине ютились мириады вигвамов индейского лагеря. Ветер в кронах деревьев ревел, как далекий гром. Собаки прятались в любом укрытии. Лошади стояли спиной к буре, их хвосты намокли и были зажаты между ног. Створки вигвамов были закрыты, и натянутые на шесты ленты из сыромятной кожи затрещали, как резкий ружейный выстрел. Женщины и дети тесно сгрудились вокруг костра вигвама. Это была великая весенняя гроза, последний победный порыв зимы. Там, в центре всего этого мокрого круга вигвамов, стоял дом совета. Внутри собрались великий вождь, его знахари и воины. Они окружили пылающие бревна, мало обращая внимания на меланхоличную ночь, которая была созвучна печальным мыслям их собственных сердец. Пепел остыл в чашечке трубки совета, когда во главе круга вождь Изобилия [стр. 189] Переворотов, вождь всего Народа Кроу, поднялся со своих одеял, отложил трость переворота и обратился к своим братьям:

“Земля, на которой мы стоим, - священная земля. Это прах и кровь наших предков. На эти равнины Великий Белый Отец в Вашингтоне послал своих солдат, вооруженных длинными ножами и винтовками, убивать индейцев. Многие из них спят вон на том холме, где Пахаска — Белый Вождь Длинноволосых — так храбро сражался и пал. Еще несколько заходящих солнц не увидят нас здесь, и наши прах и кости смешаются с теми же прериями. Я вижу, как в видении, гаснущие искры костров нашего совета, холодный и белый пепел. Я больше не вижу клубящегося дыма, поднимающегося от столбов наших вигвамов. Я больше не слышу песен женщин, готовящих еду. Антилопы ушли; загоны для бизонов опустели. Слышен только вой койота. Лекарство белого человека сильнее нашего; его железный конь мчится по тропе бизонов. Он говорит с нами через своего ‘шепчущего духа’. ” (Индийское название телеграфа и телефона.) “Мы как птицы со сломанным крылом. У меня похолодело сердце. Мои глаза тускнеют — я стар. Прежде чем наши краснокожие братья отправятся в счастливые охотничьи угодья, давайте закопаем томагавк. Давайте ломаем наши стрелы. Давайте смоем нашу боевую раскраску в реке. И я прикажу нашим знахарям сказать женщинам, чтобы они приготовили большое ложе совета. Я пошлю [стр. 190] наших охотников в горы и сосны за оленями. Я пошлю своих гонцов к жилищам Черноногих, где на далеком севере цветы граничат со снегом на холмах. Я пошлю их через огненную пустыню к

жилищам апачей на юге. Я пошлю их на восток, к жилищам сиу, воинов, которые встречались с нами во многих тяжелых битвах. Я пошлю их на запад, где среди гор обитают кайюсы и уматиллы. Я прикажу останцам установить дымовые сигналы на всех высоких холмах, созывая вождей всех племен вместе, чтобы мы могли встретиться здесь как братья и друзья на одном великом последнем совете, чтобы мы могли вместе съесть наш хлеб и мясо, выкурить трубку совета и попрощаться как братья, чтобы никогда больше не встречаться". Буря утихла. Утренний кувшин, казалось, был опрокинут, и аромат нового весеннего дня, благоухающий ароматом растений, яркий от солнечного света и пения птиц, разлился над оживленным индейским лагерем. Проходили недели. В лагерь прибежали гонцы, ворвавшиеся в жилище великого вождя, возвещая о приближении процессии вождей с севера; другие герольды сообщили о большом отряде на холмах, идущем с востока и с запада, а вожди воинов с юга остановились за пределами лагеря. Вожди всех великих племен услышали призыв, увидели дымовой сигнал, и теперь равнина полна лошадей и ярко раскрашенных всадников, спешивающихся перед домиком совета.

[стр. 191]

Удивительное свечение красок бросается в глаза. Волнение и интерес наполняют воздух, когда эти ветераны равнин входят в дом совета. Затем вождь переворотов Изобилия принимает вождей; их приветствуют одного за другим с учтивым и грациозным достоинством. Когда совет был собран, вождь Изобилия Переворотов положил свою переворотную трость и мешочек для трубки на землю и на языке жестов поприветствовал вождей из многих стран.

"В глубине души я рад стоять сегодня здесь, на этой индейской земле, и сердечно приветствовать всех вождей, собравшихся из различных племен со всех концов Соединенных Штатов. Это прекрасный день с ярким солнечным светом; это радостный день для меня. Я радуюсь, что в этот счастливый день мы все можем встретиться здесь как друзья, съесть наш хлеб и мясо в общении, выкурить трубку совета и трубку мира. Я рад сердечно приветствовать вас всех. А потом мы должны попрощаться, но мы уходим друзьями, чтобы никогда больше не встретиться. Я рад видеть вас здесь".

Затем вождь Двух Лун, предводитель шайенов в битве при Кастере, встал, пожал руку вождю Изобилия Переворотов и сказал:

"Это радостный день для меня, и в глубине души я рад, что мы все можем встретиться в качестве вождей различных племен со всей страны. Это великий день для всех нас, потому что между нами больше нет войн, и мы встречаемся в мире, чтобы провести этот последний великий [стр. 192] совет вождей и выкурить трубку мира. В глубине души я рад, что из нас, собравшихся здесь, будет сделана эта великая картина, потому что наши старые вожди быстро вымирают, и наши старые индийские обычаи скоро исчезнут из виду, и грядущие поколения ничего не будут знать о нас, но эта картина заставит нас жить все эти годы. И наши дети и их дети пожнут плоды. Я рад, что мы здесь".

Шатающийся от старости и почти слепой, Тин-Тин-Мет-Са, главный вождь индейцев уматилла, подтянулся, опираясь на трость, взял вождя Изобилия Коупса за руку и сказал:

“Я пришел сюда сегодня и рад познакомиться со всеми вождями, и особенно с вождем Изобилия Переворотов, вождем племени Ворона. И я очень рад встретиться со всеми вами и обрести мир. В этот день мы встретились как индейцы и как братья, и теперь мы сидим здесь, на этой земле, и курим трубку мира. Мы встречаемся как братья, которые были вдали друг от друга много лет. Некоторые из нас никогда раньше не видели друг друга, и сегодня мы встречаемся и пожимаем руки этим вождям, которых больше никогда не увидим. Хотя когда-то эти люди были нашими врагами, сегодня мы живем в мире, и я очень высокого мнения об этом вожде, и я очень высокого мнения обо всех вождях. Я думаю, что это великий день для всех нас. Я не могу сказать вам больше ни слова, поскольку я в преклонном возрасте”.

[стр. 193]

Умапин, главный вождь племени Кайюсе, одетый, пожалуй, в лучшие регалии из всех вождей совета, с большим достоинством и грацией обратился к вождю Изобилия Переворотов:

“Мы все вожди разных племен встречаемся здесь, в этой стране, стране, которую некоторые из нас, возможно, никогда больше не увидят. Я ценю вашу доброту за то, что вы приветствуете нас. Мы все, индейцы, живем в мире друг с другом, а также с нашими белыми братьями. Я очень рад познакомиться со всеми вами. Я надеюсь, что в будущем мы будем уважать друг друга, а также наших белых братьев, потому что все мы, каждый из нас, принадлежим к животному царству. Это все для вас, мои дорогие друзья, желаю вам крепкого здоровья”.

Красное Облако, главный вождь племени Огаллалла сиу, в своей пленительной манере обратился к вождю племени Изобилия Переворотов:

“Сегодня я стою здесь, чтобы пожать руку вождю Народа Кроу и всем вождям племен, собравшимся из разных уголков нашей страны. Я стою здесь, на этой огромной равнине, залитый ярким солнечным светом. Я хочу, чтобы вы посмотрели мне в лицо, и я надеюсь, что Великий Небесный Отец, который посмотрит на нас сверху вниз, даст всем племенам Свое благословение, чтобы мы могли уйти с миром и жить в мире все наши дни, и что Он посмотрит сверху вниз на наших детей и, наконец, вознесет нас далеко над этой землей; и что наш Небесный Отец будет смотреть на наших детей как на Своих детей, [стр. 194] чтобы все племена были Его детьми, и когда мы пожмем друг другу руки сегодня на этой широкой равнине, мы сможем вечно жить в мире. Сегодня мы собрались здесь как вожди со всей страны; мы вместе едим хлеб и мясо, мы курим трубку мира и пожимаем руку мира. А теперь мы уходим как один вождь, и я надеюсь, что мы останемся братьями и друзьями на всю нашу жизнь и расстанемся с добрыми сердцами. Сегодня я рад пожать руки своим братьям и друзьям, хотя я никогда их больше не увижу. Когда белый человек впервые пересек океан,

индеец взял его за руку и поприветствовал. Этот день заставляет меня думать о том времени, и теперь я говорю "прощай".

Горный вождь, главный вождь индейцев черноногих, возможно, самый энергичный оратор на языке жестов в совете, приветствовал вождя Изобилия Переворотов такими словами:

"Я прошел через равнины и из-за далеких гор, чтобы встретиться с этими вождями, собравшимися на совет, и я очень рад, что я здесь, чтобы увидеть этих индейских вождей из всех различных племен, и мое сердце открыто для всех вас, как для моего собственного брата. Мы выкурим трубку мира и пожмем руку всем разным вождям, и я буду радоваться вечно и буду смотреть на это как на один из величайших дней в моей жизни. Мы расстаемся друг с другом с миром и добрым сердцем, но никогда больше не встретимся".

[стр. 195]

Медвежий Призрак, вождь янктонских сиу, с большим спокойствием и обдуманностью сказал:

"Я рад, что нахожусь здесь, чтобы мирно пожать руку всем собравшимся вождям различных племен. Это великий день для меня и для всех нас. Я рад, что об этом совете будет сделана запись, чтобы он мог жить для будущих поколений. Я рад, что могу выкурить трубку мира и что с печальным, но довольным сердцем я могу попрощаться со всеми вождями".

Командующая фигура Кун-Ка-За-Чи, выдающегося вождя апачей, стояла перед вождем Изобилия переворотов, привлекая внимание всего совета: "Сегодня, когда я стою перед вами, я вспоминаю множество жестоких сражений, которые мое собственное племя, апачи, вело с кайова, шайеннами, сиу и другими племенами. Многих из присутствующих сегодня вождей я встречал раньше на поле боя, но мое сердце радуется, когда я пожимаю руки всем вождям, зная, что теперь мы все в мире. Мы курим трубку мира. Мы встречаемся как друзья и братья. Я рад встретиться со всеми этими вождями перед смертью в мире, как до этого встречался с ними на войне. Это великий день для меня, ибо я проделал долгий путь по равнинам юга, и я вернусь домой, унося с собой память об этом совете и об этих вождях, которых я больше никогда не увижу. Я говорю "прощай"!"

Керли, скаут Кастера, продвинулся вперед с большой готовностью и [стр. 196] непринужденностью и взял за руку главного переворота Изобилия. Согласно обычаю Воронов, он не отложил свою трость для переворота, но сделал жест одной рукой. Он сказал:

"Дорогой брат Изобилие Переворотов, сегодня я здесь, чтобы поприветствовать вас и всех этих других вождей, вождей, которые когда-то были моими врагами. Моим сердцем я соприкасаюсь с этим великим полем битвы и этим великим памятником, воздвигнутым моему дорогому Кастеру, с которым и за которого я сражался. Он пал вон на той вершине холма, почти на расстоянии вытянутой руки от этого здания совета. И мое сердце радуется, что я могу пожать руки этим вождям, с некоторыми из которых я сражался вместе с

Кастером на том великом поле битвы. Я поклялся себе никогда не откладывать в сторону этот жезл для переворота, пока кровь течет у меня по пальцам, но сегодня, глядя в лица этих великих вождей, которые когда-то были моими врагами, я решил, что никогда больше не возьму в руки жезл для переворота, что я буду жить как брат всем племенам и в мире со всеми людьми. Я прощаюсь с вождями, последнее, печальное прощание”.

После того, как эти и другие выдающиеся вожди ответили на приветственное обращение вождя Изобилия Переворота, согласно индийскому обычаю, все они были рассажены рядами на земле полукругом, более выдающиеся вожди - в первом ряду, шеренги отступали назад, пока не достигли линии стены ложи. Каждый вождь был облачен в свои полные боевые регалии и носил с собой все свои церемониальные и священные знаки отличия. Маленькая армия [стр. 197] переворотных палок, всегда поднятых вверх, представляла собой наводящую на размышления картину, поскольку эти переворотные палки многих вождей из многих стран рассказывали историю борьбы и достижений, но в речах вождей каждая переворотная палка должна была стать залогом мира.

Теперь, следуя древнему обычаю, все еще сидя, индианка, принадлежащая к племени черноногих и одетая в полный костюм своего народа, вместе с двумя шайеннскими девушками, одетыми в костюмы своего конкретного племени, вошли в ложу совета, неся деревянные миски, наполненные мясом и хлебом. Это они подавали вождям с помощью деревянных вилок. Для них это было церемонией причащения. Когда все отведали, Главный Переворот Изобилия взял две трубки с длинными чубуками и чашами из красного песчаника, украшенными символическими украшениями по всей длине чубуков, — трубки, которые были наполнены знахарями и положены на землю перед местом стояния великих вождей в центре ложи. Затем вождь Изобилие Переворотов раскурил одну трубку и передал ее вождям слева от себя, а вторую раскурил сам, а затем передал ее направо, каждый вождь по очереди курил трубку, затем передавал ее своему брату-вождю, пока все не выкурили трубку совета. Когда трубки были возвращены Chief Plenty Coups'у, они снова были набиты и раскурены Великими [стр. 198] Вождь, и передал остальным. И это стало Трубкой мира.

Эти индейские советы были законодательными залами племен; сюда вожди и воины приносили все важные вопросы. Здесь обсуждались все племенные проблемы. Здесь решалась судьба любого конкретного племени. Здесь принималось решение начать войну. В этих ложах совета, у пылающего костра, индейцы произносили речи более красноречивые, чем Питт или Чатем в Сент-Стивенсе или Вебстер в зале Сената, ораторское искусство, которое объединило разрозненные индейские племена и далеко разделенные кланы в такую мощную силу, что индеец, несмотря на во много раз более могущественные силы, чем он сам, смог противостоять агрессии цивилизации.

Когда возникала необходимость в решении вопросов такого рода, вожди всех племен собирались на торжественный совет. Тогда совет означал войну. Наконец наступил день, когда индейцы как раса были завоеваны белым человеком. Ряды вождей становились все тоньше и тоньше, пока в наши дни не осталось лишь нескольких великих воинов. Эти представители былого величия и доблести собрались в своих мирных вигвамах из многих далеких земель, чтобы еще раз и в последний раз провести совет старых времен. В этот день совет был за мир, и доминирующая, резонансная [стр. 199] нота звучала в каждом высказанном чувстве; если бы мы не знали, что они были индейцами, и не знали, что это был совет индейцев, мы бы сказали, что это была Мирная конференция в Гааге.

Стоять в присутствии этих могущественных людей равнин, быть свидетелем их благородства, слушать их красноречие, думать вместе с ними о великих мыслях их мертвого прошлого, смотреть на их серьезные лица, трепетать перед достоинством их властной осанки, лелеять мысль обо всем, кем они были и кем могли бы стать, осознавать, что, покидая эту ложу совета, они навсегда повернулись друг к другу спиной, и что, садясь на коней и уезжая к своим далеким ложам, они едут навстречу закату и, наконец, теряются в пурпурном сиянии. вечерние туманы заставляют самую холодную страницу истории гореть огнем на алтаре, который никогда не погаснет.

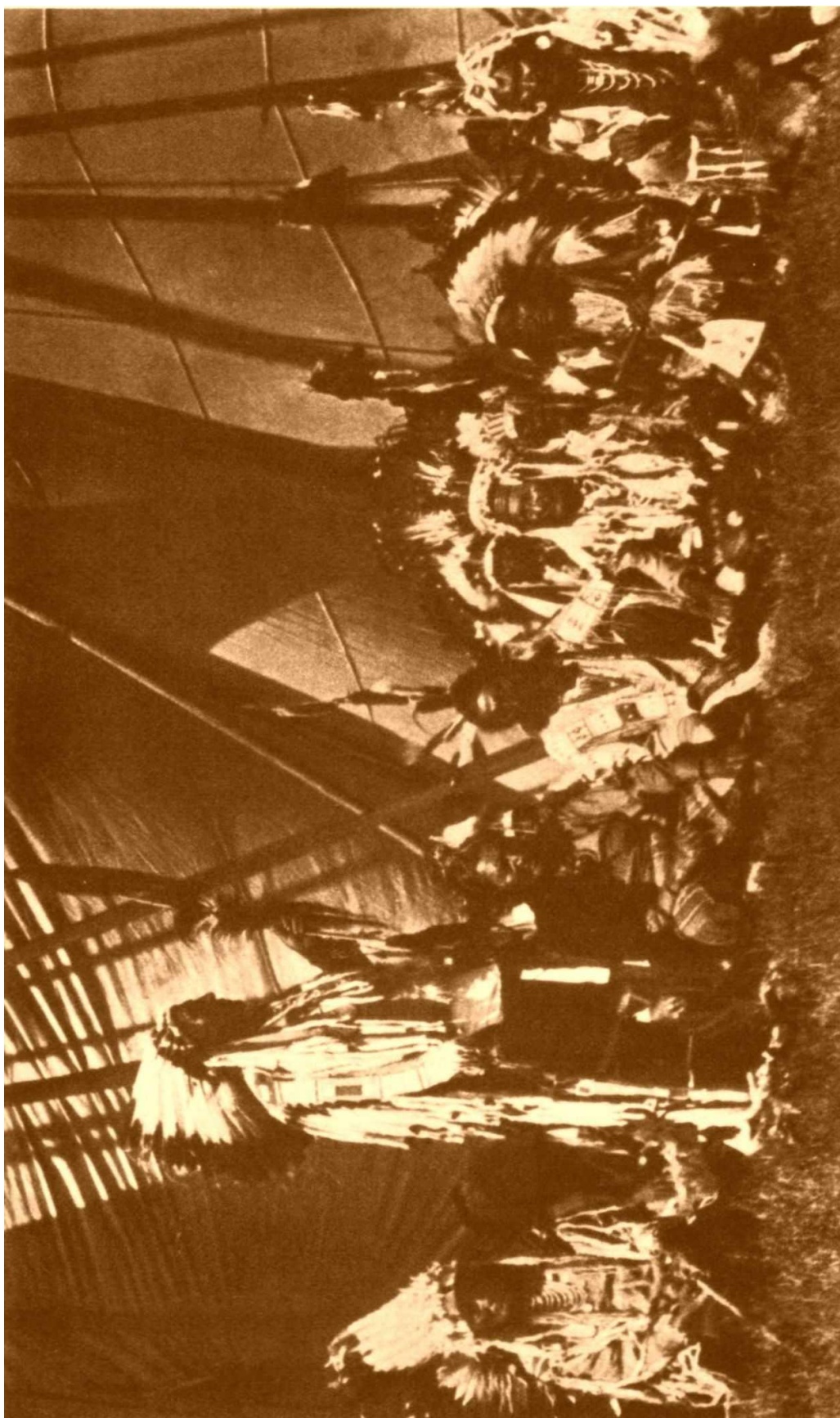

Трубка Совета

ИНДИЙСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОСЛЕДНЕГО ВЕЛИКОГО СОВЕТА

[стр. 200]

Человеку, изучающему дела индейцев, поначалу могло показаться, что собрание великих вождей всех индейских племен в военной рубаше и военных шапочках, с дубинками для переворотов, томагавками, копьями, луками и стрелами, ружьями и тамтамами обязательно вновь подчеркнет индейцу величие его бывшего престижа, и это впечатление приобретет такой размах, что последуют пагубные результаты; но всегда проявлялись бдительные и прилежные усилия внушить индийскому сознанию, что этот последний великий совет вождей имел в качестве своей доминирующей идеи необходимость благополучия индейца, чтобы он жил в мире со своими собратьями и всеми людьми, а также создание прочной исторической записи о быстро исчезающих манерах и обычаях североамериканских индейцев. Эта первостепенная идея так быстро овладела умами индейцев, что совет стал не только историческим памятником, но и школой для привития высочайших идеалов мира. То, что урок был хорошо преподан и усвоен, становится поразительно очевидным по миролюбивым настроениям вождей, выраженным в их речах на совете, и по их впечатлениям от предстоящего совета:

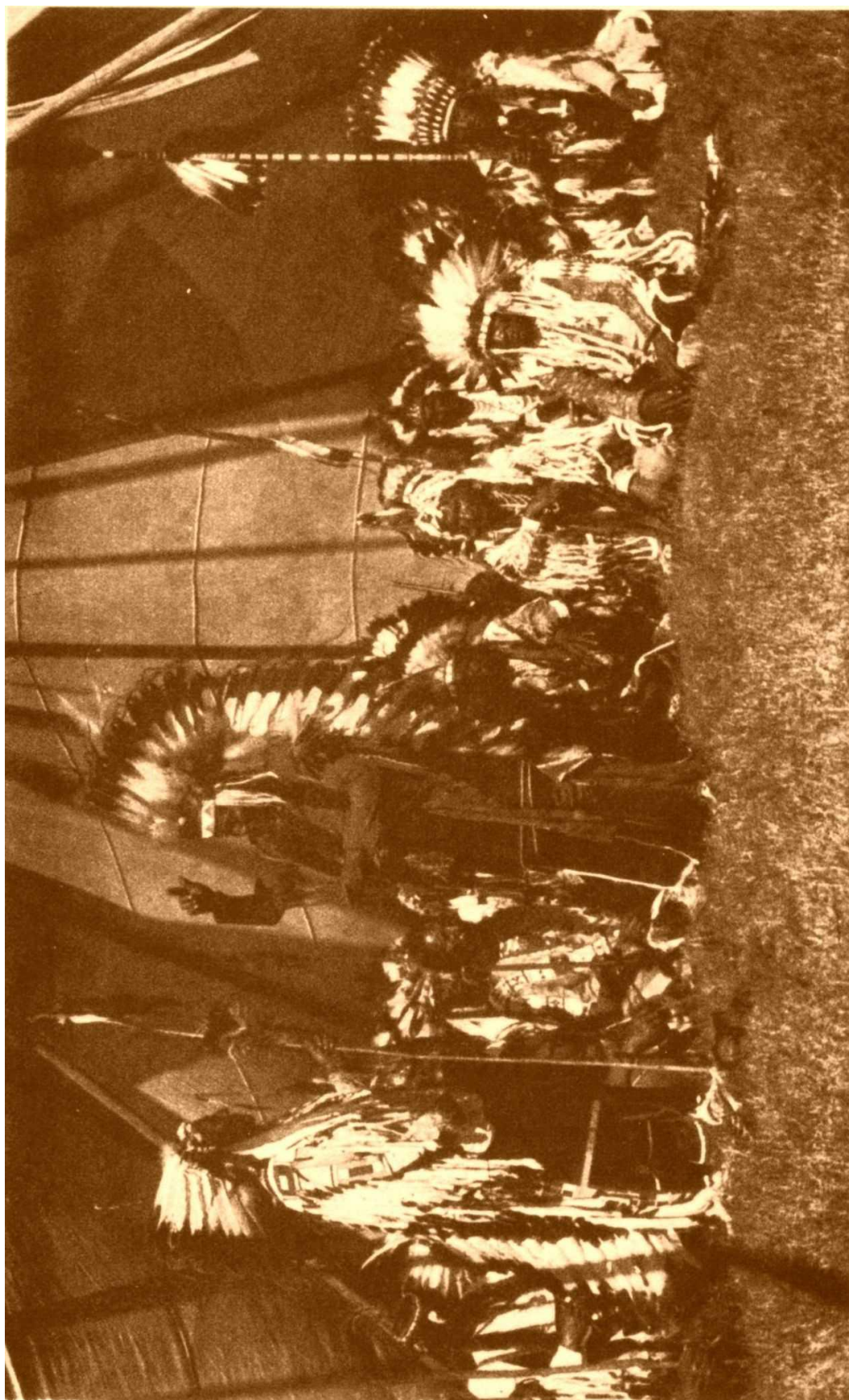

Главный государственный переворот, выступающий перед Советом

ГЛАВНЫЙ ПЕРЕВОРОТ ИЗОБИЛИЯ: Сегодня у меня очень радостное сердце [стр. 201] потому что мне выпала честь приветствовать вождей всех великих племен со всех концов Соединенных Штатов здесь, на этих прекрасных равнинах Монтаны. Я рад, что в этот прекрасный солнечный день мы смогли встретиться вместе. Я рад приветствовать в качестве своих гостей индейских вождей, которых я никогда не видел, и что я мог приветствовать их с открытым сердцем, есть с ними хлеб и мясо, выкуривать трубку мира и приветствовать всех вождей как братьев. Когда над нами взошло яркое солнце, доктор Диксон встретил всех нас в мире и дружелюбии, и все мы относимся к нему с добрым сердцем. Его приход привел к приходу вождей, которых я никогда раньше не видел и никогда больше не увижу, и как вождь Народа Кроу я рад сердечно приветствовать его и всех этих вождей и отпустить их с миром, и я чувствую, что все они мне как родные братья. В течение моей жизни, с первых дней моей жизни, я сражался с другими народами еще до того, как белый человек ступил в эту страну, тогда Великий Отец приказал, чтобы мы прекратили сражаться и жили в мире. До этого мы захватывали лошадей друг у друга и убивали со всех сторон. И вот сегодня мы собрались на этот великий совет как вожди и друзья. Великий Отец снова добр к нам, разрешив нам провести эту встречу, и я смотрю на всех этих вождей и все племена как на своих друзей. И когда заходит яркое солнце, я молюсь, чтобы наш Небесный Отец позволил Своему благословию сойти на всех вождей и все племена, и чтобы мы могли уйти из этого великого дня счастливыми и в мире. В прежние дни мы находились в состоянии непрекращающегося конфликта; потом к нам пришел дядя Сэм и сказал, что мы должны жить в мире. И с тех пор у нас были земельные наделы, были построены школы для обучения наших детей, и как иллюстрация чувств моего сердца сегодня - все племена встретились здесь, и мы встретились в мире, и встретились как один человек. Мы все как братья - табак всех племен подобен табаку одного человека, и мы все вместе выкурили трубку мира. Из борьбы этих старых дней мы вышли в спокойный и безмятежный свет такого дня, как этот. Это я считаю величайшим событием в моей жизни, и ради моей страны я буду жить, и в моей стране сохранится мир, поскольку я испытываю мир по отношению к своей стране.

КЕРЛИ: Со времен моего детства я никогда не видел ничего более замечательного. Мы видели здесь вождей со всех Соединенных Штатов. Это было замечательно. Вы первый человек, который осуществил подобное. Я наслаждался этим гораздо больше, чем могу выразить словами. Мысль об этом была великой мыслью, одной из величайших мыслей нашего времени. Многие из наших индейцев побывали в Вашингтоне, и увидели Великого Белого Отца, и увидели великие вещи. Всех этих индейских вождей привезли сюда, чтобы мы могли увидеть их и [стр. 203] поговорить с ними на языке жестов, и я думаю, что это самое замечательное.

ВОЖДЬ КРАСНЫЙ КНУТ: Я думаю, это отличная идея. Я рад познакомиться с вождями всех племен. Я никогда не видел их раньше. Пройдет совсем немного времени, и все эти великие вожди умрут, а молодое поколение прочтет историю этих вождей и увидит эти фотографии, и я рад, что запись ведется.

Вождь Кун-Ка-За-Чи Обращается к Совету

ВОЖДЬ КУН-КА-ЗА-ЧИ: Я никогда раньше не видел, чтобы столько вождей собиралось вместе. Я встретил здесь очень много вождей, которых никогда раньше не видел. Когда меня попросили приехать сюда, я услышал, что это было сделано с целью записи альбома, и для меня эта мысль была хорошей. В глубине души мне жаль, что я должен попрощаться со всеми этими вождями.

ГЛАВНАЯ БЕГУЩАЯ ПТИЦА: Мне шестьдесят лет, и когда я пришел на эту землю, это была земля, которую я никогда в жизни не видел. Я встретил вождей, которых никогда раньше не видел. Я слышал о них, но не видел. Я был очень рад приехать сюда и увидеть старинные вигвамы, похожие на те, в которых жили наши отцы. Я сам вырос и возмужал в таком типе, и у меня было хорошее здоровье. Теперь, когда нам дали дом для проживания, я совсем не здоров. Я уже старею и набираю в годах силу, и все, чего я желаю сейчас, в настоящее время, это чтобы мои дети выросли трудолюбивыми и работали, потому что они не могут добиться почестей на войне, как я привык [стр. 204] получить их — теперь они могут добиться почестей только упорным трудом. Я могу только научить своих детей, что путь к почестям — это идти на работу и быть хорошими мужчинами и женщинами. Этот совет укрепил эти впечатления. Я пойду домой и расскажу другим индейцам и нашему агенту о совете, потому что встреча вождей всегда будет жить в моей памяти.

ВОЖДЬ ХРАБРЫЙ МЕДВЕДЬ: Встреча всех вождей, моих друзей и тех, кто мне незнакомы, наполняет мое сердце радостью. Я думаю об этом, и когда я вернусь, я все еще буду думать об этом, и это будет так, как если бы я был здесь. Я никогда не забуду этих людей, сидящих здесь, как моих друзей, пока я жив. К нам относились по-доброму, и я этого никогда не забуду. Я хотел бы написать небольшую приятную историю об этой встрече, чтобы я мог показать ее своим друзьям.

ВОЖДЬ УМАПИН: Я прибыл из далеких гор Орегона, чтобы встретиться с вождями на совете. Я не понимаю их языка; я могу разговаривать с ними только знаками, но я испытываю к ним большое уважение. У каждого из нас две руки, две ноги, два глаза, два уха, но один нос, один рот, одна голова и одно сердце. Все мы дышим одним воздухом; следовательно, все мы братья. Во время моего путешествия в эту страну, где в прежние годы я гонялся за бизонами и сражался с враждебными сиу, которые приходили, чтобы украсть наших лошадей и женщин, я видел старые бизоньи тропы, по которым эти огромные звери обычно шли гуськом, каждый [стр. 205] шел по следам другого, пока не протапывал глубоко свой след. Снега многих зим прорезали тропу глубоко, как оросительную канаву, и когда я думал о буйволах, то плакал в своем сердце. Я держал этих великих вождей за руку, я был рад встретиться с ними; теперь я должен попрощаться навсегда, и на сердце у меня еще более одиноко, чем когда я думаю о буйволе.

ШЕФ TIN-TIN-MEET-SA: Моя идея этой встречи заключается в том, что мы делаем великое дело. Я уже в преклонном возрасте и чувствую себя чужим по отношению к этим людям, которых я впервые встретил здесь, в этом месте. Я знаю, что после окончания этой встречи мы все вернемся в нашу собственную страну, вероятно, никогда больше не увидимся и не поговорим друг с другом. Человек, которого послали сюда для выполнения этой работы, был очень добр к индейцам и является подходящим человеком для выполнения такого рода работ. Работа, которую он выполняет, является одной из величайших работ, которые когда-либо были сделаны. Запись, сделанная здесь, не исчезнет. Скоро нас всех не станет, но запись будет длиться. У меня нет никаких обид ни на кого в этом лагере, и я беспокоюсь только о своем сене дома.

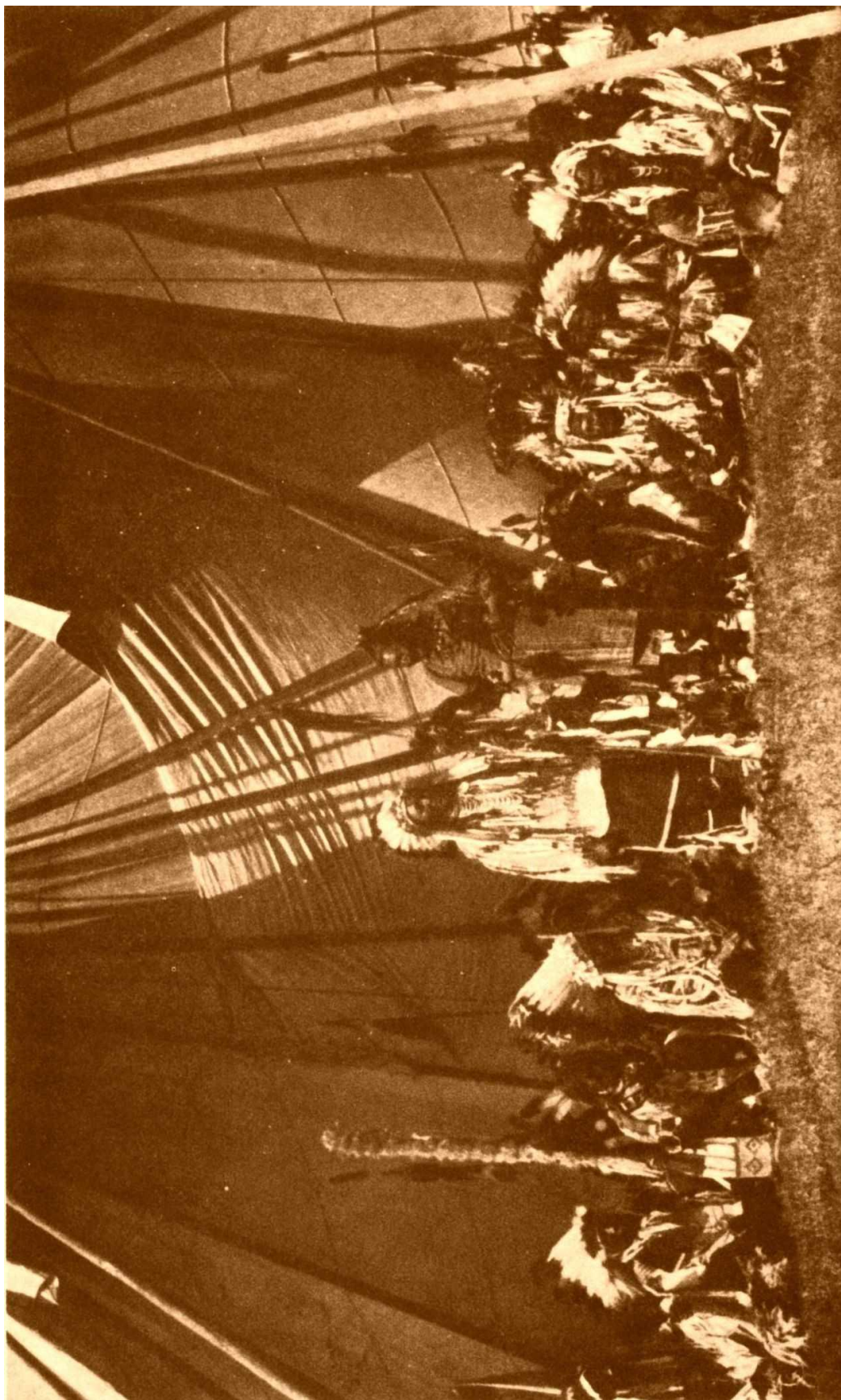
ШЕФ PRETTY VOICE EAGLE: Встреча вождей является для меня великим событием во многих отношениях. Во-первых, я был рад приехать сюда и познакомиться с вождями со всей страны, увидеть многих, кого я никогда раньше не видел, и поговорить с ними на языке жестов. Для меня это великий знак, что мы все встретились здесь, [стр. 206] встретились в мире. У нас было это чувство до того, как мы пришли, но теперь, когда мы здесь и можем видеть друг друга лицом к лицу, это чувство усилилось. Во-вторых, была придумана отличная идея - прислать сюда человека, который записывал бы наши речи и делал наши фотографии, обдумывал и обсуждал старые времена и записывал их. Для меня это большое достижение. В этом смысле это большое достижение: мы не можем поехать в Вашингтон; мы не можем представить себя там, но фотографии и записи будут сохранены там и в больших городах, чтобы говорить за нас. Я хочу нарисовать небольшую иллюстрацию. Вы говорите на языке, о котором мы ничего не знаем. С помощью вашего народа вы обучили молодежь, и через них мы можем говорить с вами, и разные переводчики могут говорить с вами от имени разных племен, и таким образом мы все можем говорить с вами и рассказывать нашу историю. Таким образом, я хочу указать на разницу между стариками и молодежью. Иллюстрация, которую я привел, кажется мне сном. Я вижу прогресс, которого наша раса достигла к настоящему времени. Наша раса постоянно меняется, и эта встреча останется прекрасным воспоминанием для всех представленных здесь индейцев. Эта встреча очень много значит для моего племени. Одно из самых больших чувств благодарности, которые я испытываю по поводу этой встречи, заключается в том, что я надеюсь, что мои внуки и их правнуки прочтут речи, с которыми я здесь выступил, и увидят мои фотографии.

[стр. 207]

ГЛАВНЫЙ БЕГУЩИЙ РЫБОЛОВ: Я думаю, что в созыве вождей есть отличная идея, потому что от нас что-то останется, когда мы все уйдем. Эти записи и фотографии будут жить, когда мы все умрем. Я рад, что имел честь встретиться со всеми этими вождями из всех племен. Мне грустно при мысли о том, что я больше не встречу с этими вождями, потому что я хотел бы встретиться со всеми ними еще раз, но я почти уверен, что мы больше никогда не встретимся.

Главный управляющий Фишер умер в течение двух недель после возвращения домой из совета.

ВОЖДЬ "БЫК-НЕ-ПАДАЙ-": Эту встречу великих вождей на совете я считаю одним из величайших событий в моей жизни. Сюда приехали вожди со всех концов Соединенных Штатов, вожди, которых я никогда раньше не видел и которых никогда больше не увижу. У нас была возможность увидеть их лица, пожать им руки и поговорить с ними на языке жестов. Со времени великого совета вождей на реке Платт в 1867 году мы не видели ни одного из них в лицо до сего дня. Тогда мы были на тропе войны — на этом совете мы встречаемся с миром. Я был одним из первых индейцев кроу, заключивших мир с сиу после того, как мы вышли на тропу войны, и теперь я могу попрощаться со всеми вождями с миром в сердце за всех людей.

Глава Двух Лун Обращается к Совету

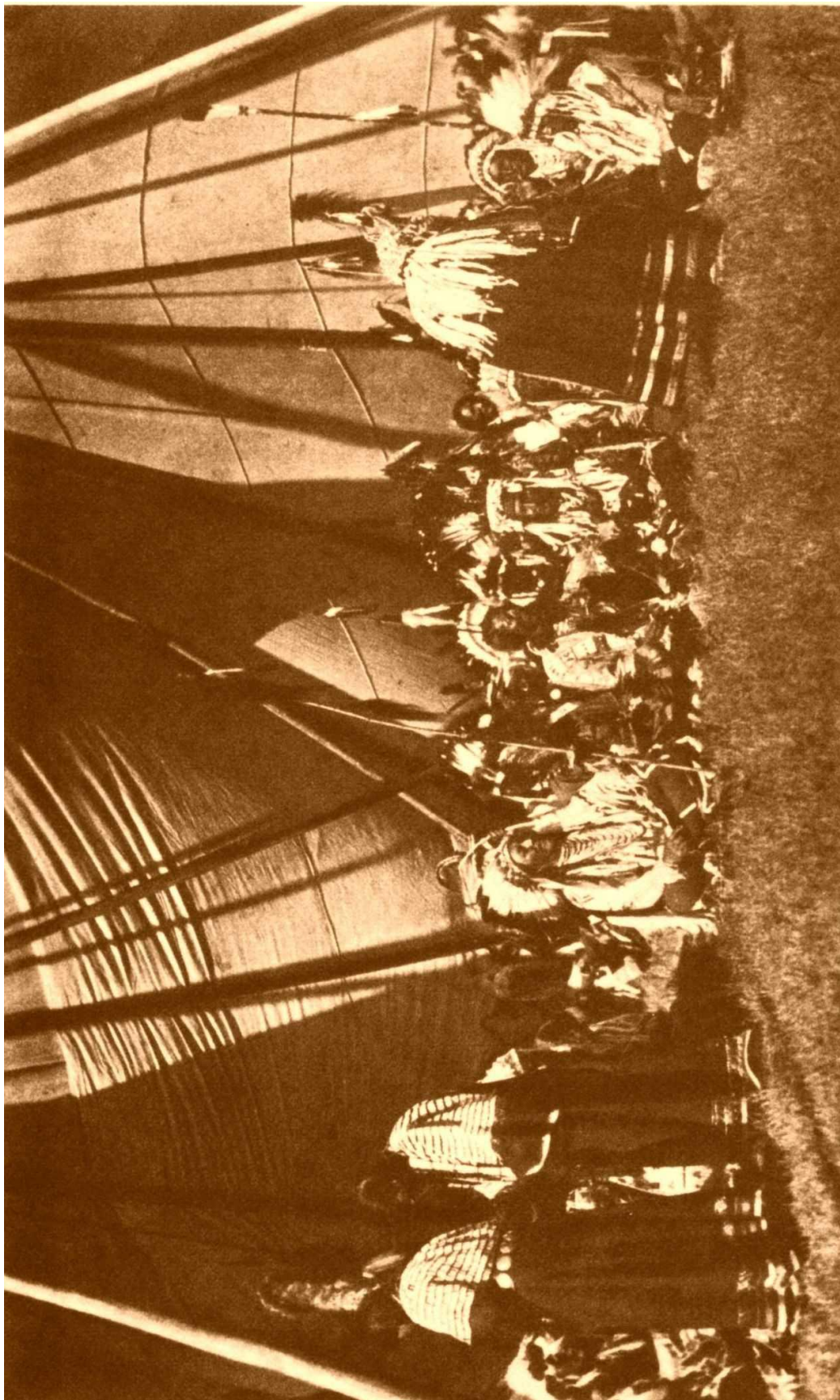
ГЛАВА ДВУХ ЛУН: Я чувствую, что участвую в великой [стр. 208] работе, помогая создать эту историческую картину великого индийского совета. Я руководил шайеннами во стольких битвах, и моя жизнь была настолько насыщенной, что, когда я приехал сюда, я чувствовал себя стариком, но после встречи с вождями, участия в великом совете и воспоминаний о своей прежней жизни для этой записи я снова чувствую себя молодым человеком. Это великий день для всех нас, потому что между нами больше нет войн, и мы встречаемся в мире, проводим этот великий совет вождей и курим трубку мира. В глубине души я рад, что из нас, собравшихся здесь, будет сделана эта великая картина, потому что наши старые вожди быстро вымирают, и наши старые индийские обычаи скоро исчезнут из виду. Этот рекорд сохранится для наших детей, и их дети пожнут плоды. Я рад, что мы здесь, но моему сердцу жаль расставаться.

ВОЖДЬ КРАСНОЕ ОБЛАКО: Я думаю, это великое и благое дело. Хорошие вещи пришли к нам от белого человека. Когда белый человек пересек океан, мы услышали, что он придет, потому что здесь была суша, и он принес нам еду. Приход этого человека для создания этих картин, которые будут сохранены в Вашингтоне и показаны в больших городах, означает для нас благо, потому что грядущие поколения будут знать о наших манерах и обычаях. Кроме того, приятно познакомиться со всеми этими вождями, которые друг другу как братья. Мы никогда не встречались с ними раньше; мы никогда больше не увидим их лиц, и это, [стр. 209] поэтому, я думаю, великое и благое дело - провести этот последний совет вождей.

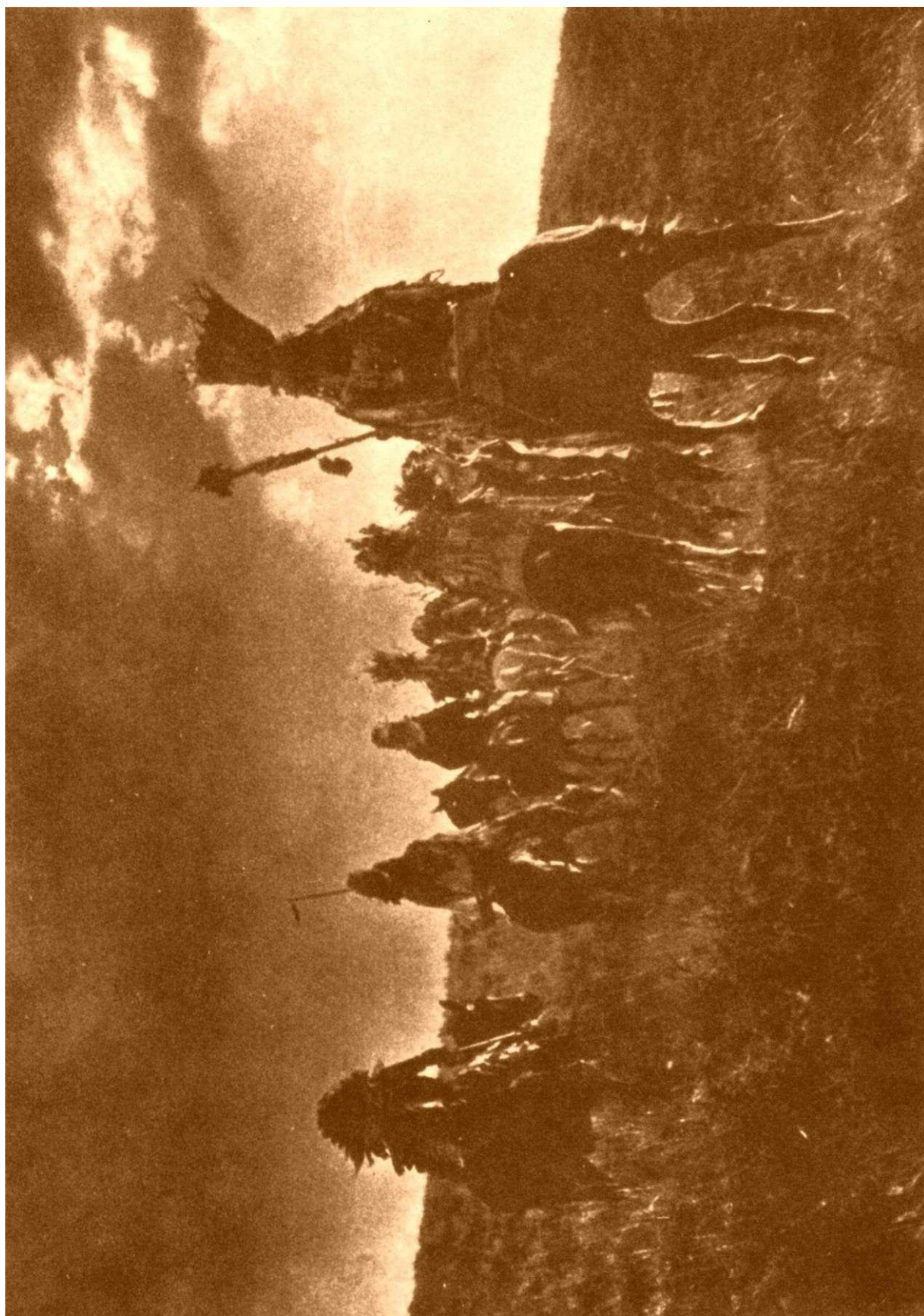
ГОРНЫЙ ВОЖДЬ: Я думаю, это было одно из величайших событий, которые когда-либо происходили, когда мы проводили этот великий совет. Это запомнится навсегда. Что касается меня, то пройдет совсем немного времени, прежде чем я отправлюсь в счастливые охотничьи угодья, но я оставил эту запись для грядущих поколений. Пока я сидел в совете, я думал о прошлом, когда мы не видели лиц друг друга, за исключением стрельбы из ружей, а теперь мы встретились с представителями разных племен на совете, чтобы поговорить друг с другом на языке жестов. Это показывает, что правительство сильнее индейцев. Я думаю, что было здорово собрать этих вождей вместе, и пока я жив, я буду рассказывать эту историю своим детям и внукам. Я думаю, что Вождь Двух Лун и Вождь Изобилия Переворотов были двумя величайшими людьми в совете. Они произвели на меня большее впечатление своей внешностью, чем кто-либо другой. Две Луны не был принаряжен, но он показал, что он мужчина. Я чувствую, разговаривая здесь с вами, что мы все братья. И я прощаюсь со всеми вождями с печальным сердцем.

ВОЖДЬ БЕЛАЯ ЛОШАДЬ: Этот совет всех вождей кажется мне замечательной идеей. Я встретил очень многих, кого никогда раньше не видел, и это было для меня большой неожиданностью, и мое сердце наполнилось радостью. Эти разные племена индейцев были [стр. 210] врагами друг другу на протяжении многих поколений назад, но сейчас мы живем в мире друг с другом уже много лет. Но теперь мы все встречаемся здесь и видим друг друга. Я думаю, что ваша идея делать заметки и записывать нашу жизнь и фотографировать нас, наши индийские костюмы и наши манеры - отличная идея. Сейчас я достаточно взрослый и не рассчитываю прожить очень долго, но я очень рад, что эта запись будет сделана и помещена в архив в доме Великого Отца в Вашингтоне. Еще одна вещь, которую я хотел бы сказать: мы все говорим на разных языках, и все мы беспомощны, как дети, и мы хотим, чтобы вы помогли нам в наших нуждах в наши последние дни. Моя поездка сюда была первым разом, когда я сел на железного коня, и есть очень много уроков, которые я извлек из своей поездки сюда. Когда я приехал сюда и увидел всех индейцев, говорящих на разных языках и выглядящих по-разному, и я увидел все, что происходило, и услышал их речи на

языке жестов, я подумал, что это одно из самых важных событий в моей жизни. Первый урок, который я получил, катаясь на железном коне, состоял в том, что я увидел кареты, заполненные белыми людьми, и когда я вошел, все они посмотрели на меня так, словно я представлял для них большое любопытство. Когда я впервые увидел белых людей, я почувствовал себя отсталым — они так сурово смотрели на меня. Я чувствовал себя отсталым, но в конце концов почувствовал себя спокойнее, потому что подумал: "Я все равно умру". Я посмотрел на белых людей и их одежду, и я посмотрел на потолок [стр. 211] вагона, и я подумал, что все это замечательные вещи. Я выглянул в окно, и поезд мчался так быстро, что мне показалось, будто я на крыльях огромной птицы. Мы ехали так быстро, что я не мог разглядеть то, что находилось совсем рядом с вагоном. Когда мы обычно путешествовали на наших пони, нам требовалось много дней, чтобы добраться до этого места. Но в поезде нам потребовалось полдня, чтобы добраться до Майлз-Сити, и это была одна из вещей, которая заставляла меня бояться. Кажется невероятным, почему поезда ходят так быстро, и мне пришла в голову такая мысль: это о белых людях, которые настолько образованны, что могут заставить железного коня так быстро передвигаться по стране. Мое желание состоит в том, чтобы индейцы стали похожими на белых людей и смогли что-то изобретать, но мне приходит в голову мысль, что это будет невозможно. Когда мы летели, как птица, я выглянул в окно, увидел страну, над которой я когда-то охотился, и мысль о буйволе вернулась ко мне, и я заплакал в своем сердце. Когда я вернусь домой, я рассчитываю остаться там и никогда больше не покидать свою страну. Я больше никогда не увижу эту землю. Я рассчитываю умереть дома. Когда я вернусь домой, я расскажу своим людям о путешествии, которое я совершил в поезде, и о том, что я видел, и о моем визите в эту великую страну, о речах, которые мы произносили, о сделанных фотографиях, и я знаю, что когда я расскажу им, они будут рады.

Индийское Причастие

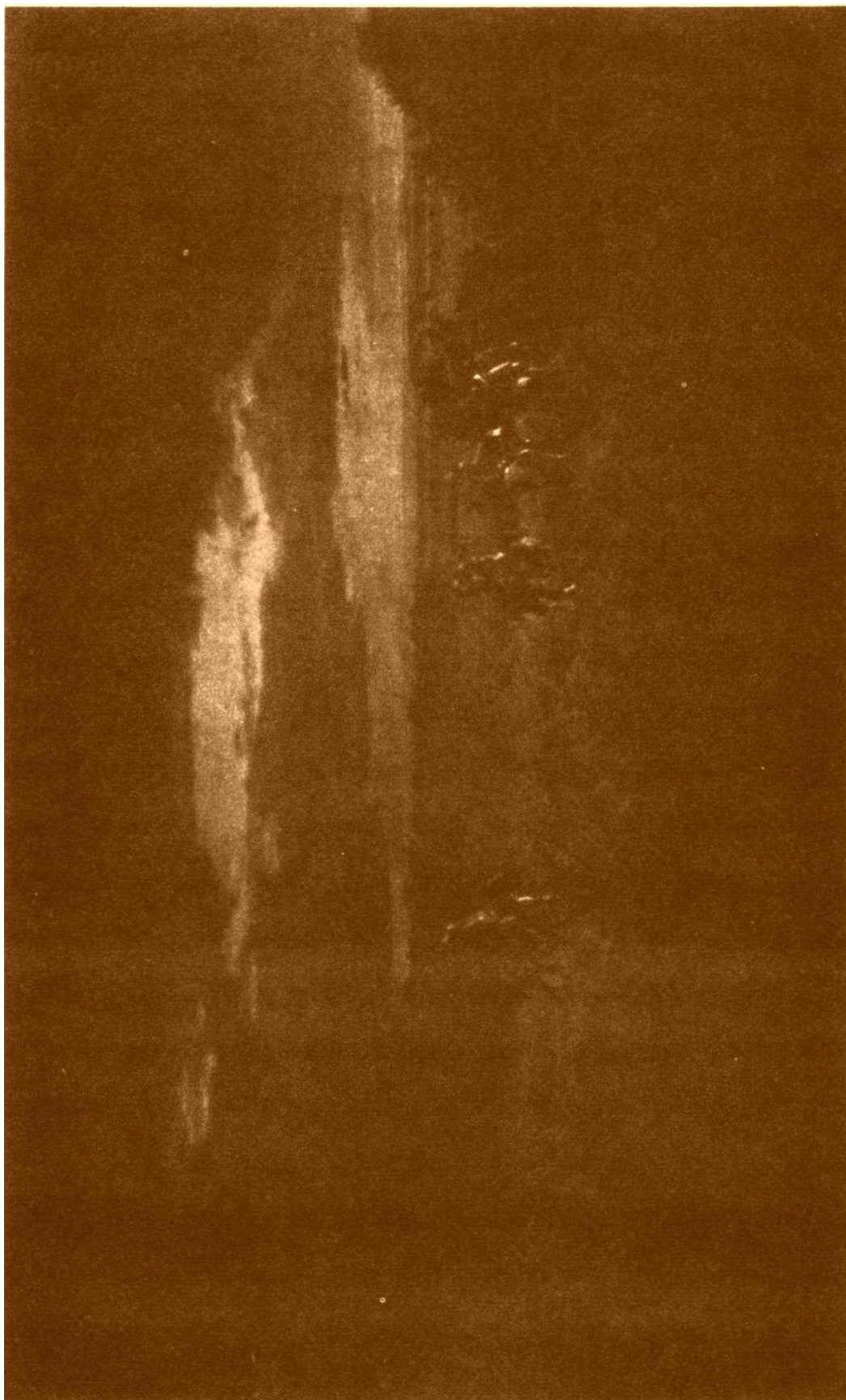
Последний след

ПРОЩАНИЕ ВОЖДЕЙ

[стр. 212]

Мы стоим в центре огромной окружности. Индийский мир в последний раз поворачивается вокруг своей оси. Все созвездия, которые давали ему свет, сгорели. Индийский космос выглядит мертвым на фоне растущего блеска неувядающих звезд цивилизации и истории. Торжественный час проходит, не отмеченный никаким природным катаклизмом — вулкан и землетрясение не произносят ни слова — тьма и буря не срывают завесу с этого разрушающегося храма жизни. В сгущающихся сумерках все безмолвствует — все речи вульгарны. Произнести здесь хоть слово было бы профанацией. Остатки расы собрались в поисках убежища в священных стенах своей ложи совета. Пепел от трубки совета был разбросан по земле. В тишине, глубокой, проникновенной, внушающей благоговейный трепет, старая индийская гвардия — Последний из Великих Вождей - не нарушала тишины. Кто может просить смерть отступить? И кто заковал в кандалы веления судьбы? В мировых летописях нет героизма и отваги более возвышенных и стойких, чем те, что представлены в летописях красного человека. Но приближается время восхождения на вершину. Эти древние герои, немногочисленные, должны своими собственными ногами в мокасинах измерить расстояние в ярдах и дюймах [стр. 213] от этого домика совета до могилы - могилы их расы. Вторгаться в их мысли было почти святотатством. Старый вопрос о резном Сфинксе читался на каждом бронзовом лице. Далекий крик холмов и равнин - воспоминания о прежних днях — прорезал новые морщины, пока лоб каждого сурового воина не стал похож на страницу в книге судьбы. Они снова увидели медленно поднимающийся столб дыма, как на восходе солнца, когда с далекой вершины холма раздавался призыв к вождям собраться. Воспоминания о старых днях тронули их сердца. Снова они увидели пылающие костры совета и снова услышали пламенные речи своих братьев, когда они советовались о войне или благополучии племени. Кровь юности снова заструилась в их жилах, когда они снова почувствовали, что могут заседать в совете, как в старые времена, а затем спокойно умереть. Были доставлены старые боевые шапки и рубашки; трость для переворота с трепещущими орлиными перьями, старинные луки и стрелы. Любимую лошадь накрыли одеялом, и путешествие началось. Старые сцены и ориентиры стали новыми. Здесь они пересекли реку, по стремительным водам которой в прежние дни преследовали врага. Вон там был овраг, где с захватывающим терпением они пытались устроить засаду врагу. Там была равнина, которая когда-то была полем битвы. Перевалив через поросшую соснами вершину холма, они пошли по старой бизоньей тропе. И вот они добрались до домика совета. Они отведали хлеба и мяса. Они [стр. 214] обменялись приветствиями и поклялись в братстве и мире. Каким знакомым все это казалось! На одно прекрасное мгновение они снова стали настоящими индейцами. Та же самая историческая река вилась среди пурпурных холмов и сквозь кружево ольховых и осиновых деревьев, которые подобно зеленой ленте украшали долину. Каким мирным казалось даже это место — когда-то тоже место битвы. И теперь перед глазами маячил далекий отрезок лет: снова мальчишки, ловящие лисиц, учащиеся стрелять из лука, который в конце концов попал в теленка буйвола; поимка

и приручение дикой лошади; первый военный отряд; первый скальп и, как следствие, честь среди племени; первая удачная попытка засчитана; орел, подстреленный ради заветного пера, которое для всех мужчин должно быть залогом победы; затем любовь к индейской девушке, пони, меха и вышивка бисером, добровольно отданные в обмен на эту новую любовь; строительство нового дома. Мысли о воюющих сторонах и ожесточенной борьбе на войне; подсчитанные другие перевороты, снятые другие скальпы - вот мысли, которые зажгли новые алтарные огни. В воображении огромные стада тяжеловесных буйволов снова с грохотом неслись по равнинам, и возбуждение от погони ускорило биение сердца только для того, чтобы уступить место неутомимому плачу о том, что все буйволы ушли. Воспоминания о трагедиях племен, о старых лагерях, о приходе белого человека, о нарушенных договорах, о появлении солдат — все это толпилось в ожидании признания; [стр. 215] вигвам, вокруг которого текли счастливые дети и веселый круговорот жизни, старики, их советники и друзья, ушедшие в страну духов, и теперь это должен был быть последний, самый последний совет. Сердце сжимается от волнения, когда они нарушают молчание, и по индейскому обычаю вождь смотрит в лицо вождю, и, не произнося ни слова, они один за другим проходят через дверь, ведущую в страну без горизонта.

Угасающий Закат

Трава в прериях стала коричневой, деревья на берегах близлежащей реки окрасились в малиновый и оранжевый цвета, сирийская синева небес, на которых то тут, то там виднелись огромные облака, ослепительное солнце раннего осеннего дня - все это подчеркивало и оживляло великолепную мозаику расцветок, которые носили вожди, когда, не прибегая к насмешкам, они садились на коней и встречали свою окончательную судьбу.

Индеец - превосходный наездник. И лошадь, и всадник, кажется, срослись. Это поэзия в движении. Блестящая кавалькада быстро покидает старую резиденцию совета, виднеющуюся вдалеке. Слово "прощай" было окрещено духом мира, и теперь, когда они едут вперед, знамя мира реет над ними. Покой витает в воздухе. Недалеко отсюда протекает река, воды которой зародились среди снегов далеких гор, и река, залитая солнечным светом, издает свои ликования мира. Подобно "армии со знаменами", они вступают [стр. 216] в тенистое ущелье долины, пересекают быстро текущий ручей и выходят на равнину. Странной и живописной выглядит процессия, когда длинная вереница всадников сталкивается с одиночеством далеко раскинувшейся линии пустынных просторов — плоской и мрачной безмятежностью песка, шалфея и кактусов. Облака пыли поднимаются с необъятных засушливых просторов, словно дымовые сигналы к несравненной необъятности неба. Плающий туман, расплавленные небеса, причудливые, похожие на копыта кактусы, доблестные всадники притягивают взгляд. Мы идем по их следу, пока они почти не теряются из виду в пелене, которая окутывает песок, шалфей и всадников. Кажется, теперь трагическая душа бродит по этим бесконечным дебрям, беспокойная и пылающая страстью, спутница бурь и вестница жестоких деяний.

Исчезающий в Тумане

Вожди храбро выходят из этой лишенной эха тишины, покрытые пылью, но бесстрашные. Теперь они должны совершить восхождение на крутые и массивные утесы. Достигнув вершины, они останавливаются, чтобы передохнуть и оглянуться назад. Тропа стерта. Каждый отпечаток копыта на песке стерт. Бескрайнее желтое пространство теперь приобретает манящие мили цвета; королевский пурпур теней кажется разноцветными полосами, связывающими все пространство там, вдали, с домиком совета. Они знакомы с речью гранитных холмов, с высоты которых они сейчас обозревают перспективу. В этих скалах, таких [pg 217]..... Пожары сердца Земли кое-где раскололи землю и оставили зазубренные памятники из камня и красного пепла, все еще несущие оттенок пламени, остывшего под дыханием бесчисленных зим. Все еще подчиняясь внутренней и всепоглощающей страсти своей жизни, индеец соорудил алтарь в этом странном святилище и ждал, когда можно будет поклониться.

Но для индейца путь всегда лежит вниз — вниз, в тенистую долину, вниз, к бездонному ущелью, окаймленному мрачными, холодными серыми скалами, хранящими в дальних нишах тайные ручьи, которые пробиваются под горой к расколотой скале на залитом солнцем склоне. Затем они поехали туда, торжественные, но непоколебимые. Раз за разом они оборачивались на своих усталых коней, чтобы оглянуться на тянущуюся вдаль линию утесов, которые, казалось им, плыли в поднимающемся приливе багрового моря. Вперед и все дальше, пока они не достигли тишины просторных прерий, перекатывающихся, как океанские волны. Меланхолия навеивается на ум, когда перед взором проносятся эти безграничные и неисследованные просторы, ограниченные только горизонтом. Дух великого благоговения овладел душами этих людей, каждого из них, потому что в дополнение к монотонности пейзажа они должны были прислушаться к требованиям выносливости, ибо это снова была “земля, где нет воды”. Память иногда является [стр. 218] часом рождения пророчества, но здесь память одевает настоящее болью и потерей, и для них пророчество умерло вчера, а отчаяние завтрашнего дня пишет свои мрачные заголовки на каждом последующем шаге их путешествия. Но индеец встретит это лицом к лицу. Он всегда встречает смерть так, как если бы она была игрушкой своего часа. Ветры в этих прериях всегда летают на быстрых крыльях — они никогда не бывают спокойны — они полны призрачных голосов. Вожди покинули дом совета, они попрощались, дни их триумфа остались позади. Мысли, которые жгли мозг, владели усталыми паломниками.

Лицом к закату

Теперь им пришла в голову одна освежающая мысль: дни странствий привели их к воде — воде, без которой нет жизни. Эта длинная зеленая бахрома, вьющаяся под гребнем далеких холмов, означает рост деревьев. Индейцы любят братство деревьев. В этом пустынном пейзаже деревья растут только на берегах ручьев. Они спешат к воде и желанной тени. Усталый зверь и усталый человек купаются в животворящем потоке. Лошади переходят ее вброд, как будто снег растаял, и бегут туда, чтобы приласкать и освежить их. О, как приятна вода! На краю дальнего берега разбивается лагерь на ночь. В западной ночи есть колдовство. Мириады низко висящих звезд, ярких, крупных и сияющих, склоняются, чтобы согреть душу и осветить путь. Под этими ночными фонарями, под шелест листьев [стр. 219] и шум реки, они разбивают лагерь на свою последнюю ночь, сгибаясь под тяжестью мыслей, слишком глубоких для слез. В дымке прерванного сна они снова вспоминали печали своей беспокойной биографии. Когда утро пробьется сквозь унылую серость восточного края неба, он будет бессердечным хирургом эмоций, пытающимся проникнуть в пафос их мыслей, и скучным и вульгарным ритором, который попытается разобрать бездонную печаль их речи.

В тишине нового утра они сели на коней и отправились в свой путь через Великую Пропасть. Казалось, вся Природа сознавала, каким бременем ложится на землю каждая мысль индейца и развеивает в прах все надежды расы. Птицы вспомнили, что нельзя петь — луговые собачки прекратили свою почти непрерывную и скрипучую болтовню. Даже лошади, казалось, медлили и боялись преодолевать утомительные мили своего последнего дня путешествия. Холмы, небо, сам свет полуденного солнца собрали в себе новую атмосферу и, словно мантией, окутали это странствующее воинство. Усталые ноги теперь опираются на самый высокий купол холмов. Это был подъем на запад. Прямо у них на глазах, словно желая прославить этот момент, бог дня превратил облака и небо в чудо заката, живым огнем превратив коричневые травы в сияющее золото, увядающий шалфей — в серебряное сияние, а отблеск далекой реки - в красный цвет вина. Сцена ошеломила их. [стр. 220] Гладиаторы прежних времен превратились в беспомощных детей. Во время торжественного ожидания этого трагического момента, ожидая в растерянном и удивленном молчании, с лицами, озаренными зловещим закатным сиянием, один великий вождь произнес речь для всех: “Братья, Запад, Запад! Только у нас есть ключ к Западу, и мы должны смело открывать врата; мы не можем купить лампу, которая прогонит ночь. Мы всегда следили за временем по солнцу. Когда мы пройдем через врата этого умирающего дня, мы попадем в страну без солнца, и для нас больше не будет времени, в вечную страну всепожирающей тьмы”.

Одно тоскливое мгновение они смотрели и ждали, затем холм перестал их преследовать. Они спускались по узкому, бесплодному хребту, окаймленному по обе стороны угрюмыми и непроходимыми пропастями. Их орлиные перья развевались на боевых шляпах и дубинках, украшенных красными лучами солнца. Тропинка становилась все круче и неровнее, пока они не уперлись в острый край обрыва. В нехоженом спуске таилась опасность. Это был путь борьбы.

Однажды в долине

Они попрощались навсегда.

Так ушли Великие Вожди,

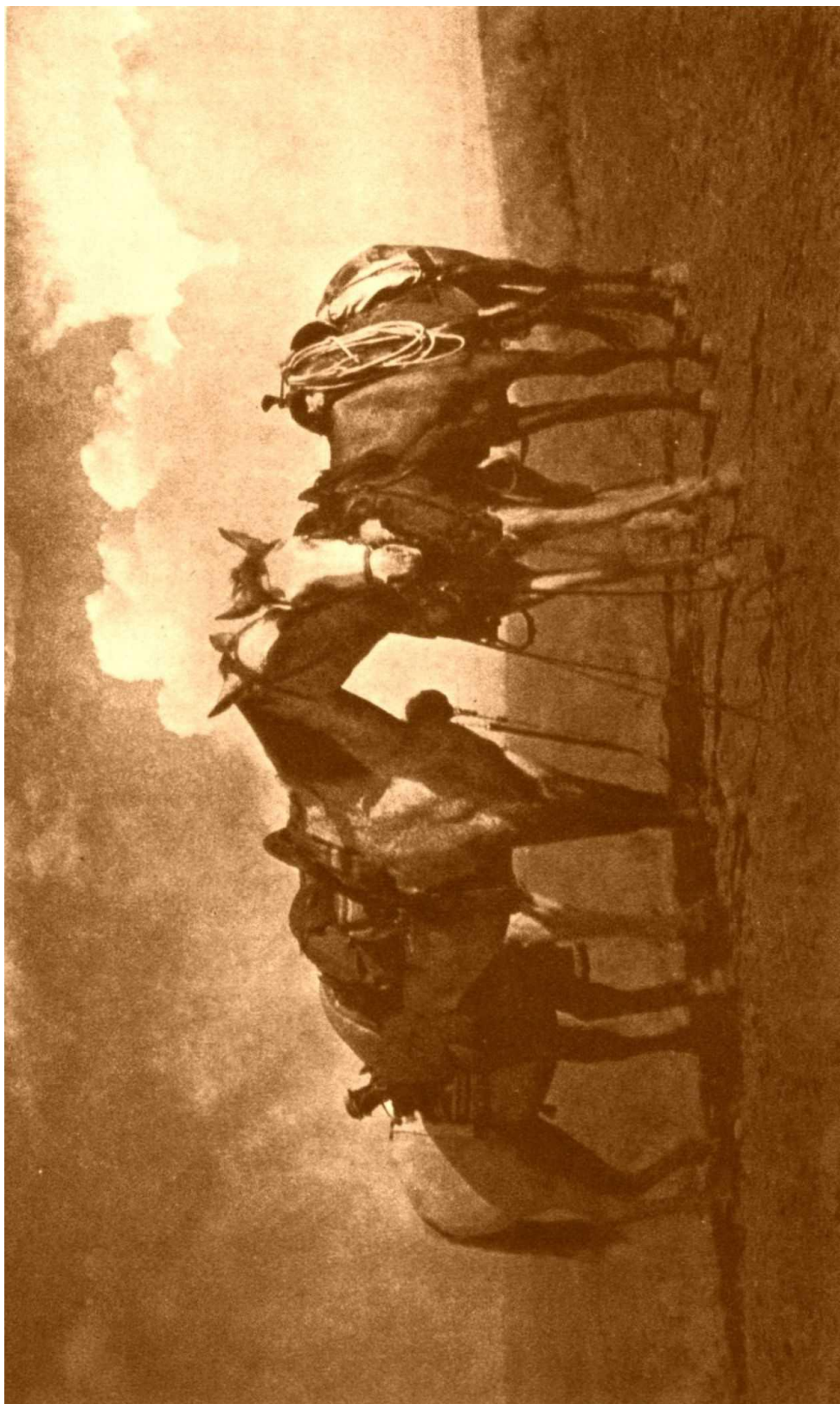
В пурпурных вечерних туманах.

Закат Умирающей расы

Индеец сочиняет музыку для каждой эмоции своей души. У него есть песня о Великой Тайне; о зверях [pg 221]..... Его молитвы воплощены в песнях. Вся его жизнь - это выражение в музыке. Эти песни бережно хранятся на протяжении веков, и старость учит молодежь важности мелодии, чтобы ничего не было потеряно, ничего не забыто. Гайдн написал свое “Творение”, Бетховен - свои “Симфонии”, Мендельсон - свои “Песни без слов”, Гендель подарил миру свой “Мертвый марш Саула”, Моцарту граф Вальзегг поручил излить свою великую душу в реквиеме; во время его сочинения он чувствовал, что пишет мертвый марш своей души. На протяжении многих поколений ее пели в маленькой церкви Святого Марка, где великий композитор покоится в безвестной могиле. Если бы индеец обладал объединенной душой этих мастеров музыки, мог бы он извлечь из симфонии, оратории и реквиема и спеть панихиду по великим нотам, которые волновали и вдохновляли века, он бы тогда запнулся на грани своей задачи в попытке передать тяжесть своего плача и произнести для поколений людей реквием, созданный в эти моменты страсти — страсти скорби, такой печальной, что ее голос должен пронестись сквозь толщу неба и заглушить гром самой свирепой бури. Оркестровое величие великих композиторов мира - порождение гения. Они достигли невероятных высот вдохновения в нескольких отдельных случаях и на радость людям. Индеец, сочиняющий свой собственный реквием, должен охватывать [стр. 222] вечный пафос целой расы человечества, преодолевающей вызов смерти. Хорошо, что индеец не сочиняет этот марш смерти, потому что его печаль заглушила бы все колыбельные песни и заглушила бы смех детей.

Наполеон сказал своим солдатам, выстроенным в боевой порядок на равнинах Египта, перед величественным Сфинксом и вечными пирамидами: “Сорок веков взирают свысока на ваши сегодняшние действия!” Четыреста с лишним лет назад Колумб впервые увидел красного человека. Эти торжественные столетия смотрят свысока на этот день; смотрят свысока на вложенный в ножны меч, сломанную трость для переворота, раздробленный боевой топор, покинутые вигвамы, последних краснокожих, мобилизованных на равнинах смерти. Девяносто миллионов затуманенными глазами наблюдают за этим исчезающим остатком расы, чье царственное величие вдохновляет в тот самый момент, когда она уступает иконоборчеству цивилизации. Это впечатляющий триумф одиночного величия, простирающийся за пределы досягаемости воинствующих преступлений, их приглушенные шаги доносятся за пределы эха.

Пустое Седло